ВОЕННЫЙ ЗАРУБЕЖНИК

СБОРНИК статей и материалов буржуазной военной печати

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Военный Зарубежник

СБОРНИК
статей и материалов
буржуазной военной печати

№ 10

Адрес редакции: Москва, 19, Манежная, № 7.

Содержание

1934

Государственное военное издательство. Москва.

I. Общие вопросы современной и будущей войны

Ген.-майор **Фуллер**

Агрессия и наступательное оружие

(Абсурдность качественного разоружения)

(С английского)

Aggression and aggressive Weapons. Major general J. T. C. Fuller „Army Ordnance“. July—August 1933, № 79.

Иронизируя по поводу неудачи конференции по разоружению и полемизируя с Лиддель-Гартом, Фуллер стремится доказать абсурдность качественного разоружения, защищаемого Лиддель-Гартом, которое он отождествляет с предложением уничтожить именно новейшие типы оружия и вернуться к прежним способам войны, еще более разрушительным. Агрессивно бывает не оружие, а политика, говорит Фуллер. Проблема мира надежнее всего разрешается подготовкой к войне, которая тем успешнее сможет предотвратить войну, чем более «ужасающи» будут средства поражения. Заслуживает внимания оценка Фуллером с этой точки зрения свойств новых видов военной техники, новые попытки его обосновать необходимость заменить человека машиной, а также откровенное признание, что главнейшей задачей авиации является непосредственное и беспощадное воздействие на население противника.

От редакции

Повторяя свои прежние доводы в пользу новейшего, более разрушительного, эффективного, мощного оружия, каким являются тяжелая артиллерия, танки, ОВ и бомбовозы, Фуллер на этот раз (со свойственной ему страстностью) восстает против понятия о большей агрессивности этих видов оружия по сравнению с другими, причем доходит до утверждения, что по существу нет разницы между новейшими видами оружия и... стулом, которым можно действовать не менее агрессивно. Такое возведение стульев в степень агрессивного оружия, как и другие приемы затуманивания понятий об агрессии, нужны Фуллеру для того, чтобы оправдать гонку вооружений, а также применение новейших типов оружия против «малокультурных» народов и вообще явно агрессивную политику британского империализма. Его отрицание «агрессивных видов оружия» нужно ему также в соответствии с политикой английского империализма и для оправдания политики вооружений германского фашизма. Наконец Фуллер своей софистикой в вопросе об агрессии стремится обосновать подготовку войны против Союза ССР, который по заявлению Фуллера «агрессивен, когда он раздувает коммунистическую революцию в других странах». Эти империалистические тенденции Фуллера выступают особенно рельефно после того, как СССР внес ясное, четкое, не оставляющее никаких сомнений определение агрессора, которое принято целым рядом других государств.

Редакция дает место этой статье Фуллера как типичнейшему образчику буржуазной военной мысли, выражающей самую неудержимую и беспощадную агрессию наиболее воинственных элементов буржуазии, которые стремятся преодолеть международные противоречия империализма для образования антисоветского блока, не брезгуя при этом демагогией, контрреволюционная сущность которой не должна внушать сомнений. Его демагогические выпады против национализма и дипломатии (буржуазной) не лишены остроумия и в известной степени помогают разоблачить империалистов, слугой которых является Фуллер.

Мы живем в сумасшедшее время, когда все идет вверх дном.

Мы отлично знаем, что вызвало последнюю войну и что вызовет будущую войну: это — исключительный национализм, сплетенный с экономическими интересами и оплетенный ими, — национализм, который превратил каждую

европейскую нацию в шайку бандитов, существующую лишь за счет грабежа своих соседей.

В мирное время грабеж осуществляется посредством целого ряда мероприятий, имеющих целью поставить другого в безвыходное положение. Сюда относятся продажа дешевле других, тарифная система, протекционизм, эмбарго, субсидии, дипломатические угрозы и внушения [1].

Все эти методы не требуют пролития крови. В целом они называются дипломатией или внешней политикой, но ни в коем случае не войной. А потому такие действия не считаются агрессивными.

Между тем самый недалекий человек поймет, что проливаемая кровь — лишь случайность, инцидент, сопутствующий агрессии, и что сама агрессия — это все перечисленные выше средства подрыва экономической мощи других наций и стремление всегда наголову опередить других. Короче говоря, агрессия — вопрос политический, а не военный. Армия, флот и авиация — лишь инструменты политики. Если политика не проявляет агрессивных тенденций, то и эти средства никак не смогут стать агрессивными. На деле говорить об агрессивном (наступательном) оружии — значит просто путать терминологию.

Понимают ли это дипломаты и политики? Конечно они это отлично понимают, ибо хотя большинство политиков плутоваты, но круглых глупцов среди них мало.

Политик так сильно затянут тиной дипломатических традиций, так поглощен и опутан ложью и лицемерием, что, как рыба без воды, он испустит дух, если хоть раз скажет правду [2].

После окончания войны конференции заседают за конференциями. На каждой из этих конференций делегаты достаточно ясно отдают себе отчет в том, что следует предпринять. А поняв это, палец о палец не ударяют, чтобы претворить благие намерения в жизнь.

В зале заседаний они один за другим, захлебываясь, изливают потоки добрых намерений и братской любви: «Дух единства об'единяет нас»... «Человечество и гуманность требуют...» «Нас будут судить потомки»... «Следующая война — гибель нашей цивилизации» и т. д. и т. п. К чему вся эта декламация? Чтобы убедить друг друга? Смешно! Они так же хорошо, как и я и вы, знают, что все это — чистейшей воды лицемерие. Почему же они все это говорят? Ответить на это легко: чтобы дать пищу прессе, а пресса при помощи этого материала одурманивает общество.

Читатель, если вы мне не верите, пойдемте из зала заседаний в апартаменты и гостиные отелей, где живут эти люди, за которых мы, простачки, платим деньги. Послушаем, что они говорят, потягивая свои коктейли (кстати также распиваемые за наш счет), и вы убедитесь, что человек, в зале заседаний обманщик и лгун, здесь очаровательный и гостеприимный хозяин. Если он обладает хоть крупицей юмора, он открыто признается вам, что все, что он говорил, «вздор», но... «Х. очень страстно отстаивал свои подводные лодки... Не пойму, к чему это? Ну, отлично, никогда не знаешь наперед... Я пошлю доклад правительству...». А что делает его правительство, получив доклад? Оно заказывает новые 12 истребителей и вносит в бюджет будущего года постройку новых 6 подводных лодок. Затем, чтобы прикрыть свои действия, оно громко начинает кричать о разоружении...

Что же на самом деле представляют собой эти конференции? Гигантские международные балаганы. Возьмите Женевскую конференцию по разоружению — это ярчайший пример такого балагана.

Она открылась среди шумихи, рекламы и трубных гласов, достойных цирка. Публике было сообщено, что на конференции представлены 64 страны, что на ней будут присутствовать 2 400 делегатов и экспертов, 500 журналистов, что площадь обеих зал заседаний равна 3 000 кв. футов. Открывая конференцию, мистер Гендерсон сказал: «Здесь собрались избранные ораторы

---

[1] Ценная характеристика британско-японской политики! — **Ред.**

[2] Неплохая формулировка для характеристики лицемерия и лжи империалистических деятелей, проводящих политику буржуазной диктатуры, грабежа и насилия под различными масками. — **Ред.**

от 170 миллионов... Нет человека, безразлично, живет ли он в крупных населенных и промышленных центрах, в пустынях ли Африки, в джунглях ли Востока или среди льдов Арктики, который не имел бы здесь своего представителя и голос которого не был бы здесь услышан...».

Подумайте только! И все это — просто дипломатическая трескучая болтовня. Общество было очаровано и порабощено; оно широко разинуло рот, и тогда в его глотку вкатили наркотик — 40 планов по разоружению. И это, считая лишь с февраля прошлого года.

В числе этих планов был один, представленный республикой Сан-Доминго. Он гласил: «Учитывая, что Лига наций стремится распространить среди младенчества и юношества всех стран света идеалы мира, братства и международного сотрудничества... делегация республики Сан-Доминго на конференции по разоружению имеет честь предложить конференции рекомендовать всем странам, на ней представленным, запрещение производства военных игрушек». Подумать только: разоружение... в детской!

Каждая из так называемых мирных конференций, фактически являющихся хаотическими широкими встречами генеральных штабов, выгадывающих искусным маневрированием лучшее для себя место в будущей войне, ломала себе голову над вопросом агрессии и агрессора.

Хотя для определения этого вопроса было затрачено много схоластической премудрости, он оказался вопросом, решаемым не проще известного схоластического вопроса: «сколько ангелов поместится на острие иголки?».

В течение 12 лет ведя дебаты по этому узловому вопросу, французы наконец в прошлом декабре внесли новый проект. В нем было несколько формулировок. Агрессия определялась в нем, как «наличие (присутствие) войск на территории, не являющейся собственностью государства этих войск». Факт агрессии должен был быть удостоверен постоянным международным комитетом, составленным из дипломатических представителей и военных атташе, аккредитированных при правительстве того государства, против которого произведена агрессия. Эта комиссия должна была отправиться на место агрессии и оттуда, произведя расследование, послать донесение совету Лиги наций. Совет Лиги наций большинством голосов должен был решить, кто в данном случае прав, кто виноват.

Кто бы ни выдумал это предложение, он безусловно либо сумасшедший, либо чудак, которому не чужда юмористическая жилка. Попробуем представить себе эту картину телеграфным кодом газетного корреспондента: «Аргументы, горячие споры, ревущая толпа, смятение. Арест, убийства; 20 евреев убито в Берлине. В Париж донесено, что убитые — французские подданные. Ультиматумы. Послы укладывают свои чемоданы. Кругом реют сотни самолетов с фальшивыми опознавательными знаками. Грузовики несутся к границам в 50 различных местах. Солдаты выпрыгивают из них в чешской и польской форме, проникают на германскую территорию, быстро переодеваются за тевтонскими кустами и бросаются назад на свою территорию, вторгаясь уже в качестве насильников в коричневых рубашках со свастикой. Истерики в Праге, проклятия в Берлине, Варшава неистовствует. Та же картина на всех границах. Доносят о 200 актах агрессий. Международные комиссии сбиваются с ног. Лиге наций передается 700 докладов. Женева поочередно осаждается шестью странами, каждая из которых старается доказать виновность другой. В дальнейшем Женеву осаждают все народы, имеющиеся на карте земного шара. Ад! Гиена! Огнедышащие вулканы! У-р-р-а!». Заключение: найдите агрессора.

Нет, это никуда не годится. Не поможет и то, что президент Рузвельт также об'явил, что насильником (агрессором) следует признать нацию, войска которой выходят за границы ее государства. Отвлеченно он быть может и прав, на деле же — читай приведенную выше телеграмму.

Дело в том, что если какой-либо сапог перешагнет воображаемую линию на карте, это само по себе еще не агрессия. Раньше, чем называть это агрессией, надо узнать, почему сделан этот шаг. А это уже вопрос чисто политический. Например разве СССР не агресси-

вен, когда он раздувает коммунистическую революцию в других странах? [1].

Разве Ирландия не агрессивна, когда она задерживает платежи Англии, и разве не агрессивна Англия, когда она в свою очередь об'являет тарифную войну Ирландии?

Как сможет комиссия, назначенная из дипломатических представителей и военных атташе, решать такие вопросы? И даже если бы она смогла это сделать, что будет, если Совет Лиги наций не вынесет по такому вопросу единогласного решения, а последнее не так уж невероятно? Что случится, если пред'явят контрпретензии? Пойдут ли мелкие государства по стопам сильных стран, обладающих большим удельным весом? Если они это не сделают, то, поскольку согласно парижскому пакту нейтральность, как и война, исключается, им придется либо примкнуть к агрессору, либо поочередно бороться с обеими сторонами. В итоге мы возвращаемся к 3—4 столетиям до Р. Х., когда соперничавшие «цезари» боролись за цезаризм.

Франция хочет безопасности, а безопасность означает для Франции гегемонию над Европой. В Версале в 1919 г. Франция отстаивала те позиции, которые отстаивал в 1807 г. Наполеон I. В Тильзите маленький капрал сказал собравшимся королям: «Частью моей системы является ослабление Пруссии. Я подразумеваю под этим то, что она не должна играть больше какой-либо роли в политическом равновесии Европы». С 1919 г. политика Франции — это вновь политика племянника Наполеона I — Наполеона III, ярко выраженная им в следующих словах: «Кое-кто говорит, что империя — это война. Я говорю, что империя — мир. Если Франция удовлетворена, мир в безопасности». Удовлетворение означает преобладание; преобладание означает агрессию в потенции, ибо оно не приминет вызвать недовольство.

Франция, опоясанная крепостями, на которые со времени войны она истратила более 150 млн; и располагая армией в 600 тыс. человек, все еще боится Германии. А почему? Потому, что французы достаточно логичны, чтобы понимать, что агрессия — вопрос не военный, а политический. Вот по этой-то причине Франция пытается с таким рвением выработать точную формулировку агрессии.

Ее единственной и основной целью является поддержание status quo (нынешнего положения). Локарнским договором она добилась согласия на это Великобритании, и с тех пор все ее усилия направлены к тому, чтобы вовлечь в подобное соглашение и Соединенные Штаты.

Франция с такой настойчивостью добивалась этого, что наконец 22 мая 1933 г. заговорил Вашингтон. «В случае, если на конференции государства определят, что какое-либо государство, порвав со своими международными обязательствами, окажется виновным в нарушении мира, и в соответствии с этим примут какие-либо меры против насильника, то, если мы будем согласны с оценкой, данной ответственной и виновной стороне, мы воздержимся от любых действий, ведущих к срыву тех коллективных усилий, которые государства смогут предпринять с целью восстановить мир».

То же, изложенное короче и проще, означает: «Если возникнет война и если вы сговоритесь, кто насильник, а мы согласимся с вашим мнением, мы обещаем ничего не предпринимать».

Этот непревзойденный образец софистики об'явлен Великобританией непревзойденным мастерством. И сделано это не потому, что формулировка эта может в какой-либо степени помочь Франции, а потому, что британские дипломаты видят в этом некоторое ослабление требований и претензий США на свободу морей.

Пустота и бессодержательность этого явления разожгли воображение британцев. Спустя день или два после этого заявления сэр Оустин Чемберлен об'явил, что «определить точными, законными терминами, что такое агрессор, означает вместе с тем и предупредить то, чего надо избегать, чтобы не быть агрессором. Зная эти правила, агрессор постарается их обойти. Бесспорно лучше

[1] Повторение старой и избитой легенды о том, что СССР якобы ведет «коммунистическую пропаганду», — легенды, давно опровергнутой, в частности и самим Фуллером, который в книге «Преобразование войны» указывал, что причины недовольства масс надо искать в недрах современной цивилизации. — **Ред.**

было бы действовать по нашему старому английскому обычаю: мы узнаем насильника, когда придет время его узнать».

Что же все это означает, если эти рассуждения довести до логического конца? Это означает, что ради того, чтобы международные законы и соглашения были ограждены от одурачивания и плутовства, они должны быть построены на полнейшей бессодержательности. Таким образом «Война»... «Агрессия»... «Безопасность»... Действия, которые будут предприняты... Если Моисей написал бы вместо заповедей десять раз подряд на своих таблицах: «Ты не должен...» [1], то ему пожалуй не пришлось бы разбивать их о землю, ибо избранный народ проявил бы такую агрессивность, что разбил бы эти таблицы о голову Моисея.

Таким образом, сведя определение агрессии к нулю, я перейду теперь к моей проблеме.

Если проблема агрессии окружена трудностями [2], то проблема агрессивного (наступательного) оружия обрамлена нелепостью по той простой причине, что неодушевленный предмет не может быть агрессивным. Например никто не назовет стол или стул агрессивными, разве только в том смысле, что они режут глаз. С другой стороны, если я хватаю стул, чтобы сесть, и вызываю вместе с ним чье-либо падение, то будет совершенно правильным сказать, что я воспользовался стулом агрессивно. Различие между стулом, используемым как оружие, и настоящим оружием заключается в назначении, ради которого эти вещи сделаны. Стул сделан для того, чтобы на нем сидеть; оружие — для того, чтобы убивать. Все оружие производится, чтобы обеспечить убойное его действие, а это действие может быть использовано либо наступательно, либо оборонительно. Так я могу пойти охотиться в джунгли, собираясь подстрелить тигра; могу я туда пойти просто погулять и воспользоваться своей винтовкой ради самозащиты, если тигр попытается меня «подстрелить».

Я пустился на эти об'яснения с целью очистить почву от кое-какой «нелогичной» сорной травы. Оружие не агрессивно, не наступательно, не оборонительно. Оно — просто убойное механическое приспособление, которым можно пользоваться и наступательно и оборонительно.

Далее, наступление не означает еще обязательно агрессию.

Агрессия, как она понимается в военном мире, есть «провоцирующее нападение». Так, когда в августе 1914 г. германцы вторглись в Бельгию, это безусловно явилось агрессией. Но когда французы в свою очередь вторглись в провинцию Южного Бадена и проникли к Мюльгаузену, их действия видимо являлись оборонительными, ибо целью их было не вторжение в Германию с этого направления, а предупреждение вторжения Германии во Францию и занятия германцами Бельфорского прохода.

Раз'яснив этот вопрос, я перейду к характеристике оружия.

Подробное рассмотрение этой проблемы требует большего, чем могут дать пределы небольшой статьи.

Рассуждая в общих чертах, наземное оружие до 1914 г. могло быть разделено на две основные категории: полевое оружие и осадное оружие. Когда же во время войны развилось применение механической тяги, это разделение исчезло, ибо тяжелейшие осадные орудия могли перемещаться при помощи тракторов и паровозов.

Таким образом случилось, что отказ от коня свел это разделение к нулю и вскоре оказалось, что все полевые армии наряду с полевой артиллерией, винтовками и пулеметами вооружились также и тяжелой и средней артиллерией. Все это вооружение я назову оружием «старой категории».

К этой категории добавилась новая категория, включающая три различных средства: ОВ, самолет и танк.

Не вызывает никакого сомнения, что оружие этой новой категории обладает повышенной мощностью и что, если бы война затянулась на лишний год-два, оружие этой категории резко вытеснило бы оружие старой категории и изменило бы всю природу тактики военных действий.

---

[1] И ничего больше. — **Ред.**

[2] Фуллер сознательно умалчивает о ясном и бесспорном определении «агрессора», внесенном советской делегацией. — **Ред.**

Вот для того, чтобы не допустить этой перемены, и выдвигают принцип качественности. Так капитан Лиддель-Гарт, представитель качественной доктрины, пишет: «Правильный принцип ограничения вооружения как способа разоружения зиждется на том факте, что, уменьшая потенциальную мощь агрессии, оно может помешать агрессору итти своим путем».

Единственное средство, которым наступление могло хоть частично прокладывать себе дорогу перед лицом обороны, заключалось: «...во-первых в использовании превосходящих масс тяжелой артиллерии, во-вторых в использовании танков... Отсюда логически следует, что если мы ограничим эти два средства, мы определенно ограничим возможности наступления, а вместе с тем и возможности агрессии... Уничтожим с общего согласия такое оружие, и тогда окажется мало шансов на успех агрессии. Тем самым будет разочарован и всякий, собирающийся стать агрессором. Вот это и есть основной аргумент качественной системы разоружения».

Я воспользуюсь этим аргументом и посмотрю, куда он может нас завести.

Во-первых надо отдать себе отчет в том, что мощь оружия относительна. Например в XIX в. винтовка являлась значительно более мощным оружием по сравнению с мушкетом XVIII в. Но уничтожьте винтовку, и сразу же мушкет обретет свои потерянные возможности и в войне своего типа станет не менее сильным средством, чем винтовка в своем, а в смысле убойности — и оружием более серьезным, ибо в мушкетной войне процент потерь от огня мушкетов значительно выше процента потерь от ружейного огня в винтовочной войне.

Капитан Лиддель-Гарт с этим не согласен и считает, что всякое сравнение между мушкетной войной и винтовочной войной неверно. Он пишет: «В дни мушкета, стрельба из которого была недостаточно меткой и дальнобойной, наступление пользовалось преимуществом перед обороной. Лишь появление винтовки и дальнейшая эволюция ее в сторону пулемета дали обороне перевес над наступлением. Следовательно, если мы уничтожим винтовку и пулемет, наступлению вернется потерянная им мощь. Если же мы уничтожим тяжелое оружие и танки, оборонительное превосходство винтовки и пулемета неизбежно еще сильнее обеспечится».

Так ли это? Я в этом сомневаюсь. Во-первых неправильно, что в мушкетной войне мушкет являлся первейшим фактором наступления. Бесспорно одно — именно, что подвижность всегда была главенствующим фактором в первом случае (т. е. в атаке), а стабильность — во втором (т. е. в обороне). Пока армии сохраняют достаточно малые размеры, чтобы свободно маневрировать, и во главе их стоят командиры с живым, не косным умом, совершенно безразлично, чем вооружены бойцы этой армии: мушкетами, винтовками или пулеметами [1]. Наступательная мощь таких армий и так будет достаточно велика.

Но увеличьте размеры армий до тех пределов, которых они достигли за последнее столетие, когда они стали исчисляться сотнями тысяч и даже миллионами людей, — тогда маневр становится невозможным и верх возьмут действия оборонительного порядка. Поэтому качественное разоружение находится в противоречии с количественным разоружением.

Аргументы капитана Лиддель-Гарта логичны, если сохранить под ружьем целые нации, т. е. при наличии колоссальных вооруженных орд, атаковать которые возможно лишь фронтально.

Его воззрения видимо основываются исключительно на тактике действий последней войны.

Совершенно верно, что в войне такого типа винтовка и пулемет могут оказаться по сравнению с мушкетом более мощным оборонительным оружием и процент потерь от их огня будет выше процента потерь, вызванных огнем мушкета.

Но если произойдет количественное разоружение, эта оборонительная мощь значительно потеряет от применения мотора, ибо, если не будет сплошных защищенных фронтов, подвижность мехповозок позволит производить обходы, охватывающие наступления, и наносить удары по тылам. Безотносительно к используемому оружию механические по-

[1] В поисках новых аргументов в пользу «малой армии» Фуллер договаривается до явного абсурда. — **Ред.**

возки могут произвести в тактике боевых действий коренную революцию, аналогично тому, как это несколько столетий тому назад сделали набеги конницы готов, парфян и монголов.

Прав ли я? Капитан Лиддель-Гарт видимо со мной не согласен, ибо, чтобы защитить качественное разоружение, т. е. доказать, что оборона приобретет такую мощь, с которой не справится никакое наступление, даже основанное на ударе подвижных мото-механизированных средств, он собирается так прочно укрепить границы, что они станут непроницаемыми. Он говорит: «Преобладающая выгода для обороняющегося в первую очередь заключается в том, чтобы сделать невозможным вторжение противника. Если нет вида на успех наступления, то не потребуется и контратаки и не нужно будет обороняющемуся иметь средства, чтобы производить эти контратаки».

Я никак не могу отделаться от впечатления, что первый довод капитана Лиддель-Гарта исключительно построен на опыте последней войны и соответственно предполагает возвращение к массовым армиям — ордам последней войны.

Я думаю, что и второй его довод также исключительно основан на его опыте и знакомстве лишь с проблемами франко-германской войны.

Совершенно верно, что границы Франции, узкие и защищенные многими естественными препятствиями, могут быть, хотя и ценою затраты больших средств, полностью укреплены. Поэтому для таких границ аргументы Лиддель-Гарта вполне правильны. Но возьмите германскую границу, или польскую, или русскую, и вопрос встанет совершенно в другом виде.

Желание исключить здесь возможность наступления, стремление сделать эти границы непроницаемыми для наступления обойдутся в тысячи миллионов долларов, а поставка гарнизонов для новых сооруженных крепостей и укреплений потребует сотен тысяч солдат.

Если сила этих гарнизонов будет, как говорит Лиддель-Гарт, столь велика, что за ними не надо будет держать подвижной полевой армии, тогда во избежание внезапности, связанной с неожиданным нападением, придется и в мирное время держать эти гарнизоны по штатам военного времени.

Возьмем к примеру Польшу. Сухопутная граница ее, могущая подвергнуться агрессии, тянется примерно на 4 000 км. Предположим, что эта граница защищена поясом укреплений и крепостей глубиной в 8 км и что на каждый километр таких укреплений требуется гарнизон в 500 солдат. Тогда Польше потребуется армия в 2 млн. человек и, как я говорил выше, такая армия должна содержаться и в мирное время, ибо одни крепости без гарнизона бесполезны против внезапного нападения. Германии в свою очередь потребуется армия в 3 млн. человек, а Франции, не считая ее швейцарской границы, — 600 тыс. человек, или фактическая регулярная армия, которую она сейчас имеет.

Одни эти цифры показывают нам, что принципы качества и количества очень тесно переплетаются. Если понижается качество и хотят обеспечить безопасность, нужно повысить количество. Если количество не повысится, совершенно невозможно и немыслимо ни обеспечить стойкость границы, ни создать на войне фронты, лишенные флангов, как это было в войну 1914—1918 гг. Без этих двух условий столкновение выльется в маневренную войну, и та сторона, которая окажется лучше подготовленной для использования мото-мехсил, проявит агрессивность, значительно превосходящую как агрессивность армий XVIII в., так и агрессивность германских армий в 1914 г.

Разбив этим, как я полагаю, основные аргументы наиболее искусного представителя качественного принципа теории разоружения, я постараюсь теперь показать, что принцип этот не только реакционен, но фактически вообще не применим.

Вполне очевидно, что цель разоружения — не уничтожение войны, ибо основная причина войны не в оружии. Цель разоружения — ограничить войны. Нам все время твердят, что новая война уничтожит нашу цивилизацию, нашу культуру. Поэтому нашей целью должно являться не только стремление затруднить вспышку войны, но и стремление

сделать самую войну менее губительной и разрушительной.

Эта точка зрения совершенно упускается школой качественного разоружения. Так возвращение к старым категориям оружия является, по крайней мере в теории, возвращением к тактике войн XIX столетия.

Фактически это совершенно немыслимо, ибо наличие даже простого автомобиля делает это уже невозможным. Однако представители качественной школы проглядели автомобиль. Все стремления их направлены к тому, чтобы вернуть боевым действиям ту статичность, тот застой, которыми отличалось большинство операций мировой войны. Эта война стоила человечеству 10 млн. жизней (считая одних убитых) и по несколько консервативным подсчетам обошлась в 200 млрд. фунтов стерлингов.

В той обстановке, которая сложилась в августе 1914 г., стало вполне очевидным, что наступления, основанные на силе штыка, обречены на неудачу. На самом деле так и случилось.

А что мы увидели сразу же после войны? Тактика штыкового удара восстановлена во всех правах, а ныне принимаются все усилия, чтобы отделаться от танков, ОВ и т. п.

Даже сегодня в любой армии больше сторонников штыка, чем сторонников танка, больше сторонников конницы, чем авиации, и если уничтожат новые средства борьбы, это не окажет никакого впечатления и не произведет переворота в умах, ибо большинство солдат будут продолжать действовать винтовкой и пулеметом совершенно так же, как они это делали в 1899, 1904 и 1914 гг.

«Но, — скажут энтузиасты качественного принципа, — они не прорвутся». Да, они не прорвутся, но и не смогут помешать побеждать дисциплинированной и выдержанной армии. Они будут вновь и вновь заряжать свои винтовки и пулеметы, но и будут выбывать из строя сотнями тысяч.

Демократия от ярости озвереет и обезумеет. Последует борьба за превосходство в воздухе. Начнут строить танки и бросать их в бой с необученными командами. Широкие пространства будут затоплены ОВ. Подводные лодки, как волки, будут рыскать по морям. Безумцы будут изобретать, убивать и избиваться, и если в конце концов ни одна из сторон не достигнет победы, то все стороны в полном банкротстве скатятся к большевизму.

Может быть мне захотят доказать, что методы ведения войны XX в. с оружием нового типа более разрушительны и убойны, чем методы ведения войны XIX в. с оружием прежнего типа?

Конечно захотят это сделать, но факты говорят противное.

Наполеоновские войны относительно были намного разрушительнее мировой войны, а 30-летняя война была разрушительнее наполеоновских войн. Однако история может ошибаться. Обратимся тогда к фактам, взятым из мировой войны.

Губительный характер мировой войны зависел от ее затяжного характера, а последнее было вызвано трудностью преодолеть пулю обороны. Лишь когда появилось новое оружие, пуля начала несколько сдавать. Танк спас тысячи жизней, возможно сотни тысяч.

ОВ оказались вполне серьезным оружием. Однако если из числа всех поражений пулями и осколками снарядов 23,4% вели к смерти, то среди потерь, вызванных ОВ, смертельными оказались лишь 1,87%.

Наконец самолет перенес войну с театра действующих армий на территории столиц и промышленных центров, говоря: «Вы, штатская публика, родили эту войну, и вы же, штатские, за это поплатитесь!».

Здесь мы подходим к самой сути и самому существу качественной проблемы.

Война ужасна, но для штатской публики, зачинателей и разжигателей войны, самая ужасная форма ужасающей войны — это та, которая порывает с излюбленной ими традицией завязать войну, а самим окопаться в тылу и не участвовать в ней.

Как мне помнится, виконт Сесиль Шельвуд первым выдвинул качественный принцип разоружения. Этот одноглазый фанатик мира незадолго перед тем сделал все, что было в его силах, чтобы создать конфликт между Лигой наций и Японией. Свою точку зрения на проблему разоружения он высказал 14 января 1932 г.

Его взгляды были построены на мысли повысить шансы обороны и тем самым ослабить наступление. Он добивался уничтожения всех средств борьбы, изобретенных за последние годы, и возврата к военному status quo (к положению, существовавшему до войны).

Когда в феврале 1932 г. открылась конференция по разоружению, сэр Джон Саймон, британский делегат и пацифист 1914 г., предложил «об'явление путем международного соглашения вне закона некоторого оружия и методов ведения войны», ибо «... мне кажется, — сказал он, — что это оружие и эти методы мы найдем среди позднейших изобретений и новшеств. Это не только удобнее сделать потому, что легче выкорчевать вещи с наименьшими традициями, но и потому, что эти новые методы ведения войны — ОВ, подводные лодки и бомбовозы — отличаются одной особенностью: они все стараются стереть границу, проведенную еще Гуго Гроцием[1], именно необходимость соблюдать, поскольку это возможно, резкое различие между воюющими армиями и не воюющим населением».

Для первого встречного это может показаться достаточно логичным, но для всякого, изучившего этот вопрос, рассуждения эти — чистейшая болтовня, рассчитанная лишь на эффект. Во-первых мир с 1625 г., когда цитированный выше автор написал книгу «De jure belli et pacis» (о праве войны и мира), все же несколько изменился.

Тогда гражданское население не принимало участия в войне; теперь оно играет существенную роль не только потому, что самый факт войны зависит от воли народа вести войну, но и потому, что, как только война об'явлена, каждая из борющихся стран превращается в арсенал. Во Франции в 1917 г. под ружьем стояло 3 млн. человек, а на военных заводах работало 1 700 тыс. мужчин и женщин. Между тем, если в повседневной жизни штатский и солдат сговорятся убить кого-либо и штатский изготовит нож, а солдат перережет горло жертве, оба пойдут под суд за убийство, и, если будет доказана их вина, повесят обоих.

[1] Юрист XVII в. эпохи «Кабинетных» войн.

Затем в отношении «наименьших традиций»: оружие не меняется потому, что солдату оно надоело, а меняется оно в связи с изменением всей системы культуры и цивилизации, и эти изменения заставляют солдата менять оружие. Так в 1830 г. британское адмиралтейство сочло пар «плохой привычкой» и принимало все меры, чтобы воспрепятствовать постройке пароходов. Что из этого получилось, мы знаем. Дело в том, что приходится либо шагать в ногу с цивилизацией, либо итти наперекор цивилизации.

Защищать зачинщиков войны и население, обслуживающее военную промышленность за счет шкуры солдат, — теперь дело совершенно безнравственное.

Во-первых это означает упор на количество взамен качества, упор на человеческое мясо взамен небольших механизованных армий. Эти орды убойного мяса в свою очередь требуют всеобщей обязательной воинской повинности, а всеобщая воинская повинность, то же, что и вооруженный народ, — проклятие XIX в., ибо эта система научила целые нации верить в войну и видеть в ней самоцель[1].

Во-вторых это означает, что в новой войне тысячи солдат будут избиваться, как скот на бойне, ибо все средства, которыми они могут смягчить эту бойню, от них отняты во имя мира и гуманности.

По этому поводу генерал фон-дер Гольц писал примерно 40 лет тому назад: «Ничего не может быть хуже того, когда солдат чувствует, что им пренебрегли в этом отношении без всякого повода с его стороны и что его заставляют подвергаться воздействию, против которого он абсолютно беспомощен. В таких условиях поражение вполне извинительно, и нет худшего врага для успеха, чем такое настроение в армии».

Вооружить армию устарелым оружием, когда есть лучшее, — значит большевизировать армию. В большевизированной армии восстания и бунты станут священным правом, и революция покончит с «зачинщиками» войны скорее любых «качественных» выступлений.

[1] «Антивоенная» демагогия автора не должна вводить в заблуждение читателя относительно его действительного отношения к войне.

Доказав, что новые средства борьбы ограничат разрушительный эффект войны, проводимой вооруженными ордами, мы переходим к другому вопросу: смогут ли новые средства борьбы помешать новой вспышке войны?

Ужас перед неизвестным может сдержать войну. Мощь новых средств борьбы [1] безусловно ограничит войну во времени. Между тем стремление придерживаться строго порядка вещей не ограничивает ни того, ни другого.

Если цивилизация будет взорвана, — это произойдет именно потому, что пошли по пути качественного разоружения, и потому, что теория качественного разоружения сама по себе реакционна.

Половина наших сегодняшних неприятностей вызвана тем, что мы все время оглядываемся на 1913 год, на 1869 год и даже на 1625 год.

Именно это постоянное оглядывание назад, оглядывание на Содом и Гоморру, губительно и растлевает умы.

Наконец я подхожу к последнему пункту.

Может ли быть уничтожена или ограничена военная механизация (это ведь центральная проблема качественного разоружения) без одновременного уничтожения соответствующих отраслей промышленности и науки?

Предлагать уничтожение науки абсурдно; соответственно абсурдно говорить об уничтожении нового оружия.

Танки, бомбовозы, ОВ — лишь особые разновидности трактора, гражданского самолета, химической промышленности. Подобным же образом косарь породил мощное средневековое оружие, которым можно было размозжить голову лошади. Аналогично охотничий лук родил лук боевой, спортивная винтовка — боевую винтовку.

Уничтожьте этих «сыновей» — останутся «родители», и пока мы не уничтожим и не выкорчуем всех до последнего, мы не остановим маятника часов войны, а лишь несколько передвинем стрелку назад. Жить же по неверному времени исключительно глупо.

Возьмем пример. Танки в гражданской жизни не используются. Но такая насквозь «мирная» машина, как трактор Фордзон, может быть в несколько часов превращена в то, что я назову танком второго сорта. Простой грузовик с помощью специального оборудования, изобретенного компанией «вездеходных машин» («Родлес Лимитед»), может быть быстро превращен в гусеничную машину, а с помощью нескольких непроницаемых для пуль щитов — в танк.

Правда, что такая машина не будет обладать той степенью «агрессивности», какой обладает танк Кристи, т. е. на случай, если этой машине придется бороться с танком Кристи. Но если упразднить танк Кристи и подобные ему машины, они сделаются против пехоты столь же «агрессивными», как торговое судно, вооруженное 6-дм. пушками, против нельсоновских трехпалубников времен Трафальгара или даже против «Монитора» времен гражданской войны в США 1862—1865 гг.

Нет, нельзя уничтожить танки, бомбовозы или ОВ, ибо в войнах «второго разряда» гражданские мирные предшественники этих новых средств борьбы могут быть столь же «агрессивны» (в смысле наступательных возможностей), как «агрессивны» сами эти новые средства в войнах первого разряда.

Окажется, что, стремясь покончить с сокрушающим ударом, мы взамен только облегчим нанесение такого удара.

Если мы хотим всерьез и окончательно разделаться с войной, тогда давайте уничтожим армии, флот, авиацию, военные припасы и запасы всякого рода. Это по крайней мере будет честным предложением.

Но, поскольку мы на это не идем, нам нужно готовиться к войне.

Больше надежд верно решить проблему мира всего мира разумной подготовкой к войне, чем отстаиванием нездоровых и лицемерных предложений.

Человечество стоит на распутье: оно должно быть либо прогрессивным, либо заслуживающим проклятия.

[1] Фуллер все же вынужден провести качественное различие между мощью «старых» и «новых» средств борьбы. — **Ред.**

II. Проблемы организации ВВС

Ген. **Арманго**

Руководящие идеи организации воздушной армии

(С французского)

Les idées directrices de l'organisation de l'armée de l'aire. „Revue Militaire Française" № 148, Novembre 1933.

От редакции

Среди стоящих в порядке дня современных проблем наиболее разноречивые мнения и споры во всех странах вызывает вопрос о том, может ли действующая совершенно самостоятельно авиация сыграть в будущей войне решающую роль.

Ввиду того, что во Франции ныне приступлено к организации воздушной армии, представилось полезным собрать мнения по этому вопросу виднейших деятелей авиации. Для этой цели редакция «Ревю Милитер Франсез» обратилась к ген. Арманго, директору Авиационного научноисследовательского института, выразившего согласие развить свои личные взгляды на руководящие идеи, которые привели во Франции к организации воздушной армии.

Следующая ниже статья с одной стороны рассматривает вопрос об участии такой воздушной армии в стратегическом маневре сухопутных сил, а с другой — вопрос о стратегическом эффекте, которого можно ждать от изолированных действий массы воздушных сил еще до того, как вступят в действие сухопутные армии.

Первой задачей при организации всякой армии должна быть такая расстановка элементов, образующих эту армию, которая позволила бы максимально использовать в военных операциях их свойства и основные возможности. Сюда входит постепенное развитие свойств воздушных сил в надежде обеспечить им таким образом лучшее использование, что за последнее время привело в ряде стран и в частности во Франции к созданию воздушной армии.

***

Первое из таких свойств — это мобильность воздушных соединений, это большой радиус действия самолетов.

Об'единение воздушных частей в воздушную армию позволяет полностью использовать указанные два свойства. Это об'единение соответствует эволюции войны в отношении ее формы в пространстве.

Действительно, последняя война показала, что военные действия имеют тенденцию развиваться на нескольких театрах, как у границ метрополии, так и вне метрополии. Воздушная армия — это армия маневренная, пригодная и тут и там. Может быть именно на некоторых театрах вне метрополии удастся достигнуть наиболее эффективного действия воздушной армии против территории главного противника или против главных сил этого противника. Морские силы часто служат средством связи между метрополией и ее внешними театрами, и воздушной армии придется маневрировать совместно с ними.

Конкретизируем эти мысли на примерах из истории последней войны, тогда мы увидим, какой стратегический интерес представляла бы для Франции и держав Антанты воздушная армия, которая использовала бы полностью мобильность и радиус действия своих частей, если бы они могли быть организованы и вооружены так, как это будет например в 1935 г.

Первые дни августа 1914 г.

В начале войны очень скоро выяснилось, что немцы направили свои главные силы против Франции и что они собира-

ются пройти через Бельгию с намерением сразу ударить по французской армии и победить ее в решительном сражении до прибытия английских экспедиционных корпусов.

Благодаря своему большому радиусу действия английская и французская воздушные армии могли бы, вылетев со своих баз, атаковать бо́льшие германские колонны при их переходе через Рейн, в районе Ейпен-Мальмеди и около Льежа, и при их переходе через Маас и через притоки Шельды. Вследствие присущей им мобильности в случае надобности они могли использовать передовые базы в Бельгии и таким образом увеличить эффективность и своевременность своих действий.

Английская и французская воздушные армии каждый день могли бы давать точную информацию касательно смысла, формы и успехов германского наступления, с самого возникновения войны они парализовали бы первоначальную стратегическую внезапность, на которую, несмотря на английское вмешательство, рассчитывали австро-германцы в своем стремлении выиграть войну.

Сентябрь—декабрь 1914 г.

Предвидя твердое установление фронтов большого протяжения, наиболее выдающиеся умы в правительстве и в верховном командовании Франции и Англии с конца 1914 г. предчувствовали необходимость немедленно установить связь между западным и восточным союзными фронтами.

Мы вправе полагать, что стремление использовать всю маневренную способность воздушных армий победило бы у руководителей операций колебания, обнаружившиеся при осуществлении их планов, и таким образом проект захвата Дарданелл оформился бы значительно раньше, может быть с самого начала войны. Быстро выполненный и тем самым достигающий эффекта внезапности этот проект в начале войны имел наибольшие шансы на успех.

Мы видим без труда, какую значительную помощь при осуществлении этого проекта могли бы оказать союзные воздушные армии: эти армии в течение нескольких дней заняли бы временные базы на островах Эгейского моря и в Сербии, оттуда посредством бомбардировки они помешали бы перевозке войск по направлению к Дарданеллам и на европейском и на азиатском берегах, они действовали бы совместно с морскими силами с целью форсировать Дарданеллы, а затем окончательно занять подступы к ним.

Если был бы обеспечен свободный проход через Дарданеллы, то вероятно Румыния выступила бы на стороне Антанты раньше. Тогда воздушные армии имели бы возможность организовать оперативные базы (с людским составом, запасными частями, запасами горючего и бомб) в Сербии, Румынии и на юго-западной границе России. Благодаря этим базам они могли бы комбинировать свои действия с действиями русских армий, когда австро-германцы, маневрируя по внутренним линиям, стремились выбить русских из игры, направив против них все свои силы.

Август—сентябрь 1915 г.

В середине 1915 г. французские и английские армии решили начать наступление в Шампани и под Аррасом, чтобы отвлечь австро-германские силы от России. Но вследствие значительного времени, которое потребовалось тогда для подготовки наступления сухопутных армий, наступление, предполагавшееся в августе, могло быть развернуто только к концу сентября. Оно не помешало австро-германцам добиться большого стратегического успеха в операциях против русских.

Союзные воздушные армии, французская, английская и итальянская, могли бы, хотя бы частично, направить свои воздушные эшелоны через Северную Италию, Боснию и Сербию на оперативные базы, подготовленные в Румынии и в южной части России, послав личный состав и техническое оборудование через Дарданеллы.

Четыре союзных воздушных армии, соединив свои усилия и поддержав русское контрнаступление на правом австрийском фланге, помешали бы германским стратегическим планам гораздо более действительным способом, чем наступление на западном фронте, ибо их усилия имели бы прямое, немедленное и продолжительное действие.

Осень 1917 г.

На этот раз австро-германцы направили решительный удар против итальянцев. Сухопутные англо-французские армии поспешили на помощь итальянским армиям; они восстановили положение, но прибыли слишком поздно, чтобы помешать успеху, которого добились австро-германцы опять-таки вследствие своих маневров по внутренним линиям, весьма благоприятствующим экономии и сосредоточению сил и в конечном счете стратегической внезапности.

При подобных обстоятельствах французскую, английскую и американскую воздушные армии следовало немедленно перебросить в Ломбардию и Венецию; оттуда они конечно сильно стеснили бы австро-венгерские маневры, когда последние развивались в трудной альпийской местности.

Февраль—март 1918 г.

Было ясно, что немцы подготовляли решительное наступление на западном фронте, вероятнее всего в направлении на Париж.

Еще до начала этого наступления французская, английская, американская и итальянская воздушные армии могли развернуться полукругом на западе, юго-западе и юге по рубежу Мааса, Самбры и Уазы, который служил осью наступления.

Атакуя грозное орудие войны, сосредоточенное на узком пространстве между границей и подступами к Камбрэ, Сен-Кентену, Ля-Феру, воздушные армии Антанты вероятно дали бы возможность с самого начала распознать отправную зону и направление германского наступления, оказав тем самым ценную услугу французскому и английскому главнокомандованию и изменив в итоге развитие трагических боев за Париж.

Конец 1918 г.

Маршал Франше д'Эспре упорно продвигается из района Салоник в направлении на Будапешт и Вену.

Союзные воздушные армии, вылетев со своих баз в Сербии, Румынии и Италии, могли бы помочь сухопутным армиям, обходившим с тыла австро-германцев, начав свои действия раньше них. Кроме того можно предположить, что вследствие угрозы бомбардировки австрийской и венгерской столиц двуединая монархия склонилась бы на сепаратный мир.

Наконец воздушные армии могли бы помимо больших сухопутных наступлений вести постоянную войну на истощение против центральных держав.

Используя оперативные базы в Англии, Франции, Италии, Сербии, Македонии, Румынии и России и то широко разбрасывая свои оперативные базы и маршруты, то сосредоточивая их и дезориентируя таким образом австро-германскую оборону, воздушные армии могли бы постоянно держать под угрозой крупные промышленные и торговые города на Рейне и в Баварии, уязвимые с запада и юга, Вену и Будапешт, уязвимые из Сербии и Румынии, Константинополь, и наконец Берлин и Силезию.

Не нужно обладать большим воображением, чтобы представить себе, какова была бы роль воздушных армий будущего на обширных театрах последней войны.

А между тем многие недооценивают этой роли воздушных сил и против всякой очевидности отказываются понимать, что воздушная армия вследствие своей мобильности и большого радиуса действия является стратегическим орудием войны, представляющим неоспоримую ценность.

Из мобильности и большого радиуса действия вытекает еще одно свойство воздушных сил, а именно способность действовать попеременно на суше и на море в интересах сухопутных или морских сил.

Эта способность растет благодаря увеличению надежности авиационных моторов, позволяющей самолетам летать над морями и гидросамолетам совершать перелеты над континентами, словно они находятся в родной стихии.

Если предположить, что противником Франции на войне будет держава, имеющая выход на западную часть Средиземного моря, то французская воздушная армия сможет оперировать и с африканского и с европейского берега и будет действовать и против территории

противника и против его морского флота, расположенного где-либо в западной части Средиземного моря.

Таким образом воздушная армия является фактором, присущим и сухопутной армии и морскому флоту: опираясь на сухопутную армию или морской флот, она может оказывать им услуги и прибавлять свои достижения к их усилиям.

Но в таком случае принцип концентрации и экономии сил как будто диктует крайнее сокращение воздушных сил как вспомогательного оружия, находящегося на службе у сухопутной армии или у морского флота. Тогда большая часть или почти все воздушные соединения должны быть применены для операций на земле или на море, в зависимости от положения, и воздушная армия должна быть доведена до величайшей мощности. Этот абсолютный тезис принадлежит итальянцу Дуэ.

Но этот тезис явно преувеличен, ибо на войне нет ничего абсолютного. Самым великим стратегам никогда не удавалось совершенно уничтожить второстепенные фронты или армии второстепенного значения, действовавшие в пользу главной армии или главного фронта.

По мере того как совершенствовалось вооружение, сухопутные армии и морские флоты вооружались орудиями очень большой дальнобойности. Неужели надо ослепить эти орудия, отняв у них самолеты, указывающие об'екты и контролирующие стрельбу?

Невозможно представить себе на огромном поле сражения, где ничего или почти ничего не видно, дивизий, армейских корпусов, армий или групп армий, брошенных друг против друга, без воздушных частей, которые должны их осведомлять и охранять от ударов воздушных сил неприятеля. Нельзя также представить себе на море флот, слепой из-за отсутствия самолетов.

Тем не менее эти органические воздушные части, играющие вспомогательную роль по отношению к сухопутным армиям и морскому флоту, должны быть сокращены ради приведенного выше принципа до минимума при условии, что их количество может быть немедленно увеличено, как только и насколько этого потребует положение.

Впрочем к тем же выводам нас приводит еще другой принцип, находящий в настоящее время все более и более частое применение, а именно принцип концентрации средств для достижения наибольшего эффекта при меньших затратах. Необходимость экономии средств в органическом смысле, т. е. в рамках бюджета, становится все более и более настоятельной, ибо национальная оборона уже стала слишком тяжелым бременем для каждой страны, а создание воздушных соединений влечет новые расходы, нисколько не уменьшая прежних. Поэтому ясно, что никакая нация не может в настоящее время иметь отдельно и сильную военную, и достаточную морскую авиацию, и мощные самостоятельные воздушные силы. Но тут возникает возражение, которое нельзя недооценивать.

Кадры воздушной армии не могут быть всеведущими; если эти кадры будут применяться то для операций, совместных с сухопутной армией, то для операций морского флота, то для самостоятельных действий как самостоятельная воздушная армия, то они будут плохо подготовлены к выполнению каждой из своих воздушных задач.

Это серьезное возражение. Именно опираясь на это обстоятельство, морскому флоту удалось сохранить часть, правда небольшую, наших воздушных сил. Такое же опасение существует и в сухопутной армии. Мы полагаем, что оно преувеличено, так как указанное неудобство в значительной степени можно исправить.

Во-первых армии и крупные соединения сухопутной армии имеют собственных наблюдателей, прекрасно обученных для выполнения воздушных задач, интересующих такие соединения. В нужный момент эти наблюдатели явятся, так же как они это делают в мирное время, чтобы служить в воздушных частях, входящих органически в состав крупных соединений сухопутной армии или в те соединения воздушной армии, которые должны усилить эти органические части. Они будут выполнять там поручения, требующие глубокого знания сухопутной армии. То же самое относится и к морскому флоту.

Это превосходная система: она себя показала на внешних театрах и несом-

ненно сохранит свои преимущества во время войны метрополии, если наблюдатели, как это делается на внешних театрах, будут включаться на определенные сроки в воздушные части, чтобы приобретать навык в области выполнения всех задач воздушной обороны и навигации.

Однако это не устраняет трудности в отношении кадров воздушной армии. По нашему мнению трудность можно было бы преодолеть посредством соответствующей специализации офицеров-воздушников.

Офицерский состав образуется из трех элементов, с каждым днем все более и более отличающихся системой набора, прохождением службы, формой, предельным возрастом и т. д. Эти элементы следующие: офицеры-механики; офицеры нелетного состава, занимающие гарнизонные должности, командующие рабочими батальонами; офицеры летного состава.

Последние по обычаю, установившемуся во время войны, делятся на две специальности:

на техников (офицеры баз, офицеры заведений и парков, офицеры — помощники командира по технике);

на офицеров, командующих воздушными частями в собственном смысле.

Только этих последних надо будет обучать так, чтобы они были способны хорошо выполнять задачи, связанные как с операциями сухопутной армии, так и морского флота, а также вытекающими из необходимости обороны страны или нападения на неприятельскую территорию.

Сначала эти офицеры должны пройти общую военную подготовку, которую они получают в авиационной школе. Такая подготовка охватывает более или менее глубоко изучение главнейших элементов войны вообще. До получения чина капитана указанные офицеры должны пройти краткосрочный стаж в основных родах оружия сухопутной армии и морского флота, затем они должны пройти курс обучения в военной школе офицеров-воздушников. В значительной части программа этой школы совпадает с программой высшей военной школы сухопутной армии и только дополнена предметами из программы высшей морской школы и центра авиационных знаний.

Таким образом подготовка капитана воздушной армии по специальности офицера-авиатора воздушной части потребует такого же времени, как подготовка офицера генерального штаба сухопутной армии. Мы не станем этому удивляться, если отдадим себе отчет в масштабе тех задач, которые встанут в случае войны перед воздушными частями.

С полным знанием дела мы можем сказать, что только такой ценой будет достигнуто то, что образование воздушной армии не окажет отрицательного влияния на связь частей сухопутной армии, морских сил и воздушной армии и на подготовку офицеров-воздушников при ведении комбинированных операций.

Другое, тоже важное, возражение касается технического оснащения.

Могут ли воздушные части с одинаковым материальным оборудованием выполнять и задачи тесной связи с сухопутной армией и морскими силами и отдаленные поручения без непосредственной или тесной связи с последними? Не всегда.

Цели разведки требуют специальных самолетов. Некоторые из них, заменив часть своих запасов бензина, могли бы быть превращены от случая к случаю в бомбардировщиков, но только для заданий на близких расстояниях. Но задачи борьбы с самолетами противника при обороне страны могут выполняться тем же самолетом, в настоящее время одноместным истребителем.

Бомбардировщик полутяжелого типа может с одинаковым успехом атаковать и тылы армий и наиболее уязвимые пункты на неприятельской территории. Если бы основным качеством самолета этого типа была большая скорость, а эту формулу начинают провозглашать, основываясь на том, что скорость является лучшей защитой против истребителей и ПВО, он мог бы с одинаковым успехом производить дневную стратегическую разведку. Многоместный бомбардировщик менее пригоден для ночной разведки, чем специально предназначенный для этой цели самолет, но в случае надобности он сможет оказать очень серьезную поддержку частям, которые будут иметь его на вооружении. Кроме того у нас нет очень быстроходного

бомбардировщика, и в настоящее время одним и тем же многоместным самолетом у нас оснащены и эскадрильи бомбардировщиков и некоторые разведывательные эскадрильи.

Обычно иначе обстоит дело с тяжелым типом или с гигантским самолетом, который специально предназначен для атак против крупных неподвижных целей. Не обязательно, но чаще всего такие самолеты находятся вне расположения армий.

Таким образом это возражение не так уже категорично, и мы не преувеличим, если скажем, что любое соединение истребителей и любое соединение бомбардировщиков полутяжелого типа из состава воздушной армии может по своему техническому оснащению эффективно применяться как в непосредственной связи с сухопутными армиями, так и без тесной связи с ними.

Другое основное свойство воздушных сил заключается в том, что они могут быть очень быстро готовы вступить в действие и следовательно **могут начать операции в начале военных действий.** Последнее свойство приобретает особую ценность ввиду того, что условия применения воздушной армии исключительно благоприятны именно в начале военных действий.

В самом деле, в мирное время страна не может постоянно держать себя наготове к воздушной обороне и применять постоянно меры, делающие ее менее уязвимой для воздушных атак. С другой стороны эти мероприятия не могут быть выполнены в такое короткое время, какое нужно воздушной армии для перехода от состояния мира к состоянию войны.

Итак легко может быть достигнута внезапность воздушного нападения, между тем как **противовоздушная оборона ненадежна: сухопутные армии в стадии формирования и сосредоточения будут поставлены под удар авиации и очутятся в критическом положении, крупные центры окажутся крайне уязвимыми жизненными пунктами**.

Более того, страна, которая готова взять на себя ответственность за агрессию, сравнительно легко может быстро и в известных пределах тайно развить воздушную армию как в численном отношении, так и в отношении качества еще до начала военных действий. Достаточно увеличить заказы на самолеты за какие-нибудь 5—6 месяцев до войны и держать в секрете производство на заводах.

Указанные оба качества превращают воздушную армию в мощное орудие, способное дать очень большой эффект в начале войны.

Возможность частых воздушных нападений большими массами с самого начала войны в глубокий тыл противника против жизненных центров неприятельской страны, являющихся подлинным ключом к ней и определяющих в нашу эпоху одновременно и структуру, и жизнь армий, и экономическую и социальную политику наций, — такая возможность является внушительной угрозой, которую можно парировать только внушением нападающей стороне такого чувства, что она своими действиями подвергнет себя несомненным репрессиям.

Поэтому естественно, что такая мирная страна, как Франция, должна доказать свою бдительность тем, что соединит свои воздушные силы в воздушную армию и будет держать последнюю наготове для защиты своей территории против воздушного нападения и ответа ударом на удар.

Было бы также логично, и от этого нельзя отказываться, требовать от образованной таким образом воздушной армии, чтобы она действовала в глубоком тылу до максимума усилий, на которые она способна во время указанного крайне благоприятного периода.

Выжидать несколько дней для совершения этих усилий значило бы пропустить наиболее удобный случай на протяжении всей войны.

Однако против такой концепции часто выдвигается возражение, имеющее весьма реальное значение. В ходе операций большими массами воздушная армия понесет очень значительные потери. К тому моменту, когда начнется общее наступление сухопутных армий, воздушная армия будет уже частично ослаблена, вследствие чего нарушится основной принцип ведения войны: «ударить всеми силами сообща».

Но на наш взгляд подобное возражение опирается на слишком узкую кон-

цепцию будущей войны. В наше время **было бы неправильно считать, что сухопутная армия не может считаться сосредоточенной потому, что ее резервные крупные соединения находятся на расстоянии нескольких дней перехода от частей первой линии;** достаточно, чтобы эти соединения были в состоянии вступить в дело до того, как будет перейден предел сопротивляемости и истощения частей первой линии. Точно также нельзя считать, что вследствие воздушных атак большого масштаба, начатых немедленно, произойдет раздробление сил во времени, если достигнутые воздушными нападениями результаты будут достаточно длительны и не перестанут ощущаться к моменту всеобщего сухопутного наступления.

Ведь можно предположить, что наступательные операции, произведенные при открытии военных действий, дадут такой длительный эффект разрушения и деморализации, который сможет оказать сильное влияние на ход дальнейших военных операций. Конечно лучше сократить до минимума промежуток времени между первыми воздушными атаками и первым сухопутным наступлением, но выжидать с введением в действие воздушной армии значило бы отказаться от огромного преимущества, которое дает внезапность.

Наоборот сухопутной армии надо ускорить свое вступление в действие посредством новых, менее классических методов мобилизации и стратегического сосредоточения, прибегнуть к которым нас все более и более вынуждает угроза «внезапного нападения».

***

Наконец существует еще одна причина создания воздушной армии, вытекающая непосредственно из основных свойств самолетов. Эта причина заключается в быстром развитии скорости, полезной нагрузки и увеличения потолка.

Скорость — это лучшая защита самолетов против зенитной артиллерии. Бомбардировщик, делающий 300 км в час, имеет втрое или вчетверо меньше шансов быть сбитым, чем бомбардировщик, делающий 200 км в час. Скорость является также лучшей защитой бомбардировщиков против истребителей, против их маневров и атак.

Кроме того практически чем быстроходнее будут бомбардировщики, тем дальше они смогут углубляться в тыл противника, до того как на них нападут истребители, уведомленные органами противовоздушного наблюдения и связи. Большая скорость самолетов до некоторой степени облегчает атаки на больших расстояниях, которые в течение последней войны именно и оказались наиболее трудными и часто неосуществимыми.

Увеличение полезной нагрузки, увеличивающее радиус действия самолетов, тоже повышает их эффективность. Кроме того увеличение полезной нагрузки позволяет усовершенствовать вооружение, посредством которого бомбардировщики смогут защищаться от истребителей и, не взирая на их противодействие, достигать своей цели и возвращаться на свою базу.

Наконец увеличение потолка дает бомбардировщикам возможность поставить себя вне досягаемости всех органов сухопутной обороны, орудий ПВО, прожекторов, систем воздушных заграждений и даже, что еще гораздо более важно, сети воздушного наблюдения. Правда самолеты, вынужденные бомбардировать с большой высоты, будут стрелять не так метко, вследствие чего их стрельба будет наиболее эффективна по об'ектам больших размеров. Крупные цели — это главным образом неподвижные об'екты, находящиеся на территории. Нападение на них ни в пространстве, ни во времени тесно не связано с операциями сухопутной армии.

Итак увеличение скорости, полезной нагрузки и потолка, делающее авиацию более способной атаковать отдаленные об'екты, несмотря на неприятельскую оборону, сильно способствовало решению вопроса о создании воздушной армии в положительном смысле.

***

Таковы главные свойства воздушных сил, приведшие к их организации в одну воздушную армию. Указывая на эти свойства, мы одновременно наметили руководящие идеи, следуя которым надо организовать эту армию.

В эту армию в качестве ее составных частей должны входить органические части для разведки, для наблюдения, для

связи и в случае надобности для преследования неприятельской авиации, части приданные крупным сухопутным соединениям, кавалерийским дивизиям, механизированным или моторизированным дивизиям, армейским корпусам и армиям, и части, приданные морскому флоту.

Авиационные части образуют крупные соединения истребителей и бомбардировщиков; первые ограничены до строгого минимума при условии, если вторые смогут оказать им поддержку, когда таковая понадобится.

Кадры воздушной армии — офицеры-воздушники широкой специальности, офицеры, предназначенные для командования воздушными частями в собственном смысле. Эти офицеры должны быть прекрасными летчиками, т. е. одновременно пилотами, наблюдателями, пулеметчиками, бомбардировщиками и воздухоплавателями, достаточно знающими помимо всего прочего методы маневров и боя крупных сухопутных и морских соединений. Последнее достигается стажировкой в этих соединениях и подготовкой, полученной в военной школе офицеров-воздушников.

Оснащение техникой:

самолеты, специально приспособленные для каждой из главных задач, возложенных на органические части: дневная разведка, ночная разведка, наблюдение и связь;

истребители, предназначенные как для воздушного прикрытия сухопутных армий, морских сил и воздушной армии, так и для прикрытия территории;

бомбардировщики, значительная часть которых должна состоять из самолетов полутяжелого типа, которые могут бомбардировать об'екты средних размеров и часто подвижные цели в зоне расположения армий и в случае надобности производить стратегическую разведку.

Было совершенно естественно организовать в особую армию силы, которые должны превратиться в маневренную армию, оперирующую на нескольких театрах за пределами досягаемости нормальной сухопутной или морской армии, в маневреную армию, применяемую то совместно с сухопутной армией, то совместно с морскими силами, совершающую главные усилия до того, как сухопутная армия будет готова к бою, и достигающую наибольших результатов в области разрушения об'ектов национального значения: путей сообщения, промышленных центров и т. д., а не об'ектов чисто военного значения.

Описанная выше структура скорее сможет дать воздушной армии все средства, необходимые ей для полного проявления своих главных свойств. Это способ, благоприятствующий мобильности и маневренности на всех военных театрах. Это способ, который должен обеспечить одновременность общих действий, особенно в начале войны, безразлично, направлены ли они на нападение или на оборону. Конечно создание воздушной армии не мыслится без существования сухопутной армии и морских сил. Но из всех трех видов вооружений именно воздушная армия лучше всего использует в целях войны революционное развитие механики и скорость машин.

Именно она может лучше всего достигнуть этого как в пространстве, принимая во внимание размеры вооруженных столкновений, могущих потрясти мир, так и во времени, обеспечивая внезапность, которую все более и более склонны считать на войне наиболее верным залогом успеха.

***

Вследствие полной внезапности своего появления и непрерывно растущих возможностей к действию крупными массами на большие расстояния воздушная армия обладает грозной силой. Очень многие полагают даже, что именно воздушная армия представляет наибольшую угрозу для непрочных результатов тяжелых и упорных усилий в области установления мира.

Но будем надеяться, что по счастью авиация сможет противодействовать тому, на что может решиться та же авиация. У некоторых наций воздушная армия может быть будет излюбленным орудием разрушения, но у других, например у нас, она будет в первую очередь орудием непосредственной защиты, действующим совместно с другими видами вооружений, но также и орудием косвенной защиты путем угрозы ответить ударом на удар по стране неприятеля.

Пер. **А. О. Зеленина.**

III. Вопросы моторизации и механизации

Джон, Рери, Икс

Использование танков по американским взглядам

(С английского)

„The Fighting Tanks since 1916“. By Major R. E. Jones, Capitan S. H. Rarey, Firstlieutenant K. J. Icks, United Stats Army, the National Service Publishing Company, Washington, D. C. 1933, VII. 317 p.

Извлечение из вновь вышедшей в США книги «Боевые танки», которая дает обзор всех новейших типов танков и бронемашин и рисует взгляды на применение танков в армии США, сопоставляя их со взглядами в других важнейших армиях.

От редакции

В конце минувшего 1933 г. в США появилась новая книга: «Боевые танки с 1916 г.» трех авторов, знатоков танкового дела, — майора Джон, капитана Рэри и лейтенанта Икс.

Книга эта представляет, насколько известно, первый всесторонний обзор современного строительства и применения танков на английском языке.

Из общего об'ема в 300 с лишним страниц занимают: а) около 100 страниц (т. е. ⅓ книги) — описание около 80 эпизодов с участием английских, французских, немецких и американских танков за время мировой войны; б) около 65 страниц — описание различных типов боевых машин, применявшихся во время империалистической войны и ныне сконструированных в Англии, Франции, Германии (только за время войны), Италии, СССР, Японии, Швеции, Чехо-Словакии, Испании и Польше, с приведением важнейших данных, характеризующих эти типы; в) около 35 страниц — описание современной конструкции танков с изложением ее задач и важнейших технических достижений; г) около 30 страниц — краткое описание различных типов военных моторизованных повозок (не танков), т. е. командирских танков и танков связи, полугусеничных боевых повозок (на гусеницах и одновременно на колесах), бронемашин, самоходной артиллерии, военных тракторов, грузовиков с приспособлениями для усиления их вездеходности, грузовиков, переделанных из танков, вездеходных грузовиков, моторизованных тележек, грузовиков для возки танков и грузовиков специального назначения (аварийных, с кранами и т. п.).

Остальные 70--75 страниц приходятся на небольшое введение (посвященное терминологии мото-механизации) и некоторые обобщения и выводы, составляющие содержание глав: XVIII — «Сильные и слабые стороны танков, руководящие указания для их применения»; XIX — «Типы (точнее классификация) танков и их использование»; XXVI — «Танковые препятствия и ПТО»; XXVII — «Организация танковых соединений»; XXVIII — «Некоторые принципы боя танков (в том числе боя танков против танков)»; XXIX — «Взаимодействие танков с другими родами войск»; XXX — «Связь и управление»; XXXI — «Укрытие и маскировка»; XXXIII — «Снабжение танков, ремонт, сбор брошенных танков»; XXXIV — «Общие выводы».

В отличие от известного справочника о танках Хейгля новая книга отводит не так много места описанию деталей конструкции танков, но дает более широкий обзор танкового строительства, сопровождая его множеством хорошо подобранных и отлично исполненных фотографий почти всех упоминаемых в книге типов и разновидностей танков и моторизованных повозок, что придает большую наглядность изложению. Историческая часть дает богатый опытный материал. Что касается выводов, то они вообще даются в очень сдержанной форме.

В предисловии к книге начальник штаба армии США ген. Мак-Артур пишет:

«Сочетание подвижности, огневой мощи, разрушительной силы и бронезащиты, воплощенных в различной степени в разных классах военных повозок... все еще находится в текучем состоянии. Мы не можем в категорической форме установить для сегодняшнего дня ни их потенциальных способностей, ни конечных

пределов их применения. Естественным результатом такого положения вещей является тот факт, что и доктрина их применения подвержена постоянным и подчас коренным изменениям. В соответствии с этим полная оценка достоинств и применимости этого орудия войны представляется более чем желательной. Эта задача может быть предпринята только с известной рассудительностью, здравым смыслом и отвагой. Настоящая книга дает прочную основу, исходя из которой, каждый может двигаться вперед с уверенностью, что он обладает полным и точным познанием фактов, как они существуют на сегодняшний день».

Сами авторы в своем предисловии с «американской деловитостью», но эклектически и без размаха говорят, что они в области механизации не являются «ни консерваторами, ни радикальными энтузиастами». Их желание было «держаться середины дороги», чтобы «достигнуть ясного и здравого суждения». Предмет нов, многое в нем находится в неоформленном и спорном положении. Было бы невозможно дать суждения, которые встречали бы общее одобрение со стороны знатоков танкового дела. Они предостерегают также от заключения, что если какая-нибудь идея находит благоприятный отзыв в этой книге, то она составляет уже официально признанную доктрину. Но в общем авторы не поддерживают взгляда, что танки могут заменить другие роды войск, и полагают, что они всегда будут для них вспомогательной силой.

Ниже дается изложение главы XVIII и сокращенный перевод глав XIX, XXVI и XXVIII.

Глава XVIII. Сильные и слабые стороны танков и руководящие указания для их применения

К положительным сторонам танков относятся их огневая мощность, разрушительная сила и способность морального воздействия. Но успех много зависит от массирования танков. «100 танков представляют большую боевую ценность, чем ценность 10 танков, помноженная на 10». Принимая среднюю скорость современных танков в 15 миль (24 км) в час и более, надо признать, что задача противотанковых орудий будет очень трудная. К тому же надо учесть большую способность танков уничтожать пулеметы и давать возможность продвижения своим войскам без потрясающих потерь. Следует возразить против мнения, что танки не обладают способностью к обороне, так как они вполне пригодны к производству контратак. К недостаткам танков надо отнести прежде всего их сложность и подверженность износу и поломкам, что вызывает необходимость частых осмотров; по этой причине количество наличных танков обычно отстает от желаемого и вносимого в план действий. Это все в особенности относится к устарелым типам машин. Надо признать, что танки в значительной мере «глухи (оглушительно шумны), немы (по трудности сообщения изнутри танка) и слепы». Они представляют заметную цель, но быстрота движения затрудняет попадание даже прямой наводкой. Еще менее действителен заградительный и сосредоточенный огонь артиллерии. Танки вообще неуязвимы для оружия малого калибра (0,3 дм.), хотя бы при стрельбе бронебойными пулями, а сильнее забронированные танки неуязвимы даже и для значительно более сильного оружия. К условиям, ограничивающим применение танков, надо отнести также чрезвычайное напряжение и утомление танкистов.

Назначение танков — облегчить наступательный образ действий в общей атаке или на участке общей обороны. Свойства танков обращают их в необходимое орудие наступления, поскольку танки увеличивают быстроту и успешность атаки и значительно уменьшают потери. Если они имеются в неограниченном количестве, то потребность в коннице до известной степени уменьшается.

Возможные способы применения танков:

1) помогать в атаке пехотным батальонам тесным и непрерывным участием, что составляет их задачу **сопровождения;**

2) развивать начальный успех атаки или контратаки или участвовать в преследовании, что можно назвать их **резервной** ролью;

3) открывать массовый путь для главного удара против фланга противника или для прорыва, что составляет их **ведущую** роль (по терминологии США);

4) участвовать в работе охраняющих и разведывательных частей;

5) помогать коннице в исполнении ее задач.

В составе до известной степени **самостоятельной** организации, известной под именем **бронированных или механизированных сил,** танки могут: а) производить атаки по флангам и тылу противника (его большим резервам и т. п.).

согласованные с атаками главных сил; б) участвовать в развитии успеха, достигнутого главными силами; в) задерживать или расстраивать атаками движение колонн (подходящих подкреплений противника); г) встречать и поражать бронесилы противника; д) захватывать важные стратегические (оперативные) пункты впереди или на фланге, чтобы не дать их в руки противника или удержать до подхода других войск; е) производить усиленные разведки и контрразведки; ж) производить рейды для перерыва сообщений, разрушения мостов, уничтожения боевых припасов и т. п.

Наконец танки могут участвовать в десантных операциях.

Важнейшими принципами применения танков надо считать: 1) одновременность их применения в большом количестве; 2) соответствующее массирование в важном районе (не исключающее их использования в других местах); 3) применение на достаточно широком фронте; 4) достаточное эшелонирование для обеспечения пробивной силы (наличие резервов); 5) применение на подходящей местности в условиях тайны и подвижности для обеспечения внезапности с учетом стратегических и тактических требований данной обстановки.

Кроме того при использовании танков надо принимать следующие **меры предосторожности:**

1) время и место применения танков должны быть так выбраны, чтобы противотанковая оборона не располагала в этом месте и в это время наивысшей силой и действительностью;

2) атака должна быть произведена настолько быстро и внезапно, чтобы противник не имел времени перестроить свою оборону;

3) дымовая завеса должна быть создана таким образом, чтобы прикрыть танки в пунктах, где ожидается наибольшая опасность со стороны противотанковых орудий;

4) при движении через особенно опасные зоны танки должны быть гуще массированы, чем нормально, и двигаться относительно быстрее; таким способом движения моральное состояние защитников будет значительно потрясено и они во многих случаях не проявят той силы обороны, на которую способны;

5) если противник находится на сплошной оборонительной позиции, но лишь с одним обеспеченным флангом, то он может быть принужден угрозой полного охвата растянуть свою линию прежде, чем танки будут использованы; создав такое ослабление обороны, главные силы танков могут быть использованы для прорыва в избранном месте с небольшими лишь потерями.

Действуя согласно этим принципам и будучи поддержаны огнем других частей, танки в состоянии вести и сопровождать другие войска в **глубоком и безостановочном прорыве** позиции противника с минимальными потерями в сопровождаемых войсках. В подходящих условиях **может быть вполне оправдано применение танков** или **бронесил, состоящих главным образом из танков независимо от другого типа войск.**

Глава XIX. Типы танков и их применение

При рассмотрении назначения различных типов танков приходится сосредоточивать внимание на Великобритании, Франции и США. Советская Россия наряду с ними прогрессирует в снабжении своей армии современными танками и должна бы быть включена в этот перечень, но имеется слишком мало сведений о ее планах и усовершенствованиях. Великобритания со времени мировой войны явилась передовой страной в развитии танкового дела как с механической, так и с тактической точки зрения. Франция в значительной мере модернизировала свои танки времен мировой войны и построила несколько совершенно новых. Она придает очень большое значение танкам и имеет их наготове для службы в большем количестве, нежели какая-либо другая страна. Но в тактическом отношении она, как полагают, сделала лишь ограниченные успехи по причине до известной степени экономической невозможности исключения из списков большей части уже существующих танков и замены их новыми танками. США по сравнению со своим богатством и выдающимся положением мировой державы сделали мало по линии развития танков. Не поименованные выше страны, имеющие также танковые организации, не произвели,

насколько известно, чего-либо вызывающего особый интерес[1].

Типы танков мировой войны. Исключая британские Уиппет (Мидиум-А) и германские А-7-У (из которых последние были плохо спроектированы для работы на местности вне дорог), все танки были определенно тихоходными. Во время войны большое значение придавалось только задачам сопровождения. Если в отдельных случаях танки отделялись от пехоты и углублялись одни в расположение противника, то это рассматривалось как случайное и нежелательное явление. В первоначальной фазе развития танки применялись поодиночке и врассыпную. Позднее, в результате начальных опытов, они стали применяться в больших количествах, одновременно и лучше сосредоточивались, но все еще только для целей сопровождения. В Великобритании при постройке длинных и тяжелых танков стремились достичь способности танков преодолевать широкие траншеи, высокой степени их сокрушающей силы и обильного снабжения каждого танка оружием. Во Франции, принимая на вооружение тип легкого Рено, проявляли желание создавать незаметные цели для противника с умеренными расходами по расчету на каждый танк. Во Франции верили, что Рено с его хвостовой частью обладает достаточной способностью к преодолению траншей.

Очень малые танки. Идея танка на 1 человека была испытана в Англии, во Франции и в США. Ныне она, как кажется, имеет мало приверженцев и сторонников. Главное затруднение состоит в том, что 1 человек не может одновременно исполнять удовлетворительным образом обязанности шофера, водителя, пулеметчика и наблюдателя. К тому же хорошо построенный танк на 1 человека обходится не на много дешевле, чем подобный же, но гораздо более продуктивный танк на 2 человек. В Великобритании, как кажется, больше, чем где бы то ни было, воспротивились замедлению в движении танков с целью удержать их ближе к наступающим войскам. Поэтому и пулеметовоз Карден-Лойда, который является по существу танком, не рассматривается больше как таковой в Англии. Хотя в этом танке сделаны приспособления для стрельбы на-ходу, но главное назначение его — это быстро выдвинуть вперед пулеметы и боевые припасы после продвижения танков на позицию, на которой это оружие может нормально действовать, располагаясь на земле.

Легкие танки. В области нормального легкого танка (т. е. повозки с экипажем в 2—3 человека, действующим оружием, не снимая его с танка) Франция создала ряд машин, из числа которых наиболее обещающими представляются НС-М27 и его видоизменение. Образец НС-М27 представляет видоизменение старого Рено, но со значительно усовершенствованной подвеской и с более толстой броней. Насколько известно, Франция все еще имеет в виду использовать свои легкие танки исключительно для целей сопровождения.

Великобритания создала новые легкие танки, включая 6-тонный Виккерс-Армстронг и Карден-Лойд марки 1А. Она имеет в виду применять свои легкие танки преимущественно, если не исключительно, в сочетании с быстроходными средними танками как составную часть крупных бронированных соединений. Имеется мало или вовсе нет указаний на то, что в Великобритании придают большую важность задачам сопровождения. Но там придают большое значение применению бронированной силы (или сил) для следующих назначений: 1) для атаки фланга и тыла противника, согласованной с атакой главных сил всех родов войск; 2) для самостоятельных действий, включая замедляющие действия, усиленные разведки, рейды и бои с бронесилами противника; 3) для фронтального прорыва, когда это необходимо, с глубоким проникaнием бронированных сил без отношения к следующим за ними пехотным войскам; 4) для участия в развитии успеха.

Великобритания придает значение применению малых быстроходных танков в роли разведчиков для средних танков. Это отчасти об'ясняется тем фактом, что средние танки несколько медлительны по сравнению с танками-разведчиками. Однако имеются защитники того взгляда, что требования от танка-разведчика и легкого танка по существу

---

[1] Непонятным образом пропущена Италия! — **Ред.**

одинаковы, а именно: большая скорость; броня, защищающая против мелкого оружия; вооружение, включающее 1 противотанковое оружие и по крайней мере 1 пулемет; наименьший размер и вес в соответствии с другими требованиями. Могут быть без сомнения случаи, когда экипаж танка, действующего в качестве разведчика и не имеющего противотанкового орудия, пожелает, чтобы танк имел такое орудие. Одно из главных преимуществ малого танка-разведчика — это небольшие расходы как начальные, так и на его поддержание. Командование крупных пехотных частей вероятно признает большую полезность малых танков для целей разведки.

США рассматривают свой легкий танк М-1917 как пригодный для задач сопровождения при благоприятных условиях и при недостатке танков более соответствующего типа в достаточном количестве. Полезность этого танка может быть значительно усилена посредством некоторых изменений. Массовое производство предусмотрено для несколько более тяжелых и значительно более быстроходных танков (типа Кристи), которы будут снабжены 1 противотанковым орудием и 1—2 пулеметами. В США придерживаются взгляда, что такая повозка будет до известной степени служить **универсальным танком:** он будет приспособлен к задачам сопровождения, в каковых случаях будет применять свою скорость для быстрого продвижения скачками; он будет пригоден и для ведущей роли в подвижной войне или в до некоторой степени стабилизованной обстановке; в то же время он будет иметь первейшее значение в составе механизированных сил, которые будут действовать в сочетании с конницей и под ее руководством. Одна из причин, по которой эта повозка рассматривается как универсальный танк, заключается в экономии, которая может быть достигнута, а также в массовом производстве, которое может быть облегчено, если усилия будут сосредоточены преимущественно на одном типе.

Интерес к танкам-разведчикам и к более тяжелым средним танкам в США был менее значителен, хотя признается, что для применения в ведущей роли против стабилизованной позиции противника умеренно быстроходные, с более тяжелой броней тяжелые средние танки весьма пригодны и желательны. По американским взглядам танки, выполняющие ведущую роль, должны использовать свою потенциальную подвижность и не задерживать своего движения, чтобы остаться ближе к продвигающимся пехотным войскам.

Средние танки. Типичные британские средние танки на вооружении войск — это танки Виккерс марка I — марка IIA. Новый 16-тонный танк вероятно предназначен для своевременной замены существующего среднего танка. Можно считать, что по британским взглядам средний танк обычно применяется как составная часть бронированных сил. Средний танк рассматривается как дорогостоящий и особенно ценный. Его высокая тактическая ценность обычно сохраняется для главных усилий.

Французских средних танков практически не существует, за исключением быть может «среднего танка»[1] — опытного танка с такой же силой огня и броней, как танк 2C, но с весом в ⅓ этого последнего танка. Французы признают ведущую роль танков в известных пределах, но лишь в месте прохода двигающейся пехоты и в тесной связи с ней. Для этой цели они предпочитают очень большие и тяжелые танки (так называемые «танки прорыва»), которые могут противостоять огню малых противотанковых орудий, имеют обильную силу огня и по необходимости должны обладать лишь малой скоростью.

Танки непосредственной поддержки[2] британской армии включают: очень легкий Карден-Лойд, несущий 47-мм орудие Виккерса или мортиру Стокса, самоходный лафет 18-фунтовой (3,3-дм.) пушки и средний танк, вооруженный мортирой. Англичане повидимому с возрастающей надеждой смотрят на применение дымовых завес для целей непосредственной поддержки. Эти виды повозок не развиты до значительных размеров ни в какой другой стране.

Тяжелые танки. Англичане не вполне убеждены в необходимости иметь танки тяжелее 16 т, но, признавая возможную потребность в более тяжелых повозках, спроектировали и построили 2 так на-

[1] Char Moyen.
[2] The close support tanks.

зываемых «самостоятельных» типа [1]. Французы построили танк 2С и танк 3С для целей «прорыва». Итальянцы соорудили танк Д4. Но вообще тяжелый тип танка повидимому не имеет горячих сторонников, и построено их сравнительно мало.

Если существует вообще оправдание для тяжелого танка, то оно должно быть основано на сочетании необычайной силы огня с тяжелой броней. Оружие должно быть в состоянии вывести из строя любой неприятельский танк, а броня должна выдержать огонь всех легких противотанковых пушек. Большие и тяжелые танки могли бы бесспорно иметь некоторые преимущества для атаки, особенно хорошо организованных оборонительных сооружений. Но, будучи чрезвычайно дороги, сравнительно тихоходны и неудобоперевозимы по рельсам и через реки, они повидимому имеют много невыгод. Сверх того можно полагать, что их гусеницы будут всегда уязвимы для огня более легких танков, а их огневая сила и их броня не защитят их, раз они будут остановлены разрушением гусениц.

Очень немного больших и тяжелых танков было построено в некоторых странах. Очень немногое можно найти о них в печати. Можно полагать, что такие танки окажутся запретными по своей дороговизне как в мирное время, так и во время войны, что они навлекут затруднения при перевозке и на переправах и что они едва ли будут более полезны, чем тяжелые танки более легких типов.

Танки-амфибии. Англичане интересовались в прошлом танками-амфибиями. Они построили несколько таких танков и готовы построить еще такие танки, если это окажется желательным. Один такой танк Кристи построен в США. Танки такого рода представляют одно из средств для высадки на неприятельский берег. Очевидна также выгода применения этих танков для производства быстрых переправ через реки.

Глава XXVI. Танковые препятствия и ПТО

В будущем задача обороны сделается гораздо более трудной ввиду появления в большом количестве быстроходных танков... Положение с открытым флангом станет трагическим. Особенное значение имеет то обстоятельство, что с увеличением скорости танка сильно уменьшается время, необходимое для его пробега. Так для пробега 1 000 ярдов (900 м) при скорости 5 миль (8 км) в час нужно почти 7 минут (6 мин. 49 сек.), а при скорости 15 миль (24 км) в час — всего 2 мин. 16 сек. Все 34 современные противотанковые пушки и крупнокалиберные пулеметы могут быть разделены на три категории в зависимости от калибра (12,5—14,0 мм, 20,0—25,4 мм и более 1 дм.), но в сущности лишь немногие из этих орудий имеют существенные свойства действительно противотанкового оружия. На первом месте по пробиваемости брони при ударе по нормали могут быть поставлены: итальянский пулемет Бреда (1,14 дм. на 1 000 ярдов), швейцарский Эрликон и Золотурн (1 дм. на 500 ярдов) шведская пушка Бофорс (1,57—1,1 дм. на 1 000 ярдов), пушка M1 США (1 дм. на 500 ярдов), но с оговоркой, что попадание по нормали представляет исключение и что при ударе под менее выгодным углом пробивная способность пули или снаряда значительно понижается.

Танк может быть признан настоящим противотанковым орудием, но слишком дорогим и необходимым для других задач.

Относительно других средств ПТО надо иметь в виду следующее:

1. Артиллерийские орудия, не приспособленные к быстрым действиям, мало полезны для огня прямой наводкой, но представляется вероятным, что в будущем полевая артиллерия будет значительно усовершенствована в этом отношении. Огонь непрямой наводкой сравнительно мало действителен, если только нет возможности сосредоточить очень сильный огонь по тесному пространству, через которое должны пройти танки.

2. Действие ОВ зависит от обстоятельств, хотя танк может дать некоторую защиту экипажу, если соответственно спроектирован.

3. Танки, развернутые для атаки, представляют очень невыгодную цель для самолетов, но против очень больших

[1] Independent types.

танков бомбометание со снижающихся самолетов может быть действительным. Танки, сосредоточенные на дороге или на отдыхе, представляют прекрасную цель для атаки с воздуха.

4. Огонь обыкновенных винтовок и пулеметов мало действителен, но есть угроза обратить оружие малого калибра в очень действительное противотанковое средство, применяя известные принципы Герлиха с его хальгер-ультравинтовкой и патронами. Применяя ствол из молибденовой стали, хромовое бронирование канала ствола и более действительный порох, можно без сомнения значительно увеличить начальную скорость, вероятно без значительного разгорания ствола. Но усиленная отдача создает новую проблему для винтовки обычного типа. Заявления Герлиха может быть не так тревожны (для танков), как это кажется, но это указывает на необходимость усовершенствования качества брони и ее расположения.

5. Специальные ручные гранаты пригодны, но имеют мало шансов на успешное действие с увеличением скорости движения танков; ручные гранаты обычного типа годятся против бронемашин, но не против танков.

6. Противотанковые мины наносят танкам действительное разрушение, но лишь тогда, когда возможно расположить их в пунктах, через которые танки должны следовать. При большом протяжении поля сражения виды на удачное расположение мин в большинстве случаев представляются довольно слабыми: сказывается весьма значительная опасность, что мины могут причинить более вреда своим, нежели неприятельским, силам. Уместность применения мин всецело зависит от обстановки. В некоторых обстоятельствах они могут обещать успех, но в большинстве случаев их применение не рекомендуется.

Современные **доктрины ПТО** могут быть характеризованы следующими чертами.

Германская: 1) должны быть прежде всего использованы естественные и искусственные препятствия; наиболее действителен огонь прямой наводкой, в особенности артиллерийский; если Версальский договор будет аннулирован, то предполагается снабдить каждый полк шестиорудийной батареей 77-мм пушек и иметь сверх того на дивизию 1 противотанковую батарею, возимую на грузовиках; 2) оружие малого калибра должно направлять огонь на смотровые щели танков; то же оружие, применяя бронебойные пули, может поражать танки через дно при движении их с под'емом через препятствия; 3) оборонительная зона должна быть организована в глубину; 4) противотанковое оружие должно применяться только против танков; 5) воздушная служба должна раскрывать пункты сосредоточения танков для поражения их тяжелой артиллерией или средствами химической атаки. При отмене Версальского договора германская пехота будет вероятно вооружена 20-мм автоматической противотанковой пушкой.

Британская. Предпочитается применение против танков: 1) танков; 2) самоходных 18-фунт. (3,3-дм.) пушек обр. 1929 г. с полной броневой защитой на гусеничном ходу (шасси Виккерс) с наибольшей скоростью хода 12 миль (19,2 км) в час (фактически орудийный танк); 3) самоходных 18-фунт. (3,3-дм) пушек обр. 1927 г. с номерами, защищенными только щитом, со скоростью хода 15 миль (24 км) в час; 4) орудия Эрликон (20-мм), перевозимого на прицепе; 5) вьючных гаубиц на моторизованном лафете.

Рекомендуется выбирать оборонительные позиции с расчетом использовать выгодные топографические условия местности, чтобы отделить танки противника от его пехоты и вовлечь их на местность, удобную для их уничтожения. Если позволяют время и средства, следует устраивать искусственные препятствия. Противотанковая артиллерия должна иметь открытый обзор на местность, благоприятную для движения танков, и располагаться укрыто от наземного и воздушного наблюдения до последнего момента, а, исполнив свою задачу, немедленно скрываться на свою подготовительную позицию. Она не должна ни в коем случае применяться для каких-либо других задач. Наблюдательные посты должны быть выдвинуты достаточно вперед, чтобы обеспечить в полной мере предупреждение о близости танковой атаки или о сосредоточении танков. Оборона должна быть в особенности наготове встретить танковую ата-

ку на рассвете, поздно вечером или в туманную погоду.

Французская. Имеет в виду противотанковое оружие, способное пробивать броню до 3 дм. толщины. Французы полагают, что такое оружие должно также обладать способностью действовать как обыкновенная дивизионная артиллерия, составляя ее часть. Но их 75-мм пушки обр. 1917 г. не отвечают этим требованиям. По французским взглядам противотанковые орудия должны быть эшелонированы по глубине всей позиции и располагаться таким способом, чтобы встретить атакующие танки прямой наводкой. Они должны быть достаточно продвинуты к фронту, чтобы возможно скорее сломить атаку.

Японская. Изучая подробно и в широком масштабе противотанковую оборону, японцы рассчитывают вдобавок к противотанковым орудиям, артиллерии и минам, пользоваться специально обученными бомбометчиками.

Глава XXVIII. Некоторые принципы боя танков

В будущих сражениях мы можем увидеть применение танков в больших количествах и в широком размере скорее против фланга и тыла, чем со стороны фронта противника, за исключением таких положений, которые не допускают производства атаки каким-либо иным способом. Поэтому нет казалось бы оснований, почему бы при обходе позиции противника не направить против его фланга как «ведущие танки», так и «танки сопровождения». Что же касается бронесил (мото-механизированных соединений), то они могут быть применены как против фланга, так и против тыла противника.

Ведущие танки[1]. Ведущие танки по Полевому наставлению для пехоты (США) могут быть назначены в помощь главного удара общей атаки, чтобы сделать брешь в сильно укрепленной оборонительной линии с конечной задачей разбить артиллерию противника и его наличные местные резервы, предназначенные для контратаки или заполнения прорыва. Примененные таким способом танки образуют голову, «острие копья», атаки против фронта или фланга противника. Они подчиняются управлению корпуса или армии и действуют как одно соединение под командой одного начальника, не имея тактического резерва в пределах этой своей функции. Эти танки не задерживают своего движения, чтобы держаться ближе к своей пехоте. Ведущие танки не предназначаются для замены танков сопровождения или танков общего резерва. Задача сопровождения и танковый резерв достаточного размера для развития успеха могут рассчитывать на преимущества в очередности. Иными словами наличные танки могут пойти сперва на выполнение этих задач. Но когда эти потребности удовлетворены, то добавочные танки в роли ведущих танков могут усилить виды на победу. Идея ведущих танков конечно еще не имеет боевого опыта. Пока трудно сказать, сможет ли она или не сможет в своем первоначальном виде или иначе выдержать испытание времени.

Французы развивают тот же общий взгляд, но под другим углом зрения. Имея в виду применять медленно движущиеся и очень тяжелые танки, которым они дают название «танков прорыва», они предполагают направлять их против особенно сильно организованных позиций, впереди более легких танков сопровождения. Они рассчитывают, что скорость движения также и этих танков будет достаточно замедлена, чтобы держать их лишь на короткой дистанции от атакующей пехоты.

Следует подчеркнуть одно соображение в отношении глубины эшелонирования ведущих танков. Резервы на войне вообще настолько необходимы, что мы привыкли думать о них как о предмете, который сам собой подразумевается.

Танковые резервы необходимы, но как французские, так и американские писатели указывают на существующее в обеих странах мнение, что из состава танков, предназначенных для «ведущей» роли, никакого тактического резерва выделять не следует. Ведущие танки могут быть построены волнами, но у них не будет глубины в ином смысле. Тактический танковый резерв для применения в позднейших стадиях атаки — это совсем другое понятие.

Танки сопровождения. Роль сопровождения представляется для танков общепризнанной во всех армиях, хотя в

[1] Leading tanks.

Англии повидимому ей придают ныне сравнительно мало значения. Сущность дела в этой роли заключается в том, что командир пехотного батальона имеет танковую единицу, приданную его батальону для атаки, которая держится вплотную к пехоте и применяется для уничтожения прочных пунктов сопротивления, которые могут оказаться перед фронтом или на флангах. Во французской армии, в которой пехотная дивизия имеет в своем составе 3 пехотных полка и не имеет танков, установлена «стандартная дозировка» (придача) по 1 танковому батальону (из 3 рот) на дивизию. В США пехотная дивизия имеет 4 пехотных полка и 1 танковую роту. Поэтому тот же результат мог бы быть достигнут придачей 1 танкового батальона в составе 3 дополнительных рот на дивизию. В обоих случаях получается одна и та же пропорция, т. е. 1 рота на полк или 1 взвод (5 танков, которые во Франции составляют секцию) на батальон. Однако в последнее время французская доктрина меняет свой курс в том смысле, что там, где танки особенно нужны и успех атаки должен быть обеспечен, нужно придавать по 1 танковой роте (из 3 секций) на пехотный батальон.

Танки сопровождения бывают нормально довольно малы и легки. Если они движутся медленно, то при обычном способе использования они проходят через исходную линию непосредственно впереди пехотных частей и продолжают двигаться впереди на коротком расстоянии (не более 200 ярдов), за исключением моментов, когда представляется необходимым двигаться быстрее вперед, чтобы нейтрализовать оружие противника и таким способом дать возможность пехотным частям возобновить движение.

Если танки сопровождения быстроходны (что предпочтительнее), то взвод танков не продвигается приблизительно с постоянной скоростью впереди пехоты, но движется быстро скачками в такие моменты, когда нужна его помощь; исполнив одну из своих промежуточных задач, танковый взвод занимает предназначенную заранее скрытую или укрытую позицию или отходит к заранее назначенному пункту до момента, когда снова потребуется его помощь или когда потребуется двинуться вперед, чтобы избежать отрыва от батальона, который он обслуживает.

В армии США роль сопровождения танков рассматривается как необходимая и весьма важная для пехоты.

Сбор и отход в резерв. Ведущие и сопровождающие танки, исполнив задачи, предписанные им по приказу для атаки, отходят на места, известные под именем **«сборных пунктов»**. Взвод медленно двигающихся танков сопровождения следует как правило на свой сборный пункт лишь после того, как последний об'ект действий будет закреплен пехотой. На сборных пунктах совершается необходимая реорганизация танковых частей и проверяется их способность к дальнейшим действиям. Здесь получаются приказы для следования на **резервный пункт**[1] или, если необходимо и возможно для участия в дальнейшем бою.

Танковые части обычно посылаются на резервные пункты как только можно предвидеть, что они больше не понадобятся в атаке, или тогда, когда является крайняя необходимость в образовании резерва. На резервных пунктах исполняется, насколько возможно, следующее: пополняются горючее, смазочное, запас воды и боевых припасов; производятся чистка, смазка, регулировка, починка; даются пища и отдых танкистам. Танки здесь снова возможно скорее подготавливаются к действиям, чтобы быть наготове, когда потребуется. Резервные пункты располагаются на небольшой дистанции и в укрытии, хотя дальше, чем сборные пункты, и вблизи от хороших дорог.

Движение и подготовка к бою. Движение от пунктов выгрузки танков из поезда до пунктов, из которых они начинают атаку, значительно упрощается, если танки быстроходны. Все эти движения совершаются, насколько доступно, ночью. Атака ведущих и сопровождающих танков начинается обычно рано утром. Медленно движущиеся танки будут продвигаться в ночь выгрузки до танкового парка. На следующую ночь они могут дойти от парка до промежуточной позиции. В ночь, предшествующую атаке, они продвинутся от промежуточной позиции до позиции атаки, через несколько минут проходят через исходную линию и

[1] Reservicing point.

вскоре после этого вступят в действие. Эти позиции, а в частности танковый парк и промежуточные позиции обычно так выбираются, чтобы обеспечить полную скрытность для танков в течение дневного времени. Необходимы меры предосторожности, чтобы не дать противнику обнаружить танки воздушной разведкой по заметным следам от гусениц, ведущим к местам их укрытого расположения. Танковый парк быстроходных танков может быть расположен глубже в тылу, а если танки в ночь, предшествующую атаке, могут продвинуться из парка до позиции атаки, то нет надобности в промежуточной позиции.

Танки в резерве. Чтобы дать последний толчок для победы и облегчить развитие успеха или чтобы помочь в противоположной крайности трудного положения, представляется вполне понятной желательность иметь соответствующее большое соединение быстроходных танков в резерве. Однако мы должны прислушаться к требованиям здравого смысла. Мы знаем, что в будущей войне будет большая потребность в хороших танках. Весьма вероятно, что снабжение танками везде не будет даже удовлетворять потребности. Нет достаточных оснований ожидать, чтобы высшее командование отказалось само от применения танков, настоятельно необходимых для боя, чтобы иметь большой тактический резерв танков. Не может быть недостатка в доводах, что большой резерв имеет большую ценность и весьма желателен, но в соответствии с отвечающими действительности ожиданиями резерв в большинстве случаев будет меньше того, который желателен.

Надо однако думать, что в дополнение к главному резерву или резервам часть танков сопровождения, по крайней мере вначале, останется в резерве. Это следует из общего плана распределения танков с придачей по меньшей мере по 1 танковому взводу на каждый пехотный батальон в той зоне, где будут действовать танки. А так как некоторые из батальонов вначале останутся в резерве, то с ними останутся и танковые взводы, им приданные. Разумеется эти танковые взводы будут использованы тогда и там, где потребуется, необязательно с заранее предназначенными батальонами.

Можно полагать, что медленно движущиеся танки могут быть с большей пользой применены в роли сопровождения, чем в резерве. Чтобы быть действительно полезными, танки главного резерва должны обладать большой скоростью. Обладая этим качеством, они могут нанести быстро удар, когда представится особенно благоприятный случай; они могут быстро проникнуть через брешь в неприятельской линии, произведенной другими танками или частями; они могут быстро отрезать путь отступающим колоннам противника, быстро ударить по его угрожающим резервам или вообще могут пойти навстречу возникшей крайней необходимости, поскольку она по своей важности сможет оправдать их применение.

Разведка и сбор сведений. Чтобы танки были использованы на выгодной местности и чтобы они не оказались напрасно брошенными в попытку преодолеть неподходящие местные условия, необходима основательная разведка лицами, знакомыми со свойствами танков. В главной квартире должны быть карты с соответствующими данными о местности в графическом изображении. Личная танковая разведка должна не только собирать сведения общего характера, но должна иметь целью специальную разведку дорог и местности по сторонам. Разведывательный персонал танковых частей в высшей степени заинтересован в аэрофотоснимках. Надо полагать, что только при помощи изучения этих фотоснимков могут быть установлены данные, которые могли бы служить руководством при выборе путей для танковых частей после первоначального прорыва неприятельского фронта. Вообще же разведывательный и осведомляющий персонал танковых частей будет стараться получить в минимальный срок максимальный об'ем полезных для него сведений при помощи такого же персонала пехотных частей, военновоздушного корпуса и других источников.

Преодоление сопротивления при сближении. Танки сближаются с полосой сопротивления противника, подобно группе людей, скрытно, насколько это доступно, пользуясь укрытием и масками, чтобы избежать наблюдения и огня противника, отвечая на огонь противника, когда это может быть сделано с выго-

дой, и сближаясь с ним в конце концов на большой скорости. Проходя по открытой местности и подвергаясь огню прямой наводкой противотанковых орудий, танки могут стремиться уменьшить свою язвимость зигзагообразным движением или держась непрямого курса. При соответствующем обучении танкистов огонь, скорость и перемена направления движения могут быть так координированы, чтобы обеспечить достаточно меткий огонь и ослабить уязвимость танка, не слишком уменьшая быстроту сближения. Следует избегать по возможности прохождения через линии видимого (со стороны противника) горизонта и места, подверженные наблюдению и огню противника. Если их необходимо пересечь, то это делается быстро. Приближаясь к гребню, протянутому наискось к направлению движения, танковые части принимают такую линию равнения, чтобы все они прошли через гребень одновременно.

Когда приостанавливаться для стрельбы? Когда танки находятся на поле боя и не укрыты, то они как правило поддерживают движение с такой большой скоростью, какая доступна, чтобы по возможности ослабить свою уязвимость. Однако должно наступить время, когда для открытия достаточно действительного огня они должны будут замедлить движение или остановиться. Если танк находится под опасным огнем противника прямой наводкой из необнаруженного пункта, то он должен продолжать движение с большой скоростью. Если танк встречает неприятельский танк и можно полагать, что поблизости нет наземных противотанковых орудий, он может моментально остановиться для открытия огня с большой точностью по танку противника. Пересекая траншею, танк может приостановиться, чтобы обстрелять траншею фланговым огнем. Но вообще каждое положение должно быть оценено по достоинству, памятуя постоянно, что остановки должны делаться только по убедительным причинам и только на крайне короткий срок.

Бронированные и мото-механизированные силы. Способ действия бронированных сил представляет в армии США в значительной мере предмет теории. Механизированные силы, которые были организованы в США, были составлены главным образом из медленно двигавшихся, неподходящих типов повозок. Поэтому поучения, извлеченные из нашей (американской) практики, имеют весьма ограниченные пределы. Но мы можем добавить кое-что к нашим познаниям, изучая имеющиеся сведения относительно британских идей и маневров за последние 7 лет.

Представляется достаточно несомненным, что бронированные силы будут действовать под руководством высшего командования или будут приданы армии. Придача же корпусам представляется маловероятной.

Быстроходные танки образуют существенный элемент бронированных сил. Другие элементы имеют вспомогательное значение. В своих первоначальных практических усилиях по этой линии Великобритания создала разнородное собрание устарелых образцов, в котором танки не выступали с подобающим преобладанием, и включила в него в довольно значительной пропорции моторизованные пехотные части. Путем испытаний на маневрах и изучения вопроса британское командование вполне убедилось в несообразности такого решения и направило усилия к достижению большой подвижности соединения с минимальным участием вспомогательных элементов. Наиболее важными из этих вспомогательных элементов явились самолеты, бронемашины, средства для облегчения переправ и средства для поддерживающего огня. Из разряда этих последних средств наиболее важными оказались те, которые создают дымовые завесы.

В своих опытах с мото-механизированными силами США первоначально избрали путь, весьма сходный с путем, первоначально взятым в британской армии. Но США представляются чрезвычайно медлительными в приобретении быстроходных танков и вспомогательных к ним элементов, между тем все это необходимо для производства испытательных маневров с этими видами сооружения и снаряжения.

Способы применения бронированных сил перечислены в главе XVIII. Один из лучших способов их применения — это атака неприятельского фронта или тыла, согласованная с атакой главных сил; одни из наиболее скромных способов —

это разведка и контрразведка. Вообще не рекомендуется посылать бронированные силы далеко вперед относительно других войск, если только нет крайней необходимости задержать неприятельские силы или не представляется желательным нанести поражение бронированным силам противника. Отдаленный удар по всей вероятности будет преждевременным и не принесет максимальных результатов. Обыкновенно будет лучше нанести удар позднее, чтобы другие свои войска могли атаковать одновременно или непосредственно вслед за ним.

По недостатку опыта развернутая дискуссия о способах действий бронированных сил представляется слишком мало основанной, спекулятивной, теорией, не отвечающей задачам этой книги. Но тот, кто особенно интересуется этим предметом, может включиться в более обоснованные на опыте британские идеи, прочитав довольно увлекательный рассказ на эту тему в книге Г. И. Грэхэм «Сражение у Дора»[1].

Обработал **Ф. Огородников.**

[1] H. E. Graham. The Battle of Dora. В этой книге дается картинное изображение вымышленного сражения с участием механизированных сил, несколько устаревшее, поскольку книга была издана еще в 1931 г.

Анонимный автор „С"

Борьба с танками

(С немецкого)

Tankabwehr. „Wissen und Wehr", июль—август 1933 г.

Ниже помещается заключительная статья из целой серии статей на тему о борьбе с танками, которая дает цельное и систематическое изложение всей системы противотанковой обороны на фронте дивизии как на марше, так и в полосе обороны, преимущественно по германским взглядам.

От редакции

Печатаемая статья передает германские взгляды на противотанковую оборону. Автор высказывается за преимущество огня противотанковых орудий над огнем танков. Но он недостаточно учитывает другие преимущества, которые дает танку его подвижность, не пробуя подсчитать, сколько понадобится противотанковых орудий, чтобы обеспечить действительно надежную оборону против данного количества танков на широком фронте, поскольку именно на таком фронте подвижность танков может легче осуществить внезапность нападения. К недостаткам статьи относится также схематическое построение **одной** системы обороны без достаточного учета различных приемов танковой атаки в зависимости от различного рода танков (по их подвижности и обеспечению броней), а также вообще от того, атакуют ли только танки одного и того же типа или броневое соединение из танков разного назначения с самоходной артиллерией и разного рода вспомогательными броневыми машинами. В связи с этим недостаточно разобраны приемы отражения глубокого вторжения с применением новейших быстроходных танков прорыва.

Тем не менее редакция сочла полезным поместить статью, в которой обстоятельно очерчена роль различных средств ПТО, в частности дивизионной роты ПТО.

Тактика противотанковой обороны зависит от наступательных порядков и тактики боевых действий тех танковых соединений, с которыми собираются бороться. В свою очередь как порядки для наступления, так и тактика боевых действий мото-мехсоединений видоизменяются в зависимости от свойств машин, принятых на вооружение различными странами. Технические качества и возможности машин в области их подвижности и вездеходности видоизменяются в зависимости от того, располагает ли армия устарелыми машинами, образцов последней войны, или машины ее современны.

В зависимости от качеств площадки, на которой установлено оружие, меняются возможности этого оружия в отношении его действий, дистанций, на которые оно может вести действительный огонь, условий наблюдения за действием огня. Все это в совокупности определяет применение и тактику боевых действий танковых соединений.

Резкое различие в тактике танковых соединений проводят, как это известно, англичане и французы.

Франция сегодня имеет на вооружении старый, хорошо зарекомендовавший себя в мировую войну танк Рено. Различными усовершенствованиями (оборудованием эластичными гусеницами) скорость танка Рено доведена до 8—10 км. Танк этот благодаря незначительному числу рессор и недостаточной опорности представляет в движении очень неустойчивую площадку. Поэтому французы рассчитывают на действительность пулеметного огня из танка лишь с дистанций 300—500 м, а действительность огня орудий — с дистанций 500—600 м. Неизбежный вывод, к которому должны были притти французы, и заключается в медленном, планомерном наступлении и теснейшем взаимодействии с пехотой, в неотступном следовании за огневым валом.

Танковые наступления французов показывают порядки большой ширины, но незначительной глубины. В танковой роте обычно 2 взвода наступают на фронте в 500 м в первом эшелоне, за ними уступом назад, на дистанции в 300 м, — третий взвод. Все взводы развернуты в цепь. Благодаря незначительным возможностям устарелых машин французам пришлось отказаться от использования подвижности и маневроспособности танков для действий танков в отделе и нанесения при помощи их внезапных, мощных ударов.

Однако за последние годы взгляды французов на этот счет постепенно все больше и больше приближаются к английским взглядам.

Англия еще во времена очищения Рура ликвидировала свои танки мировой войны и создала хотя небольшие, но образцовые и вооруженные новейшими машинами опытные танковые части.

Исходя из опытов, проведенных с современным танковым оборудованием, в Англии рассчитывают на скорости перемещения танков на поле боя до 20—30 км в час. Благодаря усовершенствованным рессорам установка оружия позволяет англичанам надеяться обеспечить действительность пулеметного огня танка с дистанций 1 000—1 300 м, а артогня — с дистанций 900—1 200 м. На этом и основываются английские воззрения, касающиеся самостоятельного использования танковых соединений и использования танков во взаимодействии с пехотой. В обоих случаях основной упор делается на предельное использование подвижности и быстроходности танка.

На маневрах английской опытной танковой бригады резко бросалась в глаза слаженность управления танковыми частями. Танки используются преимущественно на основных направлениях операции и действия их основываются на внезапности. В связи с этим порядки наступления танков отличаются большей глубиной и значительной гибкостью, обеспечивая хорошие условия управления частями.

К каким же выводам можно притти в отношении тактического использования разнообразных средств активной и пассивной противотанковой обороны?

Вполне очевидно, что такому мощному, гибкому искусному противнику следует противопоставить оборону, достаточно предусмотрительно и строго организованную и об'единенную единым руководством.

Основы для руководства обороной даст хорошо организованная разведка, располагающая авиацией, броневиками и танками. Во Франции и Англии давно уже убедились, что оборона, не эшелонированная в глубину, при помощи первых попавшихся средств и там, где эти средства оказались налицо, не сможет предотвратить угрозы внезапного нападения танков. У французов родилась мысль создания так называемых центральных пунктов противотанковой обороны, о которых речь будет ниже. Противотанковой обороной французской дивизии руководит особый командир, большей частью командир дивизионной роты противотанковой обороны. В Англии на осенних маневрах в 1928 г. войска, наступавшие против опытных танковых бригад, подводились от одной оборудованной в противотанковом от-

ношении полосы к другой и даже в бою распределялись по секторам, обеспеченным противотанковой обороной.

Как же создать костяк такой обороны и как целесообразно применить эту оборону к тактическим требованиям обеспечения войск на марше и в бою?

Учитывая внезапность налетов танков, вряд ли представится возможность (даже если угроза будет разведана) своевременно поставить об этом в известность старшее командование или ожидать со стороны этого командования соответствующих контрмер.

Поэтому органы, охраняющие и обеспечивающие войска в бою и на отдыхе, должны организационно входить в состав этих войск и составлять с ними одно целое. Так это и проводится с ротами противотанковой обороны в пехоте и коннице современных армий.

Но наряду с этой чисто местной обороной необходимо все же располагать и мощными решающими средствами обороны, обладающими еще большей по сравнению с наступающими танками гибкостью и маневроспособностью. Средства эти надо сосредоточенно противопоставить танкам на решающем направлении прорыва. Это второе звено обороны непосредственно подчиняется начальнику противотанковой обороны соединения, к которому стекаются все донесения о появлений танков противника. В зависимости от обстановки и местности этот командир и определяет время использования этих средств обороны.

Мощный резерв средств ПТО дает еще то преимущество, что на марше, когда средства ПТО, непосредственно подчиненные войсковым частям, находятся в положении, ограничивающем возможности участия в обороне, средства этого резерва могут взять на себя обеспечение походных колонн от внезапных налетов танков.

В качестве последнего звена костяка ПТО следует отметить еще артиллерию, которая борется с наступающими танками вначале сосредоточенным огнем по районам их изготовки, либо по полосам их наступления, а затем непосредственным обстрелом появляющихся целей. Защита против нападений танков на тылы и тыловые коммуникации является задачей особо размещенных для этих целей подразделений противотанковой обороны, работу и использование которых регулирует старший начальник на данном участке фронта.

Разберем для примера, как будет организована **противотанковая оборона марша современной дивизии**, как обеспечить походные колонны от внезапных налетов танков.

Учитывая большой радиус действия современных танков, угроза их атак или налетов оказывается действительной даже в том случае, когда головные подразделения обеих враждующих сторон находятся на расстоянии более 100 км. Удары по обнаженным флангам походных колонн могут последовать еще с больших дистанций.

Из средств обороны войска в первую очередь располагают ротами ПТО, органически входящими в состав пехотных полков. Роты эти расчленены по-взводно, взводы распределены по пехотным батальонам и двигаются с ними, расчленившись поорудийно в голове и хвосте походных колонн. Поскольку речь идет об оружии, которое должно сопровождать войска на поле боя, эти противотанковые орудия обычно — английская пушка Эрликон на гусеничной прицепке либо на низком колесном лафете, буксируемом трактором, но они могут перемещаться и конной тягой.

При танковой тревоге надо снять орудия с передков, зарядить и навести на цель. Это все потребует известного времени прежде чем удастся сделать первый выстрел. Эта неизбежная проволочка правда доведена до минимума с обученной и хорошо слаженной прислугой, но она неблагоприятно сказывается на боеготовности орудий. Поскольку 18 орудий 3-х рот ПТО распределены по всей длине пехотной колонны дивизии, приходится притти к заключению, что средства ПТО, непосредственно находящиеся при войсках, не могут гарантировать им достаточной безопасности.

Тогда на сцену выступает усиленная дивизионная рота ПТО. Поскольку рота эта располагает самоходными орудиями, она находится в постоянной готовности к ведению огня и обладает повышенной подвижностью. Начальник ПТО дивизии использует эту роту для прикрытия флангов походной колонны дивизии.

Учитывая вездеходность танков (они не привязаны к дорогам), недостаточно

преградить поперечные дороги, используя для этого выдвигаемые вперед противотанковые пушки, либо закладывая мины силами саперно-минной роты дивизии.

Танки могут появиться в любую минуту, в любой точке походной колонны. При этом зачастую действовать будут не крупные танковые части, а небольшие группы танков, которым поставлена задача разведать или коротким огневым нападением замедлить сближение противника. Минные заграждения, оказывая местное действие, не могут в достаточной степени защитить походные колонны. Все же возможно при помощи сапер, приданных авангарду, устраивать временные минные заграждения. Заграждения эти после прохода арьергарда, вновь снимаются.

Что же до начала марша должен обдумать командир противотанковой роты дивизии? Мероприятия его должны охватить как действия средств ПТО дивизионной роты, так и действия пехотных и артиллерийских средств. Решение командира противотанковой роты дивизии выльется в план ПТО дивизии, и на основе этого плана отдается приказ.

Местность, на которой развернется сближение, изучается по карте с точки зрения доступности ее для танков. Важно установить, где местность отрицательно скажется на быстроходности танков, заставляя их двигаться медленно, где местность обеспечивает танкам полную свободу развертывания и маневрирования.

На основе изучения карты приходят к заключению, с каких направлений и в каких точках противник может угрожать сближению и какие полосы или участки в этом отношении обеспечивают полную безопасность походным колоннам. В соответствии с этим проводится разведка местности и на основе изучения местности по карте и данных разведки местности намечается работа разведывательных органов во время марша.

Разведка проводится разведывательной авиацией и броневиками. Хорошо поставленная разведка — лучшее обеспечение от внезапного налета танков противника. Она должна вестись вперед, в стороны и назад. Ближняя разведка ведется кавдозорами, мотоциклистами и самокатчиками.

Лишь тщательная разведка позволит, обеспечивая своевременность поступления донесений, во-время принять и меры отражения возможной угрозы. Рекомендуется ввести особые знаки и сигналы для «танковой» тревоги.

Решение командира дивизионной роты ПТО должно в первую очередь учитывать обеспечение голов и хвостов отдельных походных колонн силами полковых рот ПТО (об этом говорилось выше).

В зависимости от обстановки и характера местности следует затем решить вопрос использования дивизионной роты ПТО. Если речь идет об удержании важных господствующих над местностью точек или об обеспечении какого-либо участка, для захвата которого высланы разведывательные отряды, может оказаться выгодным придать этим разведывательным отрядам целиком или частично дивизионную роту ПТО.

Нередко, в зависимости от данных разведки местности и изучения карты, потребуется использовать дивизионную роту ПТО на флангах, в стороне от дороги, по которой ведется сближение. Тогда она вводится в дело на особо угрожаемых направлениях (точках) и передвигается по-взводно — перекатами.

Если местность неблагоприятна (местность по сторонам дороги пересечена и плохо просматривается), может потребоваться в виде исключения распределить всю дивизионную роту ПТО вдоль походной колонны для охранения отдельных ее частей, уделяя при этом особое внимание защите тяжелых батарей. Когда сеть дорог это допускает, рота сопровождает отдельными частями наступающую дивизию, двигаясь по параллельным дорогам. При этом надо не забывать, что самоходные орудия уязвимы и что в свою очередь может потребоваться прикрытие этих орудий бронесредствами.

Затем план ПТО предвидит борьбу с танками силами подразделений артиллерии, вкрапленных в походную колонну. Легкие батареи в основном сами должны своими силами обеспечить свою защиту. Охранение тяжелых батарей обеспечивается вкраплением в их состав легких батарей или придачей им противотанковых орудий. При охранении по-

ходных колонн и боевых обозов руководствуются тем же.

Когда план обороны разработан и дивизия отдала приказ о соответствующем дополнении средств ПТО пехотных полков средствами дивизионной роты ПТО (примерно так, как это указано выше), отражение удара танков по флангу походной колонны с целью задержать сближение сложится примерно следующим образом:

1. Свой разведывательный самолет появится над походной колонной. Подымая «танковую» тревогу, он выпустит несколько трасирующих пуль (или сигнальных ракет, в зависимости от того, как это условлено) и несколько раз резко снизится, допустим на левом фланге, указывая своим бреющим полетом, что опасность угрожает слева. Сигнал (знак) тревоги повторяется всеми подразделениями походной колонны. Противотанковые орудия изготавливаются к ведению огня, легкие батареи выезжают из походных колонн влево и занимают ближайшие огневые позиции, обеспечивающие хорошее поле обстрела и обзора. Пехота по приказу командиров быстро укрывается в близлежащих укрытиях, расчищая поле обстрела противотанковым орудиям.

Дивизионная рота ПТО в том составе, который налицо, выезжает навстречу наступающим танкам, чтобы с благоприятного направления встретить своим огнем подкатывающие танки и разбить их. Эшелонированные глубже назад подразделения роты используются для захода в тыл и удара во фланг тем танкам противника, которые завязали бой с противотанковыми орудиями пехотных полков или передовыми взводами дивизионной роты ПТО.

2. При **внезапном** налете танков ближайшие противотанковые орудия и батареи немедленно открывают огонь. Пехота освобождает им поле обстрела и планомерно отходит к ближайшим укрытиям. Части дивизионной роты ПТО, заслышав шум боя, бросаются по кратчайшим путям на врага. Все действия по отражению врага развертываются в этом случае самостоятельно. Вмешательство в бой отдельных звеньев ПТО и открытие огня последуют по приказу командиров (вплоть до начальников орудий) самостоятельно, как только танки войдут в зону действительного огня этих звеньев.

Чем раньше поступит донесение о приближении танков противника и чем больше собрана в кулаке мощная и подвижная дивизионная рота ПТО, тем легче окажется на надежном удалении от походной колонны сломить наступление врага, тем меньше затормозится сближение дивизии. Выделение отдельных подразделений скажется на огневой мощи дивизионной роты ПТО, уменьшая силу ее отражения. Поэтому желательно стремиться к использованию ее сосредоточенно, в руках одного командира. Если в обстановке, о которой говорилось выше, дивизии придано несколько танков, они включаются либо в состав дивизионной роты ПТО либо используются самостоятельно (в отделе) для прикрытия флангов походной колонны дивизии. В последнем случае при «танковой» тревоге они атакуют противника.

Как только головное охранение (авангард) завяжет бой и дивизия развернется, задачей начальника ПТО дивизии является вновь собрать в кулак выделенные или назначенные для решения особых задач (например защита фланга) части дивизионной роты ПТО и донести об этом командиру дивизии. Тогда рота вновь поступает в распоряжение командира дивизии, образуя резерв средств ПТО. Противотанковые орудия, приданные передовым батальонам пехотных полков, берут тогда на себя решение задач, выпадавших ранее на долю дивизионной роты ПТО.

Обратимся теперь к вопросу, как организуется **противотанковая оборона на поле боя** и какие основные положения руководят взаимодействием отдельных средств отражения в различных полосах (секторах) танковой атаки.

Следует отдельно разобрать бой в передней полосе обороны, бой в районе расположения пехоты, бой в районе расположения артиллерии и тылов (сюда относятся и тыловые коммуникации).

Как и на марше, начальник ПТО дивизии должен в предвидении завязки боя дивизией провести быструю, подробную разведку местности, учтя все возможности танкового прорыва, и выработать план ПТО, используя для этого все имеющиеся в дивизии средства ПТО.

Передний край обороны прикрывается противотанковыми орудиями пехотных полков передового эшелона (конные запряжки). Одновременно рота ПТО резервного пехотного полка явится резервом, в случае надобности используемым для усиления противотанковых средств на фронте либо для отражения ожидаемого удара танков по обнаженному флангу.

В зависимости от характера местности может быть выгодным устройство минных заграждений, впоследствии вновь снимаемых. Если пехотные полки располагают сверхтяжелыми пулеметами, то эти пулеметы используются для фланкирующего обстрела разрывов и мертвых пространств в плане огня противотанковых орудий.

Дивизионная рота ПТО проводит разведку возможного своего применения на всех направлениях, откуда могут последовать атаки танков противника. Намечаются огневые позиции и определяются возможные подступы. Сама рота как правило сосредоточивается в районе расположения резерва дивизии или поблизости от полевого штаба дивизии. Решают здесь условия местности.

Отражение танковой атаки начинается с той минуты, как эта атака обнаружится. Поэтому полезно широко пользоваться авиацией с целью неустанного наблюдения за противником. Однако ценные указания о наличии или возможном появлении у противника танков может дать и наземная и боевая разведка. Если установлен подход танков противника, необходимо немедлённо, введя в дело по возможности большее число легких и тяжелых батарей, обстрелять сосредоточенным огнем (фугасные гранаты) районы изготовки и подступы. Не говоря уже о качестве пристрелки и числе участвующих в ведении огня батарей, успех такого обстрела зависит от внезапного обрушивания на противника мощной лавины огня.

Если первыми же снарядами не будут вызваны потери среди танков и если артогонь ведется нерешительно и недостаточно интенсивно, то танки простой переменой места избегнут серьезных потерь. Поэтому заградительный огонь следует открыть как можно скорее после обнаружения подступа танков или их исходной позиции, ибо танки постараются не задерживаться в полосе артогня обороны. Огонь неизбежно должен вылиться в заградительный огонь хотя бы потому, что цели будут крайне подвижны и с трудом будут распознаваться; к тому же танки нередко пойдут в атаку под прикрытием дымовой завесы. Быстроту открытия огня обеспечат заблаговременное распределение секторов обстрела между батареями и заблаговременная проработка ими всех данных для ведения огня. Учесть надо и требование обеспечить гибкость заградительного огня, т. е. следует обеспечить возможность быстро сосредоточивать огонь по наиболее угрожаемым участкам.

План ПТО определяет затем деятельность артиллерии при подавлении разведанной или наметившейся атаки танков противника, а также непосредственное прикрытие батарей на случай внезапного прорыва. Эта часть плана разрабатывается и устанавливается во взаимодействии с начальником артиллерии дивизии и с учетом плана огня всей обороны.

Предпосылкой для действительного отражения танковой атаки остаются, как и на марше, своевременная разведка и донесения об угрожающей опасности. Чтобы обеспечить быстроту проведения «танковой» тревоги и быстроту передачи донесений, необходимо организовать специальную службу связи и донесений независимо от остальных имеющихся средств связи. Средства связи, используемые при несении этой службы, должны быть просты, но надежны и охватывать совокупность возможных технических средств — от простого посыльного до радио. Центральные пункты противотанковой обороны, учрежденные на всем протяжении возможного появления танков противника, связываются с передовыми сборными пунктами донесений.

Точками, где следует наметить устройство таких пунктов, явятся районы сосредоточения резервов противотанковых средств. Здесь в первую очередь следует учесть роту ПТО пехотного полка, выделенного в резерв. Чтобы до этой роты быстро дошли донесения и приказы, надо расположить ее вблизи полевого штаба полка. Второй, глубже расположенный пункт ПТО составит резерв про-

тивотанковых орудий, которые комдив держит под рукой в боевой готовности при своем полевом штабе.

В маневренной войне заградительный огонь нередко будет отличаться разрывами (пробелами). Батареи, лишенные возможности непосредственно вести наблюдение за полем боя, и батареи, к которым не дойдут во-время приказы об открытии огня, должны частично быть сброшены со счета при организации сосредоточенного огневого нападения.

При ведении такого сосредоточенного огня нельзя последовательно наблюдать и контролировать попадания отдельных батарей, поэтому безотказность и меткость попаданий можно обеспечить лишь основательной подготовкой и заблаговременной разработкой всех данных для ведения огня. Потери среди танков будут вызваны прямыми попаданиями, а возможно и осколками. Однако несколько уничтоженных танков еще не означает срыва наступления. Применение тумана и дымовых завес разбивает сосредоточенное действие заградительного огня.

Нередко обстановка вообще не позволит распознать изготовку танков противника. Притом танковая атака при хорошем управлении и благоприятной местности будет построена либо так, чтобы обойти пояс огня, организованный артиллерией обороны, либо, пользуясь имеющимися в огневой завесе слабее обстреливаемыми участками, проехать через них.

Дальнейший бой протекает на местности, лежащей впереди позиций, и в переднем крае обороны пехоты. Артиллерия обстреливает подкатывающие волны танков или сопровождающую их пехоту.

Как только наступающие танки выйдут из полосы заградительного огня артиллерии и приблизятся к переднему краю полосы пехотной обороны, танки натолкнутся на рассеянные на местности посты боевого охранения обороняющихся. Посты эти, замаскировавшись и предельно используя местность, укрываются в воронках и щелях от наблюдения и действия оружия танков противника. Поскольку посты не располагают бронебойным оружием, лучший для них способ обороны — полная неподвижность и замирание. В соответствии с поставленной им задачей — отразить неприятельскую пехоту, следующую за танками, — посты беспрепятственно позволяют танкам перевалить через них, уклоняясь от действия оружия танков и вместе с тем не стесняя и поле обстрела противотанковым средствам, размещенным на пехотной позиции.

Когда танки противника подошли к оборонительной позиции примерно на 1 000 м и проезжают впередилежащую местность, по танкам, теперь представляющим собой хорошо видимые цели, открывают меткий, точный огонь противотанковые орудия пехотных полков первого эшелона обороны. Настает время спокойно, без помех, вызываемых позднее пулеметным огнем неприятельских танков, при наличии всесторонних возможностей наблюдения метким одиночным огнем подбивать танки.

Огонь танков, стреляющих на ходу, вряд ли может этому помешать, ибо танк нередко распознает противотанковое орудие, лишь сблизившись с ним. Неприятнее скажется огонь пулеметов и батарей сопровождения танков, выделенных для поддержки и обеспечения наступления танков. Будет ошибкой, если противотанковые орудия позволят себя отвлечь от обстрела танков и займутся перестрелкой с батареями сопровождения.

Огневое прикрытие противотанковых орудий выпадает на долю артиллерии, которая для этих целей выделяет специальные (дежурные) батареи (батареи в выжидательном положении). В полосе обороны пехоты противотанковые орудия полков несколько эшелонируются в глубину, с тем чтобы они могли хорошо обстреливать впередилежащую местность и, как станковые пулеметы, своим огнем взаимно поддерживать друг друга.

Если первый эшелон оборонительного участка дивизии составляют 2 полка (следовательно налицо 2 роты противотанковых орудий), то на фронте протяжением в 4 км окажется 12 противотанковых орудий, или 1 орудие примерно на каждые 300 м фронта. Поскольку горизонтальное поле обстрела противотанковых орудий равно 60°, эти орудия должны быть размещены примерно в 250 м за линией, на которой хотят остановить наступление танков. Всегда надо

стремиться к тому, чтобы по возможности еще до начала наступления танков противника противотанковые орудия были размещены по огневым точкам и были готовы к ведению огня.

Там, где это не позволяет характер местности, можно во избежание излишних потерь от артогня противника (подготавливающего наступление танков) держать противотанковые орудия снятыми с передков невдалеке позади огневых позиций, на «выжидательных» позициях.

В случае атаки орудия срочно выкатываются прислугой на открытые огневые позиции. Само собой разумеется, необходима тщательная маскировка. Умелым выбором соответствующих мест — засек, живых изгородей, кустарника и других имеющихся на местности укрытий — можно значительно уменьшить потери, вызываемые артиллерийской подготовкой, предшествующей наступлению.

Если интенсивный огонь артиллерии противника или батарей, сопровождающих наступление танков, заставит противотанковые орудия переменить позицию, это производится под прикрытием дымовой завесы (самозадымления). В противном случае, как и везде, если только речь не идет о перемене позиции или выходе из боя, дым является врагом обороняющегося, ибо он стесняет и закрывает его поле обстрела и понижает действительность его оружия. Попытка прикрыть себя дымовой завесой и тем самым уменьшить потери от огня противника обернется скорее на пользу наступающему, позволяя ему незаметно и без помех сблизиться с обороняющимся.

Почему противотанковые орудия не должны открывать огонь с дистанций, превышающих 1 000 м? Ведь может показаться желательным с первых мгновений появления танков открыть по ним действительный огонь и вывести по возможности большее число их из строя. Но на дистанциях свыше 1 000 м трудно метко обстрелять наступающие танки, если они хорошо используют местность и двигаются под прикрытием дымовой завесы. С этих дистанций нельзя распознать отдельные цели, трудно вести наблюдение за результатами попаданий мелкой 3,7-см гранаты. С увеличением дистанций резко понижаются действительность и меткость огня. Противотанковые орудия, преждевременно открыв огонь, навлекут на себя огонь батарей противника, прикрывающих и сопровождающих наступление танков, и огонь этот будет открыт по ним в такое время, когда сами они еще не в состоянии проявить всю свою действительность.

Наблюдение за результатами огня и его контроль облегчаются применением трасирующих пуль. Легче всего подбить те танки, которые по прямой линии наезжают на противотанковое орудие. Езда зигзагами затрудняет наводку и понижает вероятность попадания. Труднее всего подбить танк, проезжающий близко, на больших скоростях под прямым углом к траектории полета снаряда, или танк, проезжающий под углом меньше 45°.

На ближних дистанциях неприятно скажется и пулеметный огонь танков, обходящих или охватывающих орудие. Этот огонь будет поражать прислугу орудия с фланга — за щитом.

Хотя средства ПТО обязаны сломить наступление противника перед передним краем обороняющейся пехоты, все же обеспечение пехоты бронебойными средствами недостаточно, чтобы наверняка позволить ей основательно и окончательно подавить еще на этой линии внезапное и мощное наступление танков противника.

Огонь противотанковых орудий без сомнения вызовет зияющие разрывы в рядах неприятельских танков, но большая часть танков несокрушимо ворвется в район расположения пехоты и теперь в свою очередь будет мстить, атакуя в лоб или с фланга нащупанные противотанковые орудия. Если атакующие танки противника сблизились с обороняющимися на 400 м, огонь открывают сверхтяжелые пулеметы и 2-см пулеметы обороняющейся пехоты.

Начинается бой в районе пехотного расположения.

Первые волны наступающих танков в зависимости от точно поставленных им задач бросаются на пехоту и опорные пункты обороняющегося. Последующие волны атакуют противотанковые орудия в глубине пехотного расположения. Наконец последние волны, перевалив че-

рез первые и вторые, прорывают тыловые позиции артиллерии [1].

Одновременно неприятельские батареи сопровождения и прикрытия попытаются уничтожить противотанковые орудия и разведанные артиллерийские наблюдательные посты обороняющегося или же ослепить их дымом.

По опыту американцев наступающему выгоднее ослеплять дымом противника, а не самому прикрываться дымом. Самозадымлением наступающий окутает себя облаком дыма и в лучшем случае несколько рассредоточит огонь обороны. Задымлением противника достигается невозможность для последнего вести прицельный огонь, в первую очередь это непосредственно коснется противотанковых орудий, а во вторую — артиллерии, ослепляя ее наблюдателей.

Англичане, оценивая все значение задымления противника, доходят до другой крайности: они требуют дымовых снарядов для танковых орудий. Однако в снарядах калибра от 7,5 см и ниже заряд дымообразующего вещества настолько мал, что весьма сомнительно, удастся ли этими снарядами получить нужное облако дыма.

Наряду с огнем танков противника приходится считаться и с огнем батарей сопровождения танковой атаки и огнем прочих средств поддержки, направленным на подавление противотанковых орудий и сверхтяжелых пулеметов обороны. Задача тяжелого оружия пехоты и артиллерии — защитить противотанковые орудия.

Главнейшей задачей обороняющейся пехоты является ближним огнем сломить атаку сопровождающей танки пехоты и отбросить ее, поэтому пехота лишь в виде исключения может принять участие в подавлении танков противника. Против танков пехота защищается рассредоточением и принятием более гибких порядков, большим эшелонированием в глубину и хорошей маскировкой. Проводились опыты с узкими окопами, так называемыми щелями, в которых пехота укрывается от танков. Однако такие щели связаны с тем же недостатком, что и лисьи норы: они замедляют изготовку частей к действиям по отражению следующей за танками неприятельской пехоты. Лучшими средствами защиты обороняющейся пехоты от танков были и остаются широкое применение маскировки, начиная от маскировки всех фортификационных работ дерном, ветками, травой вплоть до масксетей для прикрытия противотанковых орудий, а также устройство ложных позиций, наконец, как уже говорилось, полное замирание и неподвижность. Этим пехота одновременно освобождает поле обстрела для своих противотанковых средств и готовится к встрече атакующей вслед за танками пехоты противника.

Пулеметы переднего края обороны открывают огонь по этой пехоте в тот момент, как последняя волна танков перекатится через них.

Пехота всегда должна помнить, что всякая попытка на дистанциях действительного огня танков уклониться от воздействия танка, убегая от него или перемещаясь, равносильна самоубийству.

Тяжелые пулеметы, минометы и пехотные орудия со своих позиций прикрывают своим огнем противотанковые орудия и пулеметы, обстреливающие неприятельские танки. Одновременно группы артиллерии обороны подавляют артиллерию противника, поддерживающую наступление танков и атаку пехоты, вторгающейся в передний край обороны.

Как только обороняющаяся пехота завяжет на ближних дистанциях бой с пехотой противника, а местами перейдет в контратаку холодным оружием, она больше не представляет собой выгодной цели для танков противника. Дело в том, что танки вынуждены были бы теперь стрелять и по врагу и по недругу и посылать пули в свою же пехоту. Даже поворот танков назад с целью поддержать сопровождающие их волны пехоты вряд ли сможет значительно помочь пехоте наступающего и лишь создаст выгодные цели для сверхтяжелых пулеметов обороны.

Вторая волна танков, не задерживаясь подавлением пехоты переднего края обороны или пехотной полосы, должна

[1] Этот способ уже не отвечает новейшим взглядам на атаку с участием быстроходных и достаточно забронированных танков прорыва, которые могут направиться прямо на артиллерию противника. Первые волны менее быстроходных танков будут стараться достигнуть пулеметных гнезд противника, расположенных в глубине его расположения, но обстреливающих местность впереди переднего края его позиции. — Ред.

атаковать открывшие себя во время сближения противотанковые орудия.

Поскольку на секторах обороны отдельных подразделений вряд ли будет большое изобилие таких орудий, а часть их будет уже разгромлена артподготовкой или огнем батарей, сопровождающих атакующие танки, танки всегда смогут применить двойной охват и обрушиться на орудия с разных направлений.

Противотанковые орудия обстреливают ближайшие к ним, наиболее опасные цели. Они должны вести круговую оборону и огнем взаимно поддерживать друг друга, предупреждая возможный охват атакующими танками. Отдельные батареи или орудия, стреляя прямой наводкой, могут теперь открыть огонь для поддержки противотанковых орудий. При этом надо внимательно следить, чтобы таким огнем не поражать своих. И в данной обстановке перевес противотанкового орудия над танком заключается в метком, точном выстреле, отдаваемом с неподвижной установки, из орудия, представляющего собой малую цель и обладающего хорошим круговым обзором. Танки должны защищать себя огнем на ходу, сами они — цель крупная и страдают от недостаточно хороших условий наблюдения, которые к тому же в полосе боя пехоты непрестанно ухудшаются, ибо средства наблюдения танка подвержены обстрелу всякого рода огневых средств обороняющегося.

При ближней обороне, в борьбе с танками, вторгшимися в расположение обороняющейся пехоты, весьма полезными окажутся 2-см пулеметы благодаря широкому обстрелу и надежному действию их бронебойных пуль на близких и ближайших дистанциях.

Поддержки и резервы в основном должны сосредоточиваться на недоступной для танков местности, иначе свой же огонь, направленный против танков, вызовет среди них потери. Необходимо и при сосредоточении резервов применять развернутые, редкие и эшелонированные в глубину порядки. Необходимо предельно использовать лопату и маскировку. Резервы всегда должны помнить, что движение или небольшие перемещения в стороны в полосе действительного огня танков позволяют танкам охотиться за беззащитными людьми, как за дичью, и кончаются их уничтожением.

Здесь полезно вспомнить горький опыт войны, один из эпизодов боя у Виллер-Бретоне 24.4.18 г. 7 танков Уиппет получили приказ поиском разведать обстановку восточнее деревни Саши. Прибыв к северной окраине деревни, танки неожиданно обнаружили за складкой местности германский резерв — 2 тесно скученных пехотных батальона. Не теряя ни минуты, танки развернулись и ринулись на захваченные врасплох батальоны. Из 1 200 бойцов треть оказалась перебитой и перераненой в несколько минут, а остальные рассеяны. Если бы батальоны были развернуты или хотя бы расчленены и укрыты на местности, танки вряд ли заметили бы их и батальоны не понесли бы таких потерь.

Недоступной для танков является местность, окаймленная болотами или старым густым лесом. Часто естественная защита, даваемая местностью, может быть усилена закладкой минных полей или устройством быстро сооружаемых препятствий. И для разервов верен принцип, что лучшее средство защиты — укрыться, хорошо замаскироваться, замереть. Резервы никогда не должны зря открывать огонь по проезжающим мимо танкам и не обнаруживать себя.

Противотанковые орудия и 2-см пулеметы резервов, введенные в дело согласно плану ПТО, принимают участие в отражении танков. Если почему-либо они еще не были введены в дело, командиры должны незамедлительно использовать их для обстрела фланкирующим и косоприцельным огнем (когда это возможно) атакующих танков. Точный огонь тяжелых пулеметов по целям, прорезям и наблюдательным зеркалам танков вряд ли полезен и невыгоден.

Захват подбитых и небоеспособных танков — не дело резервов. Не обладая бронебойным оружием, резервы не в состоянии с этим справиться; это надо предоставить артиллерии. Атака остановившихся танков в корне неправильна и ведет к бесполезным тяжелым потерям, тогда как одна единственная бронебойная граната, обладая достаточным осколочным действием, без всяких потерь справится с этой работой.

Передвижка резервов в сторону или пополнение ими рядов сражающейся пе-

хоты возможны лишь при наличии на местности скрытых подступов, которыми могут воспользоваться резервы для движения вне наблюдения и вне действия оружия рыскающих кругом танков.

В случае прорыва танков большое значение приобретает фланкирующая огневая поддержка соединений на стыках. Соединения эти должны обратить часть своих противотанковых орудий и часть своей артиллерии против флангов наступающих танков во взаимодействии с огнем, развиваемым с фронта.

Может случиться, что третья волна неприятельских танков одним порывом преодолеет район обороняющейся пехоты и расположения средств ПТО и ворвется в район расположения нашей артиллерии.

За ними может наседать и вторая волна неприятельских танков, предварительно разделавшись с ПТО нашей пехоты. Однако обе эти волны разобьются о новое сопротивление — именно мощный и подвижный резерв в виде дивизионной роты ПТО.

Командир этой роты в соответствии с разработанным им планом обороны должен разведать возможности использования роты в зависимости от обстановки и местности и сосредоточить ее поблизости от полевого штаба дивизии на направлении предполагаемого прорыва танков противника. Рота должна быть укрыта от наблюдения с воздуха. Сам командир роты должен находиться на компункте поблизости от района изготовки роты.

С этого компункта командир роты должен быть в состоянии обозревать район боя дивизии. Со штабом дивизии и полевыми штабами передовых пехотных полков его связывают надежные и многообразные средства связи. Для сокращения времени на введение роты в дело надо условиться со штабом дивизии о ряде односложных приказов, передаваемых условными знаками или сигналами, означающих то или иное использование роты. Сама рота располагается в зависимости от местности (например на обратном склоне высоты, в кустарнике), изготавливается так, чтобы при внезапной тревоге быть в состоянии мгновенно выехать на вершину и открыть оттуда огонь. Для прикрытия изготовки роты вперед или в сторону фланга должно быть выдвинуто несколько самоходных орудий.

Разведка сектора дивизии, предшествующая изготовке, должна выявить недоступную для танков местность, наметить огневые позиции для сосредоточенного огня роты, определить скрытые подступы к этим позициям и ведущие туда дороги. Рекомендуется также организовать разведку и наблюдение за соседними участками, ибо приходится считаться с возможностью ударов во фланг.

Поскольку успех дивизионной роты ПТО зависит от своевременного введения ее в дело, следует, когда это надо (именно если с компункта командира роты плохой обзор всего расположения пехоты), протянуть цепочку связи к действующим впереди пехотным полкам. В случае тревоги простой передачей по этой цепочке короткого донесения командиру роты станет известно о прорыве танков. От оптических и акустических средств связи (знаков и сигналов) приходится отказаться вследствие их ненадежности. Проволочная связь пострадает от действия артогня противника, предваряющего наступление танков.

Поэтому, когда связь со штабом дивизии нарушена, роте нередко придется действовать по решению, самостоятельно принятому ее командиром. Командир роты увидит со своего командного пункта, как несколькими волнами развертывается наступление танков противника.

Дивизия предоставит на его усмотрение время введения роты в дело. Короткий взгляд на местность, приказ командирам взводов, свисток — и противотанковые орудия в полной готовности быстро выезжают на огневые позиции, предусмотренные на случай того или иного их использования.

Поскольку рота не должна допустить, чтобы вторжение противника перешло в прорыв, ей надо основательно атаковать передовые волны неприятельских танков.

Это соображение однако не должно мешать эшелонированию роты в зависимости от обстановки и характера местности с целью обеспечить внутри самой роты взаимную фланкирующую поддержку огнем на случай обхода или охвата танками.

Дивизионная рота ПТО должна быть своевременно введена в дело с задачей сломить и разгромить наступление танков еще впереди позиций артиллерии обороны, иначе придется прекратить обстрел танков и заняться непосредственной защитой батарей. При выдвижении вперед следует широко воспользоваться слабее простреливаемыми участками в полосе огня, окружающего танки противника.

Если оборона наряду с дивизионной ротой ПТО располагает еще и несколькими танками, то эти танки, используя благоприятные возможности, создаваемые огневыми нападениями средств дивизионной роты ПТО, бросаются в контратаку навстречу танкам противника.

Следует предостеречь от преждевременного введения в дело дивизионной роты ПТО, ибо в смысле успешного ведения огня она по техническим причинам привязана к наиболее благоприятной для нее дистанции в 1 000 м, и если ее ввести в дело раньше, она напрасно навлечет на себя сосредоточенный огонь танков и артиллерии, сопровождающей и поддерживающей наступление танков.

По той же причине неправильно обрекать на неподвижность средства роты, заставляя их вести огонь с одного места и не используя присущей им подвижности. Противник попытается спровоцировать преждевременное выступление этого оружия, организовав ложные атаки на тех направлениях, где он не собирается искать решения.

Для успешного руководства ротой имеют решающее значение хорошее наблюдение, тактическая сметка, хладнокровие и выдержка. Поскольку решение об использовании роты и выборе соответствующих огневых позиций может быть осуществлено лишь по ознакомлении с местной обстановкой прорыва, необходимы предельная подвижность и безупречное взаимодействие и слаженность.

Чтобы оказаться на высоте на случай внезапного столкновения с танками противника, самоходные орудия дивизионной роты ПТО должны быть в состоянии метко стрелять на ходу. Однако такой огонь всегда явится исключением, ибо это связано с отказом от выгод огневого нападения с неподвижной (стабильной) платформы (установки). Нередко при столкновении окажется, что рота выброшена слишком далеко вперед, ибо она быстро очутится в окружении танков.

Выгодно устраивать минные поля, чтобы направить наступающие танки противника к рубежам, хорошо простреливаемым оружием обороны, или чтобы не позволить танкам занять такие рубежи, откуда им было бы выгодно вести огонь. Для такой разбивки наступления неприятельских танков по «коридорам» привлекаются саперы, премущественно усиленная дивизионная инженернс-саперная рота.

Не всегда удастся полностью уничтожить волны неприятельских танков. Тогда под ударом окажутся позиции батарей. Большая часть артиллерии в это время занята подавлением атакующей пехоты противника и преграждает своим огнем подступы резервов противника. Дежурные батареи борются с соответствующими батареями атакующего, с батареями сопровождения танков. Меньшая часть батарей, ведя со своих позиций наблюдение за полем боя, непосредственно вмешивается огнем в бой, завязанный противотанковыми орудиями. Если противник искусен и тактика его танков верна, он попытается атаковать различные позиции нашей артиллерии не ударом в лоб, а ударом во фланг или с тыла.

При выборе огневых позиций следует особое внимание обращать на то, чтобы батареи могли, не меняя места, прямой наводкой бить по приближающимся танкам и, когда возможно, простреливать местность между главной полосой обороны и своей позицней. Если местность неблагоприятна и таких возможностей нет, необходимо обеспечить, чтобы орудия могли быть выдвинуты на расположенные вблизи господствующие над местностью точки и оттуда решать эти задачи. Лучшая взаимная поддержка на случай ближнего отражения танков обеспечивается эшелонированным расположением огневых средств внутри самих дивизионов и батарей. Лучше всего гарантируют от внезапности естественные или искусственные препятствия впереди фронта, против флангов или тыла артиллерийских позиций.

Тяжелые и сверхтяжелые батареи, которые по причине незначительной подвижности, малой скорострельности и крутой траектории полета их снарядов не могут сами защититься от налета танков, должны быть прикрыты легкими батареями. Желательна придача им особых противотанковых орудий. Однако это не должно вести за собой расчленения сосредоточенной огневой мощи дивизионной роты ПТО.

Если противник, использовав массы танков, вызовет, несмотря на все усилия обороны, большие потери среди обороняющегося и разовьет свое вторжение в оперативный прорыв крупного масштаба, то под ударом окажутся все тыловые коммуникации. Опасность будет угрожать районам корпусных и армейских штабов, поскольку они окажутся в пределах радиуса действия танковых частей противника.

Если хотят отразить и уничтожить неприятельские танки, прорвавшиеся в тыл, необходимо располагать специальной надежно работающей противотанковой службой связи (независимо от остальной сети связи) и резервом быстроходных противотанковых орудий.

Однако пока развернется и сможет стать действительной активная оборона, которая уничтожит прорвавшиеся танки, тыловой район следует защитить от налетов танков и пассивными средствами обороны.

Штабы и резервы должны располагаться на недоступной для танков местности. Занятые населенные пункты должны быть защищены препятствиями всякого рода, минными заграждениями и т. п. В случае тревоги резервы защищают себя силами входящих в их состав противотанковых орудий и 2-см пулеметов. Штабы организуют активную оборону силами имеющимися в их распоряжении средств ПТО и артиллерии.

Корпусные и армейские штабы своевременно выделяют в свое распоряжение резерв противотанковых орудий. Орудия эти в случае надобности могут быть брошены для усиления частей, действующих на направлении главного удара. На случай оперативного прорыва танков противника этот подвижный резерв бросается навстречу неприятельским танкам во взаимодействии с придержанным до сих пор резервом танков.

Поскольку это позволяют обстановка и загруженность тыла, не следует преждевременно прибегать к такому контрудару, ибо чем дальше от базы операции противника будет выиграно решение, тем надежнее удастся разгромить его танки.

Характер и загруженность местности определят направление, с которого будет развит этот контрудар — именно в лоб, против флангов или по тылам противника. Огневая мощь, сдерживающая противника, осуществляется противотанковыми орудиями, превосходство которых над танком в этом отношении нами неоднократно подчеркивалось. Ударная мощь, т. е. удар во фланг или тыл наступающим танкам противника и в случае удачи их преследование, осуществляется танками обороняющегося. Само собой разумеется, танки обороны должны вместе с тем предотвратить обход позиций обороняющихся танками наступающего.

Если для отражения неприятельских танков используются совместно противотанковые орудия и танки, то танки выполняют роль батарей сопровождения. С целью лучшего обеспечения средств ПТО, находящихся в резерве корпусных или армейских штабов, следует и здесь иметь самоходные орудия.

В тыловых районах возможно ПТО соединить с ПВО и специальную сеть связи ПВО использовать и для службы связи ПТО. Поскольку здесь имеются также и обычные средства связи, передача донесения о прорыве танков будет обеспечена двойной сетью связи.

Зенитные батареи по своим техническим свойствам могут, вообще говоря, бороться с неприятельскими танками — необходимо лишь их снабдить бронебойными снарядами. Поскольку однако атаки авиации и танков противника обрушатся зачастую в теснейшем взаимодействии на одни и те же цели, подразделения ПВО вряд ли справятся с решением такой двойной задачи.

Радиус действий танков охватывает 100—150 км. В случае прорыва нападениям танков подвержены не только тыловые стоянки и убежища войск, но и штабы крупных соединений, снабженческие штабы и тыловые коммуникации.

Для прикрытия путей подвоза и железных дорог можно организовать кон-

вои, вооруженные бронебойными средствами, либо организовать местное прикрытие посредством подвижного охранения. Во втором случае потребуется больше затратить сил и обеспечить большую их мощность, чем в первом.

Для этого надо весь тыловой район разделить на определенные секторы, поставив во главе каждого особых комендантов, которым подчинить комендантов населенных пунктов данного сектора. В распоряжение этих комендантов секторов наряду со средствами пассивной обороны должны быть даны для целей активной обороны резерв противотанковых орудий или отдельные батареи полевых орудий, снабженных раздвижными лафетами.

Выше говорилось уже о необходимости тщательно организовать сеть противотанковой службы связи. Поскольку ночь сильно ограничивает деятельность танков, следует ночью производить движение войск и подвоз войскам всего необходимого. Тыловые секторы зачастую будут вынуждены прибегать к использованию и устройству противотанковых препятствий, ибо противотанковые орудия будут преимущественно сосредоточены на основных направлениях развертывающейся атаки и там будут добиваться решения.

Удавшийся прорыв должен быть прегражден и сломлен окружением и уничтожением неприятельских танков. Это осуществляется с помощью придержанных в резерве противотанковых орудий и резервных средств ПТО армий.

Решение в оборонительном бою против наступающих танков должно быть в случае атаки в лоб достигнуто не глубже района позиций обороняющейся пехоты. В случае ударов по обнаженному флангу подвижные средства ПТО обязаны защитить свою артиллерию и уничтожить наступающие танки в таком удалении от позиций батарей, чтобы не позволить им действительно обстрелять батареи.

В наступлении использованием [illegible]ных средств ПТО руководят те же при[illegible]ципы, что и в обороне. Развернувшись и расчленившись на местности, средства ПТО следуют скачками (перекатами) за наступающей пехотой в готовности в любую минуту отразить возможные контратаки танков обороняющегося.

В преследовании мощные и подвижные средства ПТО двигаются обычно в голове преследующих войск. Они быстро расправляются с зарождающимися контрударами танков противника и не позволяют арьергардам противника оказать затяжное сопротивление. Весьма выгодны и ценны средства ПТО для усиления ими мото-мехсоединений, посылаемых и параллельное и обгоняющее противника преследование.

При отступлении самоходные средства ПТО успешно действуют в составе тылового охранения с задачей сдерживать танковые атаки противника. Здесь найдут широкое поле действия и моторизованные саперные роты, обильно снабженные минами и материалами для устройства противотанковых заграждений.

В заключение следует сказать, что оборона, располагая средствами активного и пассивного отражения, способна оказать серьезное сопротивление любому наступлению танков. Успех обеспечат централизованное управление огнем обороны, гибкость этого управления и гибкость использования средств ПТО. Ближайшее вооруженное столкновение покажет все превосходство современной ПТО над современным наступлением танков.

Надо однако помнить, что это превосходство действительно за пехотными позициями обороняющегося. Для решительного удара по врагу и прорыва его расположения необходима, несмотря на все превосходство обороны, ударная мощь танка

Перевод **О. Триэль.**

Анонимный автор
Обверс* (контроппонент)

Механизация и снабжение

(Работа тыла мото-механизированного соединения под угрозой механизированного противника)

(С английского)

„Mechanisation and Administration". Из серии статей анонимного автора в № 3840—3845, August—September. „Army Navy and Air Force Gazette".

Обеспечивает ли современное устройство армейского тыла безопасность тыловых учреждений и бесперебойную их работу в условиях войны с противником, располагающим механизированными силами? Таким вопросам задается автор и, ответив на него отрицательно, переходит к рассмотрению возможных действий механизированных сил и способов защиты, которые он видит в организации тыла и снабжения на основаниях, принятых в морском флоте, с созданием укрепленных баз, бронированных или небронированных, колесных или гусеничных транспортов и конвоирующих их бронесоединений.

От редакции

Соображения автора являются развитием известных идей Фуллера по важному техническому вопросу современной «войны машин», изложенных в его лекциях по III части Полевого устава (стр. 36 и 58 русского перевода в издании Военгиза). Как Фуллер, так и анонимный английский автор статьи считают необходимым иметь хорошо защищенную главную базу, выдвинутые вперед укрепленные полевые (оперативные) базы и транспорт, конвоируемый танками. Оба автора считают необходимым иметь этот транспорт вездеходным (по Фуллеру — хотя бы 1—2 транспорта мощных тракторов). Но по Фуллеру конвой (из танков-разведчиков и танков-истребителей) сопровождает транспорт или выдвигается на фланги и пикирует границы района. Автор предпочитает непосредственное сопровождение, но дает свою схему состава и кругооборота транспорта в целях наилучшего их обеспечения не только конвоем, но и самым порядком движения. Эта часть предложений автора и представляет наибольший интерес, тем более что автор, не увлекаясь идеями о независимых армиях, проникающих на сотни километров в глубину территории противника, дает более реальную схему подготовки тыла мото-механизированного соединения в начальный период его наступательной операции.

Огневая мощь бронированных машин

Огневая мощь бронированных машин не может быть очень большой. Конечно она более чем достаточна против незащищенных целей на открытой местности, но обеспечение действительной защиты этих целей, **поскольку они не находятся в движении**, не представит особых затруднений. Таким образом можно будет обеспечить нормальную работу **неподвижных** органов тыла даже под угрозой нападения бронесил противника. Но кроме очень подвижных машин с небольшой огневой мощью возможно появление менее подвижных, но сильнее вооруженных: бронированные машины всегда будут представлять собой компромисс между огневой мощью и скоростью. В худшем случае придется обеспечивать тыловые учреждения от огня пушечных и гаубичных танков, вооруженных орудиями калибра и дальнобойности полевой артиллерии. Это явится уже достаточно серьезной задачей.

Если, как это и будет во время кампании на заморском театре[1], все резервы, имеющиеся на театре военных действий, расположены в районе армейского тыла, в пределах досягаемости бронесил противника, то последние будут иметь удобную и соблазнительную цель. И это тем более, что английская организация предусматривает растяжку тыла не больше чем на три перехода от фронта до базы.

[1] Речь идет о британской армии, предназначенной для действий вне метрополии. — **Прим. переводчика.**

Достаточно смелого набега мехсил, чтобы внести серьезное расстройство в работу тыла на довольно продолжительное время. Не будет ли это более быстрым способом парализовать противника, чем попытка непосредственно сломить сопротивление его вооруженных сил?

Подвижность бронесил

Большая подвижность является и всегда будет главным условием внезапности, и ни один род войск не обладает этим свойством в большей степени, чем бронесилы. С усовершенствованием технических свойств машин эта подвижность еще увеличится, конечно при условии, если она не будет принесена в жертву усилению огневой мощи или бронирования. Во всяком случае современные бронесилы обладают вполне достаточной подвижностью и огневой мощью, чтобы быть серьезной угрозой для тыловых учреждений, находящихся в пределах их досягаемости, если эти учреждения не будут защищены системой препятствий и укреплений от огня артиллерии калибра и дальнобойности полевой артиллерии, а также вообще от внезапных нападений.

Особенные трудности представляет последнее. Высокая степень подвижности позволяет бронесилам легко ускользать от противника; даже если в передовых районах и будет установлено соприкосновение с ними, то это не значит, что это соприкосновение удастся сохранить и тем предупредить внезапное нападение на тылы.

В итоге надо считать, что ни одно тыловое учреждение, расположенное примерно в пределах до 150 км от противника, нельзя считать обеспеченным от нападения его наземных сил, если оно не будет располагать собственными защитными и оборонительными средствами.

Защита подвижных учреждений

Еще сложнее обстоит дело с движущимися тыловыми учреждениями, т. е. такими, у которых передвижение является существенным и необходимым признаком их работы. Если неподвижные учреждения легко могут быть защищены от огня фортификационными сооружениями, то такую же защиту движущихся органов тыла можно обеспечить только путем установки брони на повозках или придачи транспортам и эшелонам подвижного прикрытия (конвоя), достаточно сильного, чтобы не подпустить к ним бронечасти противника.

Таким движущимися органами тыла являются например железнодорожные эшелоны и автотранспортные роты.

Железная дорога уязвима для нападений наземного противника; обыкновенная дорога тоже уязвима, но в меньшей мере. Немедленный эффект достигается нападением на поезд с довольствием или огнеприпасами, а перерыв движения — нападением и разрушением железнодорожного пути. Последнее может иметь и постоянный эффект, если через известные промежутки времени повторять его. Первое может иметь очень серьезные последствия, если будет произведено в удачно выбранный момент. Нападения с целью порчи обыкновенных дорог могут быть весьма неприятными, но в стране с хорошо развитой дорожной сетью редко дадут такой же эффект, как нападение на железную дорогу, так как движение по дорогам отличается большей гибкостью. В отношении дорожного движения удачное нападение на следующий по дороге транспорт может дать больший эффект, чем порча дороги. Как бы то ни было, главная задача заключается в следующем: как организовать защиту от нападений, обеспечивающую бесперебойную работу всего тылового аппарата.

Вспоминая сказанное об огневой силе и подвижности бронечастей, приходится признать, что железные дороги должны считаться ненадежными на протяжении 150—200 км от ближайших бронечастей противника.

Ненадежность железных дорог

Рассмотрим железную дорогу и ее работу. Она состоит из железнодорожного пути и подвижного состава. Для эксплоатации железной дороги необходимо иметь:

1) строительный и ремонтный персонал для содержания путевого хозяйства в исправности при нормальном износе и устранения случайных повреждений;

2) станционный персонал для обслуживания сигнализации, стрелок и т. п., распределенный по всей линии;

3) персонал службы движения и тяги, следующий с поездами;

4) технический персонал железнодорожных мастерских для содержания в исправности подвижного состава;

5) станционное оборудование для снабжения водой, углем и т. п.

Если вывести из строя персонал одной из этих пяти категорий в одном или нескольких пунктах линии, движение по ней становится почти невозможным. До такой степени уязвимы железные дороги! Повреждение материальной части, пожалуй кроме сигнализации, не имеет столь серьезных последствий, так как железные дороги располагают чрезвычайно мощной ремонтной организацией, но все же можно нанести железной дороге серьезные материальные повреждения за очень короткий срок. Такие повреждения вполне могут нарушить нормальную работу и таким образом расстроить «трехсуточную» систему снабжения армейского тыла. Повторные повреждения такого характера могут совершенно парализовать работу тыла.

Таким образом мы имеем в районе досягаемости бронесил противника следующее положение вещей. Имеются неподвижные и движущиеся учреждения. Те и другие одинаково важны. При наличии достаточных гарнизонов можно путем создания искусственных препятствий и укреплений обеспечить защиту неподвижных учреждений, но движущиеся учреждения можно защитить только при условии существования естественных препятствий вдоль всего пути движения (железной или обыкновенной дороги). Так как движущиеся учреждения железных дорог и каналов или рек (на которых условия эксплоатации очень сходны с железной дорогой) связаны с неизменными маршрутами, требуют работы личного состава над их исправным содержанием на всем пути и обслуживаются подвижными средствами, пока абсолютно уязвимыми для нападений, то их ни в коем случае нельзя считать надежными. Если не будет создана какая-либо система защиты этих учреждений, обеспечивающая их непрерывную работу в указанной обстановке, трудно представить себе, что ими можно будет пользоваться в пределах района действия бронесил противника. Система непрерывного кругооборота при небольших запасах в передовой полосе («трехсуточная система») никуда не годится, если движение по путям подвоза может быть в любое время нарушено и даже парализовано.

Поэтому приходится обратиться к системе, в которой конечно-выгрузочные станции будут расположены по крайней мере в 150—160 км в тылу полевой армии, но которые тем не менее потребуют оборонительных сооружений и гарнизонов. Между конечными станциями и войсками необходим дорожный или бездорожный (повышенной проходимости) транспорт, фактически не уязвимый во время движения.

Аналогия с морским флотом

Итак глубину в 150—160 км мы должны принять за максимальную растяжку тыла. Это наводит нас на аналогию с работой тыла военноморского флота.

Совершенно очевидно, что в пределах радиуса действий неприятельского флота пополнение боевых единиц флота, действующих вдали от своих баз, личным составом и всякого рода довольствием не может быть обеспечено непрерывным движением невооруженных и небронированных транспортных судов, работающих между базой и флотом тремя эшелонами. И это, несмотря на несвязанность передвижений по морю определенными маршрутами. Правда безопасность базы может быть более или менее обеспечена неподвижными береговыми оборонительными устройствами, но, как только транспорт выходит за пределы радиуса действий обороны базы, он становится уязвимым, а следовательно совершенно ненадежным звеном подвоза. Только конвоирование боевыми судами может до известной степени обеспечить эту надежность.

Будущие армии и современные флоты

Можно провести полную параллель между механизированными армиями будущего и существующим военноморским флотом. Вот некоторые общие им обоим черты:

1) передвижение по морю не связано с жесткими маршрутами; таким же, хотя

в меньшей степени, является движение гусеничных машин;

2) в обоих случаях имеются естественные препятствия: в одном — подводные скалы, мели и т. д.; в другом — болота, реки и пр.;

3) в обоих случаях налицо большая способность ускользать от противника, затрудняющая поддержание соприкосновения, особенно с более быстроходными частями;

4) поэтому всегда налицо опасность удара по тылу рейдующим противником, и обеспеченными от него могут считаться только те тыловые учреждения, которые располагают собственными оборонительными средствами;

5) подвижные органы снабжения — транспортные суда в одном случае и транспортные части в другом — абсолютно уязвимы во время движения, так как не обладают собственными оборонительными средствами.

Можно найти и другие общие черты.

С другой стороны имеются и большие различия, которые впрочем не могут нарушить аналогии. Важнейшие из них следующие:

1) препятствия движению чаще встречаются на суше, чем на море;

2) огневая мощь сухопутных частей неизбежно меньше, чем на море, а увеличение их огневой мощи гораздо сильнее отзывается на их подвижности;

3) на суше легче находить укрытия, чем на море, поэтому на суше легче достигается эффект везапности, правда и в этом отношении пальму первенства можно отдать подводной лодке.

Однако эти различия, не будучи принципиальными, так сказать, не нарушают аналогии. Таким образом если проведенная аналогия справедлива, то не окажется ли решение задачи организации тыла, пригодное в одном случае, пригодным и для другого? Изучая организацию тыла военноморского флота, мы может быть определим направление, в котором будет развиваться организация тыла сухопутной армии будущего.

Работа тыла морских флотов и сухопутных армий

Прежде всего боевая единица флота, находящаяся если не фактически в бою, то во всяком случае в районе операций, может в течение известного промежутка времени удовлетворять свои материальные потребности без подвоза с тыла. Она носит в себе самой запасы огнеприпасов, продовольствия, санитарного имущества, ремонтные мастерские, запасные части, причем размер этих запасов рассчитан на удовлетворение ее потребностей в течение определенного срока, по истечении которого она выходит из строя и должна пополняться.

В тылу боевой единицы имеется морская база. Эта база сама является боевой единицей, способной своими средствами отражать нападения. База может быть постоянной, как например Мальта, или временной, как Мудрос[1] в 1915 г. В том и другом случае она представляет собой группу тыловых учреждений, располагающую средствами для отражения атак противника. Между базой и боевой единицей никакой постоянной организации подвоза не существует. Не существует ничего подобного сложной организации этапной службы, работающей с механической точностью изо дня в день.

При таких условиях снабжение довольствием может производиться двумя способами: либо боевая единица должна возвращаться в базу и пополняться там под защитой оборонительных устройств базы, либо база должна высылать к боевым единицам транспортные суда, обеспечивая безопасность последним на время перехода. Другими словами, база будет время от времени посылать флоту караваны транспортов под конвоем военных судов. При втором способе приемка довольствия происходит в море, а это не только является трудной операцией, особенно в бурную погоду, но кроме того корабли, принимающие довольствие, фактически беспомощны во время перегрузки. Пополняться довольствием может одновременно только часть флота, так как другая часть будет занята охраной пополняющихся единиц. Поэтому обычно применяется первый способ — периодической отсылки отдельных единиц в базу для пополнения.

Таким образом вследствие подвижности некоторых классов военных судов и их способности ускользать от противника военноморской флот принужден

---

[1] Залив и порт на острове Лемнос в Эгейском море. — **Ред.**

стоящую только из баз и надежно конвоируемых караванов транспортов.

Если в ближайшие 10 лет механизация армий будет развиваться таким же темпом, как за истекшее десятилетие, то армиям придется принять организацию тыла, приближающуюся к военноморской.

Прежде всего боевым соединениям придется возить с собой и под защитой своих собственных оборонительных средств такие запасы продовольствия, огнеприпасов, запасных частей и т. д., которые на известный период делали бы их не зависимыми от тыла. Этот период вряд ли будет выдерживать сравнение с аналогичным периодом в военноморском флоте, но все же его продолжительность будет достигать 2—3 суток. В течение этого срока боевые соединения должны будут обходиться собственными средствами и вдобавок обеспечивать их защиту. Очевидно, что не существует, да никогда и не может быть, танка, который мог бы возить с собой все запасы, необходимые для него и его команды на сколько-нибудь продолжительный срок. Поэтому придется иметь бронированные транспортные машины с проходимостью, равной проходимости танков, но без их наступательного вооружения. В этом отношении морской флот находится в более благоприятном положении, так как на боевых судах имеется достаточно места для перевозки запасов без понижения боеспособности корабля. Кроме подобных «танков снабжения» придется иметь «санитарные танки» для эвакуации больных и раненых, а также «транспортеры» для перевозки запасных водителей, орудийных и пулеметных номеров. Понадобятся также «танки-мастерские» с запасными частями. Как бы то ни было, боевое соединение должно быть таким же самостоятельным, как боевая единица флота, с той разницей, что запасы довольствия будут перевозиться не на самой боевой единице, а на специальных транспортных машинах, обладающих такой же подвижностью и защитой, как боевые машины.

Благодаря этому боевое соединение будущего, соответствующее примерно эскадре морского флота, сможет действовать на значительном расстоянии от своей неподвижной базы, сохраняя полную подвижность в течение около 3 суток. По истечении этого срока, продолжительность которого будет зависеть от грузопод'емности и количества бронированных транспортных машин, боевое соединение должно будет прерывать операцию и пополняться.

Эти бронированные транспортные машины должны **органически входить в состав войсковых частей.** Сводить их в отдельные части наподобие корпусного транспорта представляется нецелесообразным: это ограничило бы свободу и радиус действия войсковых частей и уничтожило бы их способность действий по широко раздвинутым направлениям — способность, которой должно обладать мехсоединение, а вместе с нею в значительной степени его способность наносить внезапные удары.

Методы пополнения

Когда запасы на бронированных транспортных машинах будут исчерпаны, возможны два способа пополнения: либо соединение возвращается на базу для отдыха, пополнения и изготовки к дальнейшим операциям, либо довольствие и пополнение посылаются ему базой на бронированных транспортных машинах под конвоем. Первый способ предпочтительнее по тем же соображениям, которые были высказаны выше для морского флота, и он вероятно будет принят как нормальный.

В связи с необходимостью возвращения соединения на базу возникает другой вопрос. Радиус действий соединения не может быть очень большим, даже при наличии значительного количества бронированного транспорта, и не выдерживает сравнения с радиусом действий морского флота уже в силу органической грузопод'емности машин. Поэтому мехсоединения не могли бы нормально возвращаться на базу, как определяет действующий Британский устав полевой службы, ч. I. Придется создавать оперативные базы, соответствующие «передовым» базам, предусмотренным уставом. Только эти базы будут не исключительными, а вполне нормальными учреждениями.

Передовые базы будут устраиваться по одной для каждого корпуса, а может быть и для низших соединений, которые

будут возвращаться туда после каждого отрезка операции.

Теперь возникают два вопроса: как защищать эти базы, поскольку они неподвижны и уязвимы для нападений противника, и каким образом пополнять их запасы?

Оборона баз

Этот вопрос касается одинаково как передовых, так и главных баз, поскольку последние находятся в пределах досягаемости противника. Широкое рассредоточение современных тыловых учреждений представляется недопустимым в будущем, так как оборона больших районов потребовала бы слишком крупных сил. Сосредоточение же складов на небольшой площади, обеспеченной круговой обороной, означает уменьшение вместимости этих складов. Конечно, если армии пойдут по пути механизации, личный состав действующей армии значительно сократится, а следовательно само собой уменьшится и пространство, необходимое для размещения продовольственных, санитарных и прочих запасов. Приведет ли это к достаточному сокращению размеров баз, сомнительно. В этом случае на театре военных действий придется держать меньше запасов и людских пополнений, чем было принято до сих пор, если только база не будет находиться вне радиуса действий противника. Иначе придется сильно скучивать запасы и мириться с этим недостатком.

Это особенно относится к «оперативным» базам, которые должны сильно обороняться и быть безусловно обеспеченными от нападений. Без них невозможны будут связные длительные операции. Достаточно будет энергичного налета противника, чтобы вывести из строя недостаточно защищенную базу, а с нею и опирающееся на нее соединение. Чем меньше запасов держать на каждой из этих баз, тем легче располагать их сосредоточенно и оборонять их. Последнее конечно будет зависеть от наличия или отсутствия естественных препятствий и возможности создания искусственных. С другой же стороны чем меньше запасы, тем чаще придется пополнять их с главной базы, а каждый подвоз пополнения представляет удобный случай для нападения противника. Таким образом необходимо установить компромисс между этими двумя факторами. Однако частота подвоза — не единственный отрицательный фактор. Почти такое же неблагоприятное действие имеет регулярность подвоза, позволяющая противнику планомерно проводить свои нападения на транспорты. Таким образом придется организовать пополнение оперативных баз через не слишком малые и очень неравномерные промежутки времени.

Этот подвоз не может производиться по железной дороге, по реке или по каналу. Он должен совершаться по обыкновенным дорогам или по местности наподобие конвоируемых морских перевозок. Довольствие может перевозиться на грузовиках или гусеничных машинах. На практике первые привязаны к дорогам, и возможность таких перевозок зависит от наличия густой дорожной сети, допускающей варианты маршрутов и этим обеспечивающей безопасность движения. В противном случае необходимы гусеничные машины, могущие двигаться без дорог [1]. Машины могут быть бронированными или небронированными. В первом случае защита транспорта значительно облегчается, но в обоих случаях повидимому необходим конвой из бронированных боевых машин, и это сочетание конвойных и транспортных машин представляет большую аналогию с конвоируемым караваном морских транспортных судов.

Что касается главной базы, то, если она расположена в пределах досягаемости для противника, она потребует скученного размещения и уменьшения количества запасов, а также надежной защиты. При расположении же ее вне досягаемости для наземных сил противника условия ее организации приближаются к принятым в настоящее время, и вплоть до границы возможного района действий противника возможна работа аппарата коммуникационных путей, предусмотренного ч. I устава полевой службы, до железных дорог включительно. Если провести через этапную полосу воображаемую линию, соответствующую

---

[1] Недавний кара-кумский пробег доказал высокую проходимость автомашин на сверхбаллонных шинах. — **Прим. переводчика.**

крайнему пределу досягаемости бронесил противника, то весь аппарат в тылу этой линии может работать согласно положениям устава полевой службы; впереди же нее придется создавать новую организацию, заимствованную у морского флота.

Особенного внимания заслуживают те пункты на этой линии, где существующая организация переходит в новую; по существу это будет линия конечно-выгрузочных станций. Очевидно корпусные автомобильные роты и дивизионный транспорт в их современном виде должны будут исчезнуть, так как в новой организации для них нет места... Их заменит конвоируемый транспорт повышенной проходимости, и так как исходный пункт такого транспорта находится на границе района досягаемости неприятельских бронесил, то ему самому придется использовать весь или почти весь свой радиус действий. Для образования конвоируемого транспорта и для обеспечения транспортным и конвойным машинам необходимого радиуса действий на конечно-выгрузочных станциях или вблизи них должны иметься «промежуточные» транспортные базы, питаемые из главной базы по железной дороге и предназначенные специально для обслуживания транспортов. Эти базы могут пополняться регулярно по железной дороге и вместе с тем должны допускать отправку транспортов через неравномерные промежутки времени. С этой целью на них можно держать небольшие запасы довольствия разных видов.

Угроза с воздуха

Прежде чем говорить о подробностях будущей организации тыла, необходимо подумать об угрозе нападений с воздуха.

Разница между наступательной силой воздушного флота и бронесил состоит главным образом в полноте достигаемых результатов. Удачный набег бронесил вероятно является гораздо большей угрозой снабжению действующих боевых соединений (а следовательно и их боеспособности), чем воздушное нападение. Результат первого должен быть гораздо решительнее. Если бронемашинам удастся внезапно проникнуть в район, занятый передовой (оперативной) базой, результатом несомненно будет уничтожение базы, а возможно также и соединения, снабжающегося на этой базе, как только будут исчерпаны запасы, возимые при боевых частях. Единственным выходом для последних будет немедленно отойти на главную базу или временно переключиться на оперативную базу одного из соседних соединений. Во втором случае нагрузка на эту базу может оказаться непосильной, т. е. база не будет в состоянии обеспечить снабжением не только оказавшееся «беспризорным» соединение, но и свое собственное. В первом же случае для предприимчивого противника будет открыта дорога, по которой он может попытаться приблизиться к главной базе, но зато с ним будет легче справиться. Что касается нападений с воздуха, то воздушные силы легко проникают до об'екта атаки, нападение легко может быть повторено, а скученное расположение складов способствует достижению очень ощутительных результатов. Но с другой стороны скученность об'екта делает более действительной противовоздушную оборону, а целесообразным планированием построек и применением к местности можно значительно ослабить результаты прямых попаданий разрывных или зажигательных бомб. Таким образом материальные последствия воздушных нападений вряд ли будут такими же серьезными, как при набегах бронесил, хотя психологический эффект, особенно при частом повторении воздушных нападений, может быть значительнее.

Самое слабое звено цепи

Главная опасность тылу грозит от комбинированных действий бронесил и воздушных сил, причем последние могут обнаруживать движение транспортов пополнения оперативных баз и тем сводить к нулю преимущества, извлекаемые из нерегулярности перевозок. Слабейшим звеном в цепи подвоза в пределах действий бронесил противника несомненно и будет конвоируемый транспорт в движении, и наша ближайшая задача — рассмотреть, каким образом лучше всего обеспечить это движение.

Движение конвоируемых транспортов характеризуется тремя факторами: сте-

4*

пенью частоты, регулярностью и скоростью, от которых зависит и успех нападения противника. Эти факторы имеются налицо при всяких условиях. Кроме них в отдельных случаях действуют такие факторы, как топографические и климатические условия, которые можно учесть только при данном театре военных действий, маршруте и времени года. Сюда относятся: наличие препятствий, наводнения, болота, действие мороза, преграждение теснин и т. п. Первые же три фактора всегда налицо и всегда должны учитываться, так как от них зависят выбор системы организации, устройство баз и состав транспортов.

Частота

В настоящее время принятая нами система основывается на частоте, равной 1 перевозке в сутки. Это значит, что по путям подвоза направляется ежедневно 1 суточный комплект довольствия всех видов, рассчитанный на нормальное потребление. Таким образом на путях подвоза всегда находится в движении по 1 суточному комплекту на каждое боевое соединение. На всякий непредвиденный случай мы имеем на фронте только 1 запасный суточный комплект. Кроме того, учитывая желательность равномерной нагрузки железных дорог, мы стараемся по возможности также регулярно доставлять вперед и неравномерно потребляемые материалы, для чего вычисляем их средний суточный расход. Следовательно в тылу каждого действующего соединения ежедневно имеется очень соблазнительная приманка для бронесил противника. В настоящее время, когда «граница района досягаемости противника» проходит очень близко к полосе, занятой нашими боевыми соединениями, опасность нападений противника не так уж велика. Но в будущем эта граница может оказаться в 150—180 км в тылу, и ежедневная приманка в виде движущихся транспортов станет слишком соблазнительной. Поэтому, приближаясь к этой границе, следует перейти на частоту, равную не 1 перевозке в сутки, а 1 перевозке за 4 или даже больше суток. Таким образом промежуточная (транспортная) база должна будет вмещать 4 и даже больше суточных комплектов довольствия. По той же причине и транспорт должен быть в состоянии перевозить за раз такое же число суточных комплектов.

Регулярность

Залогом успеха всякой внезапности является возможность предсказания действий противника, а если можно с уверенностью предсказать движение подвижного об'екта, то можно с успехом подготовить и нападение на него. Яснее всего это сказывается при торпедных атаках и противовоздушной обороне (зенитной стрельбе). В обоих случаях ответ противника одинаков: зигзагообразный курс на море или «пляска» самолета в воздухе — другими словами нерегулярное движение. Так же будет обстоять дело с транспортами снабжения, в отношении которых чрезвычайно желательны нерегулярность отправок и разнообразие маршрутов между промежуточной базой и снабжаемым соединением. Но это потребует дальнейшего изменения грузопод'емности транспортов и вместимости промежуточных и оперативных баз. Если принять среднюю частоту перевозок за 1 перевозку в 5 суток и добавить сюда нерегулярность их в пределах 4 суток, мы получим максимально необходимую грузопод'емность транспорта, равную 7 суточным комплектам довольствия, и такую же минимальную вместимость промежуточных и оперативных баз. Поясним это таблицей, охватывающей движение транспорта за месяц.

День отправки с промежуточной базы	Число перевозимых суточных комплектов	День прибытия в оперативную базу	Запас на оперативной базе вечером того же дня
1 мая	7	2 мая	7
5 „	4	6 „	7
11 „	5	12 „	6
15 „	5	16 „	7
21 „	5	22 „	6
25 „	5	26 „	7
31 „	6	1 июня	7

Это дает нам среднюю частоту, равную 1 перевозке за 4—5 суток, и средний запас в 6—7 суточных комплектов на оперативной базе. Интервалы между перевозками колеблются от 4 до 6 суток. Возможно, что такое колебание представляется недостаточно неравномерным, но, разнообразя часы отправки, можно эту неравномерность усилить. Конечно все эти цифры являются предположительными и допускают разные варианты, но следует заметить, что если величина интервала превосходит 7 суток, то вместимость складов оперативной базы должна равняться числу суточных комплектов довольствия, соответствующему максимальному интервалу, **плюс по крайней мере 1 суточный комплект;** иначе в день, когда ожидается прибытие транспорта, размер запасов может слишком понизиться. Кроме того он никогда не должен падать ниже полной грузопод'емности боевого соединения, т. е. ниже 3 суточных комплектов, так как оперативная база должна всегда быть в состоянии полностью пополнить снабжение ею соединения. Следует еще отметить, что если состав транспорта рассчитан на 7 суточных комплектов, а средняя частота перевозок равна 1 перевозке в 5 суток, то мы будем иметь запас грузопод'емности, который позволит удовлетворять внеплановые потребности разных служб.

Скорость

Здесь необходимо прибегнуть к компромиссу. Провозоспособность всякой транспортной системы определяется средней скоростью, помноженной на грузопод'емность перевозочных средств. С точки зрения безопасности чем больше скорость, тем лучше в смысле возможности маневрировать и уклоняться от нападений противника. С другой стороны охрана большого числа транспортных единиц представляет большие затруднения для сопровождающего их конвоя. Даже с машинами, обладающими высокой степенью проходимости, вряд ли было бы разумно применять к транспортным машинам тактику самостоятельного их движения (поодиночке) с назначением сборного пункта. Кроме того большая быстроходность означает уменьшение грузопод'емности и облегчение бронирования, а так как главным назначением транспортной машины является перевозка груза, очень большая быстроходность вряд ли достижима. Вряд ли можно будет пользоваться грузовиками, которые обладают и быстроходностью и большой грузопод'емностью, так как тактика конвоирования транспортов потребует высокой степени проходимости, вероятно не меньшей, чем у транспортных машин, входящих в состав действующих мехчастей. Таким образом придется довольствоваться компромиссом и до известной степени отказаться от преимуществ большой быстроходности, сделав упор на хорошую проходимость транспортных машин по местности и на целесообразное использование конвойных машин.

По вышеприведенной табличке от отправки с промежуточной до прибытия на оперативную базу проходят целые сутки. Расстояние между ними принимается равным 160—200 км, но это не значит, что транспорт будет двигаться со скоростью всего 8 км в час. Такой срок дан для того, чтобы командир конвоя, основываясь на данных разведки, мог свободно назначить час отправления, образ действий в пути и время прибытия, лишь бы все движение не продолжалось больше 2 дней и 1 ночи.

Основа организации подвоза

Очевидно вся организация зависит от положения границы района, в котором могут действовать бронечасти противника, проскользнувшие через полосу, занятую нашими боевыми соединениями. Мы предполагали, что эта граница проходит в 160—200 км в тылу нашего фронта, но эта величина была взята только как примерная.

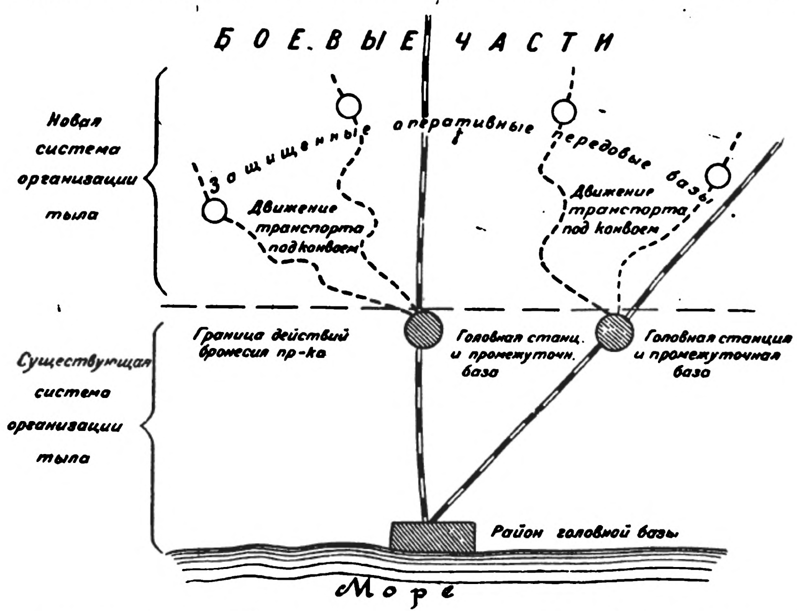
Дистанция, на которую может действовать бронированная боевая машина, зависит почти исключительно от возимого ею запаса горючего. При этом конечно предполагается, что внешние факторы, как-то: климатические, топографические условия и т. д., благоприятны. В настоящее время радиус действий зависит от типа машин. Техника стремится создавать машины с более эффективными двигателями, с гусеницами, требующими меньшей мощности, и т. д. Можно считать, что благодаря различным усовершенствованиям радиус действий будет увеличиваться, а от него будет

зависеть организация всего нашего тылового аппарата.

Прежде всего надо установить, с какого пункта территории, занятой противником, надо считать этот радиус действий, который позволит определить положение границы досягаемости.

Возможности

Вряд ли машины противника будут лучше наших, но они могут быть так же хороши. Мы считаем, что, учитывая свойства машины противника, мы должны действовать боевыми частями, отрывающимися от своих спортивных баз на ограниченные периоды. Позволительно предположить, что, учитывая свойства наших машин, противник будет поступать таким же способом, а потому можно принять, что он создаст свои оперативные базы, от которых и будут действовать его подвижные боевые соединения. Таким образом радиус действий надо считать от этих баз; к счастью они неподвижны и положение их может быть нанесено на карту при помощи воздушной разведки. Следовательно можно будет с достаточной точностью установить границу района досягаемости и сообразно с этим построить тыловой аппарат. Единственный риск заключается в том, что противник может построить машины с большим радиусом действий для набегов на тыловые учреждения или решит, что стоит например пожертвовать соединением, состоящим из старых машин, и пошлет его за пределы его радиуса действий, не **рассчитывая на его возвращение,** чтобы внести смятение в тылу наших промежуточных баз и бросить машины, выполнившие свою задачу. Поэтому промежуточные базы и важные пункты на железных дорогах в тылу границы досягаемости бронесил противника потребуют защиты — хотя бы только стационарной, но все же защиты; в остальном же граница досягаемости может быть определена достаточно точно.

По мере развития операций эта линия может время от времени перемещаться, но конечно не внезапно, так как она устанавливается не произвольно, а на основании реальных данных. Всякое изменение ее положения будет следствием перемещения оперативных баз противника, а о нем мы будем предупреждены воздушной разведкой.

IV. Вопросы оперативного искусства и общей тактики

Генерал **Луазо**

Оборонительный маневр

Général L. Loiseau. La manoeuvre défensive. „Revue Militaire Française“ № 144, 145, Juin—Juillet, 1933.

Луазо рассматривает различные виды обороны, стремясь классифицировать их в зависимости от задачи (продолжительности сопротивления), относительной ширины фронта и района действий в глубину и указать в зависимости от этих данных приемы оборонительных действий крупных войсковых соединений (армий и корпусов) на конкретном примере. Попутно статья характеризует эволюцию французских взглядов в сторону большей маневренности действий в обороне.

От редакции

Статья Луазо представляет одну из глав сборника лекций, читанных в 1932/33 г. во французской Высшей военной школе на тему «Операции армейского корпуса в составе армии», как указано в рецензии, помещенной в отделе библиографии этого же выпуска «Военного зарубежника».

Статья эта подвергает систематическому анализу различные виды обороны и дает ряд ценных указаний для действий значительных сил в типичных для обороны условиях, на конкретном примере, стремясь подчеркнуть необходимую гибкость и маневренность обороны в противоположность шаблонным и неподвижным формам, вынесенным из одностороннего опыта позиционной войны. Недостатком статьи является преклонение автора перед «вечными принципами», что конечно не способствует ясности и практической ценности отдельных его указаний. Однако это не лишает ценности труд автора в целом, что и побудило редакцию дать ему место на страницах «Военного зарубежника».

ГЛАВА I

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ МАНЕВР В ПРОШЛОМ

Когда был в действии Полевой устав 1895 г., то принято было говорить: «Пассивная оборона обречена на верное поражение; ее следует безусловно избегать». Такое утверждение явилось следствием уроков недавнего прошлого (1870—1871 гг.), когда французская армия погибла в операциях чисто оборонительного характера.

Накануне последней войны Инструкция для действий крупных соединений (от 28 октября 1913 г.), подымая свой голос против нарождавшейся теории о невозможности прорыва фронта и возможности добиться решения посредством одного только маневра без боя, категорически утверждала, что наступление является единственной формой маневра.

Результаты этой доктрины мы знаем. «В 1914 г., — пишет маршал Фош в своих мемуарах, — наше командование испытало много напрасных неудач и жестоких потерь, явившихся следствием его исключительного пристрастия к наступательному образу действий и знакомства с приемами только этого образа действий, систематически применяемого при всех обстоятельствах» [1]. Таким образом именно это исповедывание целиком принципа наступления и побудило французскую армию пренебречь сочетанием наступательных и оборонительных форм маневра, следствием чего явилась первая неудача плана XVII. «В действи-

[1] Именно это пристрастие к наступлению проявил и сам Фош в сражении на Марне. — Ред.

тельности же, — добавляет маршал Фош, — командование во все времена должно знать до конца слабые стороны как наступления, так и обороны, так же как и условия возможности их применения, так как **только умелое комбинирование обоих способов действий даст возможность развить мощное наступление в желаемом пункте.** Эта необходимость увеличивается с увеличением количества войск, вводимых в дело».

Следует ли воспринимать эту мысль как нечто новое и нельзя ли скорее видеть в ней лишь живое подтверждение вечного (!? — **Ред.**) принципа экономии сил?

Если безусловное наступление удавалось великим полководцам, располагавшим превосходными средствами или имевшим дело с пассивным противником, как Фридриху II у Лейтена против принца Лотарингского или Наполеону при Иене против герцога Брауншвейгского, то необходимость сочетания наступления с обороной немедленно восставала перед ними, как только им приходилось вести борьбу, располагая более слабыми средствами, или в борьбе с активным противником. Кампания Бонапарта в Италии в 1796 г., Аустерлиц, Лейпциг дают бесспорные примеры такого наступательно-оборонительного образа действий.

Клаузевиц именно после тщательного изучения войн империи признал оборону одной из необходимейших форм операции, позволяющей с наименьшей затратой сил содействовать успеху наступления, и написал известное суждение, которое не всегда понималось как следует: оборона — это наиболее сильная форма с отрицательной целью; наступление — это наименее сильная форма с положительной целью.

Великая война в течение долгого времени стабилизации фронтов выявила всю силу обороны, но обороны в совершенно особых условиях. Поэтому нам все же надо искать уроков, касающихся оборонительного маневра, в периодах подвижной войны, в начале и в конце войны, в операциях, в открытом поле, которые только и будут рассматриваться в настоящем труде.

Нам казалось интересным кратко рассмотреть в этом отношении взгляды маршала Фоша на оборону в особых условиях маневра в открытом поле.

Во второй половине сентября 1914 г. ген. Жоффр, разумно сочетая наступление и оборону, приказывает с целью развития своего флангового маневра к северу от Уазы перейти к обороне на фронте от Уазы до швейцарской границы, снимая с этого фронта максимальное количество сил. Ген. Фош, потерявший в районе 9-й армии треть своих сил, немедленно приказывает: «Прочно укрепить местность, перегруппировать и восстановить части войск. Идя навстречу вновь созданным требованиям, я рассылаю инструкцию относительно организации обороны на широких фронтах. Основой этой организации должно быть установление системы обороны в глубину, способствующей одновременно **как увеличению сопротивления, так и экономии сил».**

Три года спустя, во время отступления к Тальяменто итальянской армии, прорванной у Капоретто, когда председатель итальянского совета министров, говоря о сопротивлении до конца, хотя бы пришлось отступить в Сицилию, просил поддержки 15 дивизиями союзников, ген. Фош отвечает: «В этом нет необходимости; одно из самых заметных явлений этой войны — это великая сила обороны. В известных обстоятельствах численное превосходство может обеспечить победу, но при других может быть и иначе». И, напомнив об Изере и Вердене, он добавляет: «При помощи колючей проволоки и других препятствий есть возможность оказать очень действительное сопротивление на Пиаве и за этим рубежом, **сопротивляясь весьма превосходным силам».**

И наконец 1 июля 1918 г., устанавливая образ действий в случае германской атаки в направлении Аббевиля или Парижа, с линии Шато-Тьери-Лан, ген. Фош пишет: «...именно на этом фронте и на всю его возможную глубину союзные армии должны принять самые решительные меры, чтобы осуществить оборону шаг за шагом: прочные оборонительные сооружения, повторенные в глубину и хорошо увязанные между собой... расчлененные и организованные резервы союзников». Сколько бы мы ни перечисляли примеров, мы всегда найдем эти основные понятия, которые тес-

но переплетаются друг с другом: **экономия сил при помощи умелого использования местности и организация обороны в глубину.**

Что же подразумевает маршал под обороной в глубину?

1. Прежде всего он имеет в виду **первую линию,** состоящую из **наиболее выгодных местных предметов,** создающих крепкий фронт, имеющий задачей **сопротивляться на месте.**

Выгодные местные предметы являются предметами постоянной заботы ген. Фоша. 8 сентября, во время Марнского сражения, после потери Фер-Шампенуаз он пишет: «Приказываю 2-му армейскому корпусу вновь занять и удержать во что бы то ни стало Фер-Шампенуаз; это — единственный серьезный опорный пункт, который мы можем найти в этом районе... При условии беспромедлительных действий, при помощи еще не тронутых резервов и прежде, чем противник успел как следует укрепиться, мы можем вновь захватить Фер-Шампенуаз и закрепить еще колеблющийся фронт 2-го корпуса».

В то же время на левом фланге армии, где положение было лучше, он указывает: «...здесь особенные выгоды обороны представляет скалистая местность Шампани... Здесь необходимо найти **прочный опорный пункт** для восстановления нашего положения и взять необходимые нам подкрепления для нашего правого фланга, увлеченного в настоящее время атакой в долине Шампенуаз, не имеющей никаких естественных препятствий и укрытий». Можно ли лучше определить стремление к экономии сил посредством использования местности?

При атаках противника маршал знает лишь один способ действий: во что бы то ни стало остановить противника посредством сопротивления на месте. В моменты кризиса его инструкции неустанно повторяют с одинаковой непреклонностью одну и ту же директиву. Приведем несколько примеров.

В начале октября 1914 г. 11-й армии, к югу от Соммы: «Всюду сопротивляться противнику, чтобы его остановить, для чего возможно скорее создать оборонительный фронт».

16 октября адмиралу Ронарху, в Диксмюде: «Сопротивляйтесь там, где вы находитесь... Немедленно остановите противника могуществом своего огня».

26 марта 1918 г., выходя с конференции в Дуллансе: «Не отступать ни в коем случае, не сдавать без боя ни одной пяди земли, но **удерживаться во что бы то ни стало на месте** со всей возможной энергией... Рассчитывать на смену лишь после достижения этого первого результата» [1].

Отметим, что своими выражениями обороняться на месте «во что бы то ни стало», «любой ценой» маршал хотел прежде всего и всеми своими силами воспрепятствовать добровольному отходу части первой линии, оборонительная задача которой должна отличаться самопожертвованием.

2. Но маршал считал, что опорных пунктов первой линии, даже при наличии воли сопротивляться на месте, недостаточно, так как у противника также есть воля согнать все с первой линии, и ему это может удасться. Нужно всегда иметь **сзади подготовленную линию отхода,** занятую заблаговременно, хотя бы и слабыми силами, за которую оборона могла бы зацепиться.

Послушаем маршала [2]:

20 августа 1914 г. командиру 20-го армейского корпуса, контратакованного противником у Моранжа: «Приказываю прочно удерживаться на занимаемых ими местах. Сзади я оборудую новую линию сопротивления... на которую двинуты мои резервы».

Во время Марнского сражения, при руководстве боем своей армии 5 сентября: «Против немцев к югу от Сен-Гондских болот укрепились 17-я и Марокканская дивизии; во второй линии — 52-я резервная дивизия, держащая под своим огнем выходы из болот».

16 октября, увязывая действия союзных северных армий на Изере: «Надо держаться на Изере у Диксмюде, на Имерле и до Ипра... Я дополняю оборону Дюнкерка наводнениями, создавая препятствие, за которым можно вновь организовать сопротивление, если бы противнику удалось захватить первую линию».

---

[1] Дальнейшие примеры выпущены, чтобы не растягивать изложение. — **Ред.**

[2] Здесь даются лишь более характерные распоряжения маршала Фоша из числа приводимых у Луазо. — **Ред.**

27 мая 1918 г., во время атаки Шемен-де-Дам: «Пусть не говорят, что отрядов, удержанных у реки, будет недоставать для сражения в первой линии. По своей незначительности они не являются серьезной силой сами по себе, но, расположенные на реке, они могут стать очень мощными благодаря ясно определенной им роли на укрепленных опорных пунктах поля сражения. Они кладут предел преследованию и позволяют отброшенным войскам возобновление сопротивления за хорошо укрепленной линией».

16 июня ген. Фош обращает внимание на значение тыловых позиций и на представленные ему возражения по поводу их занятия он об'ясняет свою мысль: «Я вовсе не говорю об однообразном занятии этих позиций на всем их протяжении, что потребует преувеличенного расхода сил, но я считаю необходимым **занятие относительно небольшими силами основных, точно указанных пунктов** этих позиций. Эти прочно удерживаемые пункты составят достаточно солидный костях, способный обеспечить сопротивление до подхода более крупных резервов».

3. Наконец **резервы** в глазах маршала являются единственным средством, которым располагает командование, чтобы дать почувствовать свое влияние. Создание возможно более сильных резервов во время оборонительного маневра с марта по июль 1918 г. является предметом его постоянных забот.

Вечером после конференции в Дуллансе в своей первой директиве он указывает, что основной целью общих усилий должна быть тесная связь между британскими и французскими армиями, которой можно добиться «...с одной стороны посредством удержания и укрепления прочного оборонительного фронта на тех позициях, которые удерживаются в настоящее время; с другой стороны посредством создания сильных маневренных резервов. Для создания этих маневренных масс достаточно сильными и притом возможно скорее следует решительно снимать все, что возможно, с неатакованных фронтов».

Остановив первое неприятельское наступление, он снова напоминает об этой руководящей мысли.

Организация этих резервов, управление ими и их использование являются для маршала самым важным из его особых прав (как верховного главнокомандующего).

Этот краткий обзор показывает все значение, придаваемое маршалом (в котором нельзя заподозреть отсутствие наступательного темперамента) организации и ведению оборонительного маневра, основанного с одной стороны на экономии сил, с другой — на эшелонировании в глубину: первая прочная линия сопротивления, линия отхода, построенная на тыловых опорных пунктах, подвижные рез'ервы.

Если характер нашего очерка и заставляет нас предпочтительно искать уроков войны в период операции в открытом поле, то не следует забывать и те идеи, которые в период неподвижных фронтов руководили управлением оборонительных действий, в частности идеи, изложенные маршалом Петеном и развитые в его директивах армиям в конце 1917 г. (инструкция от 20 декабря 1917 г. об оборонительных действиях крупных соединений в бою, директива № 24 от 22 декабря 1917 г., инструкция от 24 января 1918 г. о применении этой директивы).

Эти документы бросают яркий свет на принципы, которыми всегда следует руководствоваться в оборонительных действиях.

Комбинирование наступательных и оборонительных действий

«До того как американская армия будет в состоянии бросить в бой некоторое число крупных соединений, мы должны под угрозой непоправимого истощения сохранить выжидательное положение, сохраняя совершенно четкую идею возобновить наступление при первой возможности, которое одно может дать нам окончательную победу.

Цель этих действий — удержание нашего фронта с соблюдением экономии наших сил, стремясь уничтожить силы противника. Достигнув этих целей на всех фронтах обороны, командование сумеет снять оттуда необходимые силы для возобновления наступления в местах и во время по своему выбору».

Сопротивление

«Поле сражения армии — это оборудованная местность, на которой армия имеет задачу остановить и разбить противника.

Основным элементом поля сражения является позиция сопротивления; ее значение настолько велико, что в случае захвата ее противником в целом или хотя бы лишь ее части командование армией должно сделать все, что возможно, для ее возвращения.

Характерные данные этой позиции должны оставаться для противника неизвестными».

Эшелонирование в глубину

«Выбор поля сражения должен отвечать возможности методической обороны, основанной на эшелонировании в глубину.

Местность, расположенная между позицией сопротивления и неприятельским фронтом, является как бы полем обеспечения, которым располагает командование для ввода своих сил в бой; войска, расположенные на этой местности, составляют войска прикрытия.

Эшелонирование войск должно быть следующее: охраняющие части и гарнизоны обеспечения, части поддержки и резервные части».

Резервы

«Все свободные силы использовать для контрнаступлений, сохранить по отношению к противнику полную инициативу, придавая обороне четко агрессивный характер».

Таким образом в отношении обороны, ведется ли она в открытом поле или на оборудованной местности, мы в основе маневра всегда находим основные руководящие принципы:

экономию сил;

сопротивление на подготовленной позиции;

эшелонирование в глубину;

подвижность резервов.

В свете этого опыта мы и приступим к изучению оборонительного маневра.

ГЛАВА II

СОВРЕМЕННЫЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ МАНЕВР

А. ХАРАКТЕР МАНЕВРА

Становясь на об'ективную точку зрения, которая руководит этим очерком, мы рассмотрим первоначальную фазу маневренной войны между двумя **свободно действующими** противниками и в **открытом поле** с теми войсками и материальной частью, которыми возможно располагать в первые месяцы войны.

В этом положении цель наступательного маневра — уничтожение противника — может быть достигнута лишь посредством атак, веденных на фронтах, пропорциональных средствам, следовательно лишь на узких фронтах, значительно меньших, чем весь фронт действий. Другими словами, нельзя атаковать повсюду, и каков бы ни был наступательный дух войск, **всегда будут и всегда необходимо, чтобы были оборонительные фронты.**

Таким образом маневр включает в себя одновременно во всех эшелонах двойной образ действий — наступательный и оборонительный.

Оборонительный маневр не имеет другой цели, как только **способствовать наступательному маневру**, и способы его ведения изменяются, смотря по тому, располагает ли командование стратегической инициативой или нет.

Если командование имеет возможность выбора часа решения, то наиболее частый случай (в открытом поле) — это тот случай, когда оперативное войсковое соединение дает бой в определенном направлении на фронте, пропорциональном максимуму его сил, сохраняя оборонительное положение на остальном фронте [1] с минимальными силами.

---

[1] Армии для жизни и боя имеют постоянные и большие потребности, удовлетворение которых может быть обеспечено лишь при наличии прочных коммуникаций, соединяющих их с национальной территорией; следовательно оборона местности там, где мы не желаем атаковать, является жизненно необходимой.

Одним словом, армия должна всегда оставаться хозяйкой местности, прикрывающей ее коммуникации, и для этого заполнить свой фронт на всем протяжении: владение местностью является непременным условием для проведения маневра. — **Прим. автора.**

Отсюда понятно, что начальный период войны не может быть совместим, даже на некоторых частях театра военных действий, с чисто неподвижной обороной, располагающейся заранее, до какого бы то ни было столкновения с противником, на тщательно выбранной местности со свободным пространством впереди, построив все свои крупные соединения в одну линию и ожидая прибытия противника. Для того чтобы удерживать оборонительный фронт, соблюдая строгую экономию своих сил, оперативному соединению следует по большей части избегать соблазнительных позиций на широких пространствах, которые всегда пожирают большое количество сил: ему выгоднее искать **местность, благоприятную для того, чтобы остановить противника,** добиваясь необходимой экономии сил, а иногда даже придется отойти на всем оборонительном фронте или на некоторых участках с целью обороняться с еще большей экономией сил за каким-нибудь препятствием. Не следует путать этого частичного отхода с «добровольным отступлением» перед атакой противника, которое так безусловно осуждал маршал Фош; в этом случае мы имеем дело лишь с направлением фронта по собственному желанию с целью экономии сил.

Оборонительный маневр, проведенный добровольно, может также включать в себя и более или менее глубокий отход, имеющий целью **замедлить** движение противника, т. е. выполнить **отступательный маневр** [1].

Но если противник во время сражения берет перевес, то командование может быть вынуждено (уже не добровольно) применить оборонительный образ действий в форме **обороны на поле сражения в соприкосновении с противником,** которая также пожирает большое количество сил и средств, как и указанная выше оборона на неблагоприятной местности. В этом случае, если командование не предусматривает перехода в наступление в ближайшем будущем, ему будет выгодно избрать как можно скорее более экономное поле обороны. **Рассредоточение** (разжижение) боевого порядка в глубину, **исправление фронта,** иногда даже выход из боя на каком-нибудь участке фронта позволяет избежать слишком тесного соприкосновения с противником, мало благоприятного для целей экономии.

Таким образом в этот первоначальный период войны не придется увидеть обороны типа «позиционной войны», снабженной в изобилии техническими средствами, прочно осевшей на местности, явившейся следствием безрезультатного сражения, которое оставляет обоих противников в тесном соприкосновении с первоначальной плотностью их передовой линии.

После проигранного сражения или очутившись перед необходимостью организовать плохо спаянные или не расположенные к отпору силы, командованию может быть придется даже предусмотреть еще более крупную уступку территории и отказаться от сражения до наступления благоприятного момента; оно прибегнет в этом случае к полному или частичному **отводу** [1] своих армий назад на более или менее значительную глубину.

Само собой разумеется, что потеря части отечественной территории всегда чревата серьезными политическими, экономическими и военными последствиями; кроме того тяжеловесность и медленность движения современных армий не позволят им легко выйти из боя при наличии активного противника. Отсюда конечно нельзя сделать вывод, что одна из сторон не может «отказаться от боя». Если теория «сопротивляться во что бы то ни стало», «не уступать ни одной пяди земли» в общем рациональна в тактическом отношении, то ее нельзя навязывать в области стратегии. Действительно, верховный начальник, считающий, что удержание на месте его армий, частично разбитых и расстроенных, может скомпрометировать конечный успех его маневра, никогда не задумается над тем, чтобы отказаться от сражения и отвести назад свои силы на всем необходимом протяжении с целью выбора часа и места для возобновления наступления.

Отход союзных армий после пограничного сражения по воле ген. Жоффра, не поколебавшегося предусмотреть оста-

[1] Manoeuvre en retraite.

[1] Manoeuvre de Repli.

вление отечественной территории до Сены, является блестящим примером такого образа действий: ген. Жоффр в течение 15 дней (с 22 августа по 6 сентября) отказывался от сражения к западу от Вердена на глубину 180 км и на фронте протяжением в 250 км (5 армий) и возобновил наступление лишь в свое время и на своем месте, что и имело своим результатом то, что называется «Марной»[1].

Наконец оборонительный маневр может получить еще некоторые характерные формы.

Наличие свободных пространств между крупными соединениями часто вынудит прибегнуть к **оборонительному маневру в промежутках,** который может вылиться в самые разнообразные формы в зависимости от того, необходимо ли замкнуть прорыв, обеспечить связь между соседними соединениями или установить оборонительные завесы на широких фронтах.

Наконец всякий период сосредоточения сил всегда потребует **оборонительного маневра прикрытия** независимо от того, приобретает ли он в начале войны очень специальный характер (прикрытие в укрепленном районе или в промежутках укрепленного района) или лишь стремится к обеспечению сосредоточения стратегического соединения во время операций в открытом поле.

Из этого краткого обзора общих условий оборонительного маневра можно вывести по нашему мнению два основных заключения.

С одной стороны оборонительный маневр ведется на **принципе экономии сил:** нельзя себе позволить «роскошной обороны», которой не допускают ни цели маневра, ни обычный недостаток сил; отсюда — абсолютная необходимость изучить этот маневр, имея в виду стремление найти **экономное поле обороны посредством умелого использования местности**.

С другой стороны приемы оборонительного маневра в маневренной войне не ограничиваются классическими формами неподвижной обороны или отступательного маневра: оборонительный маневр требует **самых гибких и самых разнообразных способов действий.**

Б. ЭЛЕМЕНТЫ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО МАНЕВРА

Оборонительный маневр базируется на трех основных факторах: 1) на способности к обороне крупных соединений, 2) на времени и 3) на пространстве, которые имеются в распоряжении этого крупного соединения для осуществления маневра.

Способность к обороне основывается на численности сил, измеряемой отношением средств к величине фронта.

Но если в наступательном маневре атака ограничивается частью фронта, соответствующей возможностям средств огневой поддержки, составленной главным образом из артиллерии, при оборонительном маневре необходимо обороняться на **всем** фронте обороны, имея всегда уменьшенные по сравнению с потребностями артиллерийские средства[1].

Вследствие этого костяком оборонительной системы является пехотный огонь. «Остановка атаки производится главным образом огнем», — говорит Пехотный устав.

Однако **фронтальная способность батальона** — боевого тактического пехотного соединения — строго ограничена, а потому ее нужно хорошо знать, так как она является основой всех оборонительных комбинаций крупных соединений и ее необходимо уточнить в соответствии с **продолжительностью** требуемого сопротивления.

Случай продолжительного сопротивления

Цель этого сопротивления — **остановить** противника перед заблаговременно выбранной позицией; способ — непрерывная и глубокая система мощного

---

[1] Здесь натяжка: Жоффр не 22-го, а 25-го (т. е. слишком поздно) отказался от наступления и был вынужден к отходу, предполагая отходить к Сене. Сражение было дано на Марне после неудачи прорыва центра германской армии и переброски сил на левый фланг.—**Ред.**

[1] Как известно, дивизия в обороне обычно располагает только своей штатной артиллерией, иногда лишь немного усиленной. Эта артиллерия может дать действительный заградительный огонь только на узком фронте (600 м на дивизион 75-мм пушек), т. е. лишь на небольшой части фронта дивизии. **Прим. автора.**

огня[1]. Для этого Пехотный устав обычно ограничивает боевой фронт батальона 1 000 м; лишь расположение на закрытой местности под защитой какого-нибудь препятствия будет благоприятствовать увеличению этого фронта без нанесения ущерба необходимой плотности и глубине огневого заграждения.

Отсюда видно, что оборона, если ей не благоприятствует местность, потребует большого количества сил и не даст осуществить желательную экономию последних.

Случай обороны в течение ограниченного времени

В этом случае задача — **замедлить движение** противника, сопротивляясь ограниченное время, не допуская себя до утверждения на местности[2]; способы и средства указаны Пехотным уставом. Говоря об охраняющих частях, находящихся вблизи от противника, устав говорит следующее: «Так как сопротивление, которое необходимо оказать противнику, обычно ограничено во времени, то ценность расположения основывается меньше на эшелонировании в глубину, чем на осуществлении **сплошного огневого заграждения** перед линией сопротивления, и на мерах, дающих возможность отдалить момент соприкосновения с противником (сокрытие органов обороны, огонь на большие дистанции). В такой обстановке батальон может действовать на фронте, ширина которого зависит от условий местности, но **не превышает в принципе 2 000 м**».

Таким образом батальон, имеющий задачу сопротивления в течение ограниченного времени, может занять фронт шириной до 2 км и дать линию сплошного, но не глубокого огневого заграждения[3].

Тут же можно задать вопрос: какова же будет обороноспособность батальона, действующего на фронте более чем 2 км?

[1] Для создания мощного и непрерывного заградительного огня на фронте около 1 000 м нужно иметь в первом эшелоне примерно около 20 точек автоматического оружия; поэтому батальон может образовать три эшелона, чтобы создать необходимую силу огня на глубине около 1 200 м. — **Прим. автора.**

[2] Accrochage.

[3] Один эшелон с половиной или два эшелона автоматического огня. — **Прим. автора.**

«В исключительном случае, когда район, порученный батальону, свыше 2 000 м, — отвечает устав, — командир батальона **никогда не растягивает** свой батальон до такой степени, чтобы **затруднить управление.** Он наблюдает за своими флангами посредством постов, обеспечивающих одновременно его связь с соседями, и приказывает заградить огнем не занятые им интервалы».

Таким образом возможному увеличению фронта батальона уставом ставятся два предварительных условия:

а) обеспечить управление батальоном;

б) поддержать непрерывность огневого заграждения.

Но эти положения, которые устав применяет лишь к батальону в охранении, применимы также и к батальону, имеющему задачей продолжительное сопротивление, но в этом случае само собой разумеется огневое заграждение должно быть не только непрерывным, но плотным и глубоким.

Рассмотрим подробнее эти условия.

а) **Осуществление управления.** Чтобы обеспечить управление, необходимо прежде всего иметь средства связи и передачи; в этом отношении батальон при современном своем оснащении без добавочных средств не в состоянии обеспечить фронт более 2 км.

Кроме того нельзя распылять подразделения, чтобы они не перестали ощущать между собой тесной[1] связи: сохранение органической связи должно преобладать над всеми другими соображениями.

По этим причинам в обычных условиях батальон не может растягиваться больше чем на 2 км.

б) **Непрерывность огня. 1. В ширину.** Мы только что видели, что нельзя чрезмерно растягивать батальон, поскольку это может помешать управлению, но нельзя также и уменьшать его эшелонирование в глубину, что может умалить мощность его огня. Если необходимо небольшому соединению, например батальону, дать для обороны район, больший, чем тот, о котором мы только что упоминали, то следует располагать соседние части не вплотную, но разделяя их интервалами, **с условием, чтобы они простреливались перекрестным огнем обоих соседей.**

[1] В тексте «моральной локтевой».—**Прим. пер.**

Таким образом, не нарушая принципа двухкилометрового фронта, предусмотренного уставом, батальон, получивший задачу сопротивляться в течение ограниченного времени, перекрещивая свой огонь с огнем соседей на расстоянии в 500 м на каждом из своих флангов, может получить район действий в 3 км, обеспечивая сплошное огневое заграждение, хотя и небольшое в глубину.

В одинаковой степени батальон, имеющий задачу длительного сопротивления на «боевом фронте» в 1 000 м, что обеспечивает насыщенную и глубокую систему огня, мог бы получить район действий до 2 км при условии, как указывает устав, что он тщательно будет наблюдать за интервалами, будет иметь в нем небольшие части и обеспечит взаимное фланкирование с соседними батальонами, составляющими центры сопротивления.

2. В глубину. С другой стороны в случае получения задачи краткосрочной обороны довольствоваться одним, мало глубоким, огневым заграждением — это значит быть под угрозой в случае прорыва, невозможности восстановления своей способности к сопротивлению. Следовательно в тылу необходимо иметь еще одну огневую линию, создавая ее за счет экономии на первой линии, значит **во всех случаях** иметь позицию отхода и **разместить на ней людей, как бы мало их ни было.**

Наконец можно ли думать о дальнейшем расширении батальонного района, выставив например в каждом батальоне в передовую линию все автоматическое оружие? Этим способом еще можно обеспечить непрерывный огонь на протяжении 4 км и более, но это будет не огневое заграждение, а линия огня, то, что называется «завеса», на подчеркивании хрупкости которой даже не стоит останавливаться.

Кроме того, что применение такого метода обороны можно предусматривать лишь в случае получения задачи на оборону на очень короткий промежуток времени, будет благоразумно прибегать к нему лишь на благоприятной местности, располагая войска за каким-нибудь препятствием и сосредоточивая свой огонь на важнейших участках фронта.

Таким образом, каков бы ни был характер поставленной задачи: длительная или короткая оборона, ширина фронта батальона не может превысить норму, предусмотренную уставом, уважение к принципам которого должно быть абсолютным. За пределом этих норм можно в некоторых особо благоприятных случаях увеличить район действий батальона, но при условии удержания частей в пределах «боевого фронта» и защищая огнем интервалы, которые их разделяют.

Другими словами, рассмотрение способностей батальона показывает, что его оборона на фронтах, превышающих его огневые возможности, совершенно не допускает систематического распределения его сил по типу «кордона» и требует каждый раз такого расположения частей, которое дало бы возможность **сосредоточить огневые средства, сохраняя для них нормальную плотность на опорных пунктах местности.**

Изложенные выше соображения могут казаться теоретичными, но они освещают проблему и позволяют с точки зрения средств, которыми располагает крупное соединение на данном фронте, оценить способность сопротивления, которое оно может оказать противнику. Эта оценка способности фронтального сопротивления крупного соединения лежит в основе решений начальника при всяком оборонительном маневре [1].

В. ФОРМЫ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО МАНЕВРА

Мы рассмотрим основные формы оборонительного маневра, имея постоянно в мыслях следующие принципы.

Цель оборонительного маневра — быть лишь средством содействия наступательному маневру, который один только может дать решительные результаты [2], путем уничтожения противника.

Способ осуществления этого маневра — действовать огнем на фронте,

[1] Нельзя не отметить, что Луазо совсем не упоминает о таких средствах крупного войскового соединения, как авиация, моторизованные части пехоты и конницы, танки (для контратаки) и искусственные заграждения (в том числе ОВ). — **Ред.**

[2] Это верно лишь в том случае, если считать переход в наступление из оборонительного расположения также наступательным маневром. — **Ред.**

протяжение которого соответствует возможностям каждого соединения [1].

В отношении **средств** этот маневр добивается их экономии ввиду их постоянной ограниченности.

Из трех факторов, на которых зиждется выполнение этого маневра, мы уже рассмотрели фронтальные возможности соединения и время, которым оно располагает. Рассмотрим теперь пространство, в котором может разыгрываться маневр.

Возьмем то положение 5-й французской армии, в котором она находилась к вечеру 29 августа 1914 г., в момент ее контратаки у Гиз, и предположим, что она получила приказ отойти в следующую ночь и занять оборонительный фронт впереди массива С.-Гобен и Лаонского массива, где 31-го она должна войти в связь вправо с 4-й армией, прочно удерживающей своим левым флангом р. Эн от Шато-Порсьен до Асфельда, влево — с британской армией, удерживающей р. Уазу от Ля-Фер до Нуайона [2].

Маневр с отходом [3] является лишь средством подойти к **оборонительному маневру с целью сопротивления** [4]; поэтому нам следует рассмотреть прежде всего этот последний:

[1] Луазо слишком мало придает значения контратаке как способу обороны, слишком безусловно выставляет огонь как ее единственное средство и вовсе не упоминает о тех случаях, когда оборонительная по существу задача лучше всего разрешается наступлением, хотя бы с ограниченной целью. Он не упоминает также о вовлечении наступающего в особенно невыгодные положения как об одном из способов активной обороны. — **Ред.**

[2] Луазо отмечает, что разбираемый им конкретный маневр представляет скорее случай неглубокого отхода значительных сил на новый фронт обороны с целью обеспечить на нем продолжительную оборону лишь частью сил, перебрасывая освободившиеся силы для наступательных действий на другом поле сражения (схема 1 на стр. 72). Кроме этого в других приложениях к своей статье он приводит другой конкретный случай отхода значительных сил на новую оборонительную позицию, на которой они должны обеспечить прикрытие сосредоточения еще более значительных сил для возобновления наступления на том же фронте.

Эти приложения не приводятся, чтобы не увеличивать и без того растянутого изложения. — **Ред.**

[3] Луазо различает этот маневр с отходом (la manoeuvre de Repli) от отступательного маневра (la manoeuvre en retraite), имеющего целью замедлить продвижение противника.—**Ред.**

[4] Manoeuvre défensive de résistance.

* * *

а) ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ МАНЕВР АРМИИ, НЕ РАСПОЛАГАЮЩИЙ СВОБОДНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ В ГЛУБИНУ.

Иной **глубины**, кроме глубины полосы корпуса, не имеется: это — **сопротивление на одной** позиции.

Таким образом способ действий будет видоизменяться в зависимости от **способности фронтальной обороны** корпуса на данное время. Рассмотрим следовательно обороноспособность этого крупного соединения на «среднепересеченной местности» и условия, в которых можно добиться требуемой «экономии сил».

Мы последовательно изучим:

оборонительный маневр с задачей длительного сопротивления;

оборонительный маневр с задачей ограниченного по времени сопротивления;

оборонительный маневр с сопротивлением на широком фронте.

ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ МАНЕВР С ЗАДАЧЕЙ ДЛИТЕЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Мы будем очевидно исходить из нормального фронта батальона 1 000—1 200 м.

Это — вид классической статической обороны, характеризующейся обороной одной позиции **всеми** средствами.

Мы знаем, что подобный маневр, основывающийся на непрерывности расположения и на сохранении принципа плотности требуемого огня, **неэкономен**; такой вид маневра ограничивает фронт дивизии 6—9 км., а корпуса — 12—15 км.

Следовательно все усилия должны быть направлены к тому, чтобы сделать этот маневр возможно более экономным.

Как **осуществить эту экономию** — вот задача, которую мы собираемся изучить. С этой целью мы последовательно рассмотрим идею маневра, местность, укрепления, расположение огневых средств и систему охраняющих частей.

1. Идея маневра. Было бы ошибочным полагать, что в нормальном случае непрерывного оборонительного фронта достаточно сказать: «Я нигде не хочу быть прорванным, **следовательно идея моего маневра** — это сохранение целости фронта». Мысль очевидно проста, но она ничего не говорит.

Если же обратиться к возможностям противника, то почти всегда можно будет констатировать, что некоторые районы более, чем другие, способствуют его намерениям, и идея маневра должна отвечать этим возможностям. Поэтому она должна подчеркивать следующее:

где желательно принять бой и зачем: в данном примере остановить противника на позиции, расположенной таким образом, чтобы закрыть для него такое-то направление или выход из такого-то района (укрепиться к концу отхода на фронте Ансфельд, Мэзон-Бле, Ати, Ля-Фер с целью обеспечить за собой сохранение массивов С.-Гобен и Лаона);

где желательно сосредоточение главных сил и почему: например иметь центр тяжести своих сил в таком-то районе с целью замкнуть такой-то прорыв (сосредоточение сил у выступов массивов С.-Гобен и Лаона с целью замкнуть проходы к р. Эн у Суассон и Неф-Шатель).

Таким образом мы видим — и это всегда будет так, — что общая задача обозначена конечной целью без указания способа расположения и не обозначена приемами исполнения.

В масштабе армии оборонительный маневр является стратегическим [1]. Командующий армией ограничится указанием основных направлений, которые нужно закрыть, и наметит позицию указанием важных «опорных пунктов», обладание которыми по его мнению необходимо для осуществления его маневра. Выбор такой позиции будет определен в частности наличием наблюдательных пунктов. Раз определена общая задача, армия установит свое расположение таким образом, чтобы сосредоточить свои силы в том районе, достижение которого она хочет воспретить противнику. С этой целью командующий армией детализирует свою идею маневра:

с одной стороны **распределением корпусов по полосе действий** не единообразно, но так, чтобы те корпуса, которым необходимо сопротивляться, получили бы более узкие полосы;

с другой стороны уточнением **частных задач** корпусов с назначением **опорных пунктов местности,** на которых каждый корпус должен сосредоточить свое внимание.

Таким образом в данном примере:

4-я группа резервных дивизий, опираясь на массив С.-Гобен, должна будет двумя дивизиями удерживать узкий фронт в 12 км;

3-й корпус будет опирать свои фланги в массивы С.-Гобена и Лаона, где и будут сосредоточены его усилия (две дивизии на 15 км);

1-й корпус будет прочно удерживать подступы к массиву Лаона (2 дивизии на 12 км);

10-й корпус, сосредоточив свои усилия на своем левом фланге, тесно свяжется вправо с 4-й армией на р. Эн у Асфельд (2 дивизии на 22 км);

армейские резервы будут расположены в промежутках по обеим сторонам массива Лаон.

Средняя плотность подобного расположения — 8 дивизий на 65—70 км — может показаться еще слишком большой, а значит и мало экономной, но она необходима в начале занятия оборонительного рубежа ввиду наличия активного противника; впоследствии эта плотность может быть уменьшена по мере оборудования местности и организации системы огня. Следует подчеркнуть, что в данном частном случае оборонительный маневр позволил снять с фронта 5 дивизий из 13 и следовательно дал возможность добиться экономии, необходимой командованию.

В масштабе корпуса оборонительный маневр является тактическим маневром. Командиру корпуса придется прежде всего установить в связи с полученной задачей основные пункты, подлежащие удержанию во что бы то ни стало с целью обеспечения взаимодействия между его дивизиями и его артиллерией (артиллерийские наблюдательные пункты, пункты, прикрывающие подступы для резервов).

Далее в отношении своих дивизий он будет действовать так же, как командующий армией в отношении своих корпусов, распределяя полосы обороны с таким расчетом, чтобы дивизии, действующие на активных участках фронта, получили бы более узкие фронты (в 6—8 км), вполне соответствующие их силам и средствам, на пассивных же участках имели бы более широкие фронты (в 8—10 и даже 12 км). Каждой из своих дивизий он поставит **частную задачу,** ука-

---

[1] Точнее — оперативным. — **Ред.**

зывая «опорные пункты», для обороны которых следует сосредоточить более плотное сопротивление.

Таким образом в случае необходимости длительного сопротивления при недостатке пространства для эшелонирования оборонительный маневр будут характеризовать следующие факторы:

сопротивление, преобладающее над всеми другими соображениями; ему будет посвящена главная масса сил; ему надо представить все, что необходимо, для того чтобы держаться на месте, и избегать создавать резервы для отобрания того, чего можно было бы не потерять. Части распределяются с соблюдением максимальной и сосредоточенной плотности расположения на «опорных пунктах» местности;

глубина сопротивления, **ограниченная** глубиной самой позиции — 1 000—1 800 м. Ее тыловая граница состоит из «второй линии»[1], на которой располагается несколько слабых гарнизонов;

подвижность, равная нулю; резервы чрезвычайно слабы и ограничиваются силами, необходимыми для местных контратак и для поддержания первой линии.

2. **Местность.** Оборона будет экономной лишь тогда, когда она сможет найти помощь в свойствах местности.

С целью экономии сил не следует опасаться использовать для обороны выгоды позадилежащей местности. Следует произвести достаточно глубокий отход, чтобы заставить противника вновь начать сближение и не дать ему возможности использовать его прежнюю систему артиллерийского огня.

Но стремление сохранить хотя бы видимость удержания прежнего фронта частью своих сил под предлогом введения в заблуждение противника приведет к распылению обороны на нескольких позициях.

Особенно выгодно для целей экономии сил опереться в оборонительном маневре на **естественные препятствия местности.** Применение наступающим противником вездеходных бронемашин придаст всяким естественным препятствиям совершенно особую ценность. Использование этих препятствий в комбинации с разрушением и устройством искусственных препятствий — это единственное, что может обеспечить обороняющемуся действительную безопасность на поле сражения.

При расположении за таким серьезным препятствием, как река, сила этого препятствия будет дублироваться огнем, и тогда можно не опасаться невыгод растянутого расположения, если к тому же имеются достаточно широкие поля обстрела. В таких случаях можно пожертвовать глубиной расположения. Так например, дивизия, расположенная за р. Масс от Живе до Намюра, сможет легко выполнить задачу удержания противника на фронте до 30 км.

За менее серьезным препятствием — за рекой средней ширины — следует располагаться на самом препятствии лишь в том случае, если возможно добиться сплошного огневого заграждения пехотным огнем; если условия — изгибы реки, леса, населенные пункты, многочисленные броды — этому не благоприятствуют, то организация обороны на самой преграде повлечет за собой распыление усилий, сделает взаимодействие между пехотой и артиллерией затруднительным и вынудит к использованию слишком большого количества сил; такая оборона не будет экономной. В этом случае цель, к которой следует стремиться, будет не столько в том, чтобы помешать противнику перейти реку, сколько в том, чтобы воспрепятствовать ему развернуть достаточные средства для обеспечения за собой выходов, т. е. помешать расположению на предмостной позиции его артиллерии ПП. Поэтому оборонительная позиция должна быть выбрана с расчетом установить пехотное огневое заграждение по пунктам вероятного расположения этой артиллерии.

В конкретном случае, который мы привели, соседи 5-й армии, используя такие серьезные преграды, как р. Эну Шато-Порсиен, Уаза от Ляфер до Нуайона, могут организовать оборону с небольшим расходом сил на фронтах от 12 до 15 км и даже больше на дивизию, что позволит таким образом снять силы для наступательного маневра.

3. **Укрепления.** Оборонительный маневр, чтобы быть экономным, может также опираться на постоянные укрепления. В частности постройка «укреп-

[1] Ligne d'arrêt—линия, на которой должен быть остановлен противник.

ленных районов» на границах позволяет не только прикрыть сосредоточение сил возможно ближе к границам, но благоприятствует вдобавок большой экономии сил в пользу будущих наступательных маневров.

Своим фланкирующим, заранее подготовленным, непрерывным и мощным огнем укрепленные районы благодаря бетонированному укрытию, делающему их неуязвимыми, создают, даже для бронесил, сильную преграду, занимаемую небольшими силами. Полевым крупным соединениям придется в этом случае драться с противником, либо опираясь на эти укрепления, составляющие костяк оборонительного поля сражения, в том случае когда противник подготовляет между укрепленными районами очень мощную атаку, либо, маневрируя в промежутках, задерживать противника, действуя соединениями, обладающими одновременно большим огневым могуществом и большой тактической подвижностью; во всех случаях эти соединения занимают очень растянутые фронты, строго экономизируя силы.

Сконструированный таким способом оборонительный маневр позволяет командованию в безопасности сосредоточить свои постепенно накопляемые резервы, организуемые с целью быстрых действий, для чего они должны располагать большим радиусом действий и могучими огневыми средствами, а также позволяет подготовить стратегический наступательный маневр на открытой местности, который вернет командованию инициативу действий и позволит ему навязать свою волю противнику.

Такой маневр А действительно лежит в основе экономии сил.

4. **Организация системы огня**[1]. Наконец крупное соединение — армейский корпус или дивизия — может получить в видах экономии сил задачу оборонять фронт, который, несмотря на благоприятную местность, все же будет превосходить его огневые возможности.

Как же такое соединение может выполнить подобную задачу?

Мы уже видели, что, сосредоточивая средства огня нормальной плотности на опорных пунктах местности, можно пойти на то, чтобы на **менее активных участках** фронта иметь интервалы между батальонами, если эти интервалы простреливаются огнем.

Этим способом мы добьемся на таких участках фронта наличия «центров сопротивления» батальонов, имеющих хорошо обеспеченное управление, располагающих сплошным и глубоким фронтальным огневым заграждением и обеспечивающих взаимное фланкирование интервалов. Благодаря могуществу огня современной пехоты мы вправе при таком расположении ожидать достаточного сопротивления, даже в течение продолжительного времени, против атаки, ведущейся значительными силами. Но мы особенно настаиваем на том, что нельзя решать вопрос таким образом, чтобы на фронте какой-нибудь дивизии иметь равномерное распределение батальонов, имеющих 1 000—1 200 м по фронту и отделенных друг от друга интервалом в 1 000 м. Сопротивление должно всегда сосредоточиваться в опорных пунктах, и здесь мы должны добиваться локтевого соприкосновения частей; промежутки же могут допускаться лишь в районах, наименее важных, но благоприятных для обороны. Таким образом дивизия, нормальный боевой фронт которой равен 8—10 км, сможет при этих условиях получить полосу действий до 10—12 км.

5. **Расположение прикрывающих частей.** Должен ли вопрос о прикрывающих частях быть рассмотрен с точки зрения экономии сил.

Над всем должна господствовать одна идея: **вести бой только на одной позиции**, на которой нужно разместить все наличные силы: этого требует цель обороны — остановить противника на возможно более широком фронте с наименьшим расходом сил.

[1] Что касается артиллерийского огня в начальных фазах кампании, когда все поддержки идут в бой, то оборонительный маневр будет слабо поддержан артиллерией. Было бы опасной иллюзией верить в возможность применения систем огня, предусматриваемых в стабилизованной войне. В частности не может быть речи о «контрподготовительном» огне, но лишь об импровизированном сосредоточении огня по видимым целям или по целям, установленным разведкой. Не будет также последовательного дальнего заградительного огня (на подступах к позиции) типа стабилизованной войны, но лишь заградительный огонь для защиты самой позиции, сосредоточенный по важным пунктам по указанию командования. — **Прим. автора.**

Принцип сильного боевого охранения оправдывался лишь в период стабилизации фронтов, чтобы обеспечить себя от налетов мелких частей противника и не подвергать позиции сопротивления непосредственной опасности.

В маневренной же войне прежде всего нужно быть сильным на позиции сопротивления; в противном случае приходится обороняться впереди нее, на спешно выбранной местности и при слабом численном составе, под предлогом якобы необходимости выигрыша времени для организации новой позиции в тылу, обороняемой другой частью своих сил.

Как общее правило роль боевого охранения снизойдет до простого наблюдения, кроме **некоторых важных пунктов, где его придется усилить.** В последнем случае уже сам командир корпуса установит те пункты, на которых он потребует сопротивления передовых постов, и сам определит задачи боевого охранения.

На такое решение можно возразить, что противник может чрезвычайно быстро сбить охраняющие части и через короткий промежуток времени оказаться перед позицией сопротивления; вследствие этого имеется тенденция с целью введения противника в заблуждение занять линию боевого охранения сравнительно сильными частями, поддерживая их артиллерией, с намерением немедленно их отвести назад при первом признаке атаки. Если такой образ действий и давал самые благоприятные результаты в период позиционной войны (маневр 4-й армии 15 июля 1918 г.), то в маневренной войне, в особенности если разведка не даст своевременно сведений, можно не успеть отвести части в нужный момент. Артиллерия в этом случае окажется парализованной на том месте, где ее застигнет атака противника; короче говоря, вести бой на двух позициях — значит дать себя бить по частям.

Напротив, если противник еще не достиг близости к главным силам, в особенности в том случае, когда было бы принято решение отойти назад на «экономную позицию», следует сохранить соприкосновение с противником и **занять все пространство впереди** позиции сопротивления, уступая местность лишь только под давлением противника[1].

При таком образе действий в зависимости от обстановки (удаление противника, большая или меньшая законченность оборудования позиции сопротивления) и местности нужно применять самые различные и самые гибкие решения, исходя постоянно из идеи экономии сил. В частности «задерживающие отряды» будут стремиться замедлить продвижение противника, используя выгодные рубежи, заставляя противника развертываться, ускользая от него под прикрытием ночи или местных укрытий, заставляя противника на следующий день вновь искать соприкосновения. Это уже не боевое охранение, а маневр главных сил, действие которых ничем не скомпрометирует будущее их использование на позиции сопротивления.

Таким образом система боевого охранения в маневренной войне должна быть гибкой и разнообразной, и его применение должно всегда исходить из необходимости строжайшей экономии сил.

ВТОРОЙ СЛУЧАЙ. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ МАНЕВР ПРИ ОБОРОНЕ В ТЕЧЕНИЕ ОГРАНИЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

В этом случае мы будем исходить из протяжения фронта батальона, способного обеспечить сопротивление в течение ограниченного времени.

Мы видели, что для обеспечения управления и необходимой связи между частями нужно было применить организацию, основанную:

в ширину — на группировке сил, состоящих из батальонов, расположенных на фронте в 2 км, который можно довести на наименее активных участках фронта, считая интервалы, простреливаемые батальонами, до 3 км;

в глубину — на размещении нескольких частей на линии отхода.

В оборонительном маневре армейского корпуса расположение в ширину определить довольно легко. Действительно, оно является результатом расчета, какое

[1] Здесь Луазо как бы впадает в противоречие со своим вышеприведенным требованием «не оставлять части сил для удержания прежнего фронта» (с которого произведен отход). Но там речь шла об отходе с позиции, с которой противник уже успел сблизиться. — **Ред.**

количество батальонов необходимо для занятия данного фронта. Но этот расчет не означает, что распределение батальонов будет однообразным; после тщательного изучения местности нужно стремиться к сосредоточению большинства сил на наиболее активных частях фронта и, руководствуясь этой основной идеей, необходимо дать каждой дивизии полосу действий, соответствующую четко поставленной задаче и обеспечивающую некоторое единство действий.

Однако позволит ли осуществление этой мысли достигнуть поставленной цели — остановить противника, когда продолжительность сопротивления ограничена и когда глубокий отход временно запрещен.

В данном случае можно убедиться в необходимости создать не только тыльную преграду, занимая лишь некоторые опорные пункты избранной местности элементами неподвижного назначения, но еще располагать резервными силами, которые можно было бы быстро перебросить между этими пунктами и передовой линией огня, чтобы остановить продвижение противника, поддерживая фланги прорыва, подвижными элементами (разведывательные группы, батальоны на грузовиках).

Следовательно армейскому корпусу придется сохранить в этом случае более сильный резерв, чем при обороне в нормальных условиях, что уменьшит количество батальонов на фронте и ограничит район действий этого крупного соединения (например на дивизию из шести батальонов это даст в передовой линии от 12 до 15 км и даже, считая простреливаемые интервалы между некоторыми батальонами, от 15 до 18 км).

ТРЕТИЙ СЛУЧАЙ. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ МАНЕВР СОПРОТИВЛЕНИЯ НА РАСТЯНУТОМ ФРОНТЕ

Мы уже видели, что крупное соединение в состоянии выполнить задачу сопротивления, превышающую его способности к обороне, при условии оставления на наименее активных частях фронта промежутков, простреливаемых огнем. Но такая возможность конечно имеет границы: какой можно предусмотреть маневр, если эти границы достигнуты и если нельзя опереться на естественные препятствия (местность) или искусственные (укрепления); другими словами, что делать на растянутом фронте?

Цель будет всегда одна: задержать противника возможно дольше. Но при наличии сильного и свободно действующего противника было бы тяжелой ошибкой полагать, что можно довольствоваться линейным расположением, которое всюду может быть быстро прорвано, или растяжением фронта мелких соединений, что не обеспечит достаточной глубины и непрерывности огневого заграждения.

Оборонительный маневр на растянутых фронтах возможен, но при условии не **стремиться к сплошной обороне такого фронта.**

В этом случае больше, чем когда-либо, **сопротивление** должно быть сосредоточено вокруг наиболее активных частей фронта; можно удерживать лишь опорные пункты, создавая вокруг них необходимую плотность огня, и довольствоваться лишь наблюдением за интервалами.

Оборона этих интервалов на неукрепленной местности требует эшелонирования в **глубину** путем удержания тщательно выбранных тыловых «пунктов задержки» [1], занимаемых хотя бы незначительными частями. Этот образ действий требует главным образом наличия подвижных резервных частей, величина которых будет тем больше, чем больше будут интервалы. Появляется новое понятие: подвижность сочетается с сопротивлением. **Нельзя достаточно сильно подчеркнуть увеличение мощности и подвижности, которое появляется у сил, оставленных в резерве, благодаря моторизации и механизации: быстроходных танков, бронеавтомобилей, частей, перевозимых на грузовиках, тракторной артиллерии и т. д.**

Более того, в случае **очень** растянутого фронта оборонительный маневр будет базироваться в основном на **маневре главных сил**, расположенных не на позиции, но за обрекогносцированной и намеченной позицией, прикрытой выдвинутыми вперед отрядами, на наиболее опасных направлениях и действующих по заранее указанным направлениям с целью замедления продвижения противника, чтобы дать возможность главным силам своевременно занять избранную

[1] Points d'accrochage arrière

позицию на наиболее опасном направлении.

Ясно, что в этом случае, когда нет достаточного пространства для удобного отхода, следует обороняться лишь на глубине самой оборонительной полосы, установленной командованием, используя свои непосредственные тылы и всю свободную местность впереди.

Таким образом мы вновь встречаемся с тремя факторами оборонительного маневра, неизбежную необходимость которых показал маршал Фош: **сопротивление, эшелонирование, подвижность.**

Но мы видим также, что в том случае, когда этот маневр не располагает достаточным пространством в глубину, эти факторы должны быть предусмотрены и применены с видоизменениями в зависимости от фронтальной силы крупных соединений и времени, которым они располагают.

Сопротивление во всех случаях требует сосредоточения огневых средств в опорных пунктах.

Эшелонирование **в глубину,** сведенное вообще до глубины самой позиции, требуется еще в большей степени с того момента, когда обороноспособность крупного соединения не соответствует больше ширине предоставленного ей фронта.

Подвижность, сведенная к нулю, при обороне на нормальном фронте, где резервы невелики, становится основным фактором маневра на растянутых фронтах.

Таким образом оборонительный маневр требует самых гибких и разнообразных видов деятельности, ставя в различной обстановке различные задачи, требуя от начальника при внимательном изучении обстановки и рациональном распределении своих средств большой рассудительности и глубокого понимания действительной обстановки.

б) Маневр армии с использованием пространства в глубину.

Когда оборонительный маневр может вестись в глубину, он согласно «Инструкции для тактического применения крупных соединений» может принять две ясно отличные друг от друга формы: «отступательный маневр» или «отступление».

Согласно инструкции «отступательный маневр отличается от отступления тем, что он является операцией, предпринятой добровольно, часто с совершенно нетронутыми войсками..., имеющей целью выиграть время и замедлить движение противника, **уклоняясь от боя».**

Наоборот отступление производится, когда «военное счастье склоняется на сторону наступающего, когда все свободные силы брошены в бой и когда невозможно продолжать борьбу или по крайней мере когда нельзя создать фронта...». Таким образом инструкция предусматривает отступление как отход, произведенный **под давлением противника** армией, испытавшей серьезную неудачу.

Но отступление сил, находящихся в соприкосновении с противником, может явиться также маневром неразбитого крупного соединения, вынужденного прервать соприкосновение с целью уйти от противника, чтобы дать возможность предпринять наступательный маневр на каком-нибудь другом участке фронта.

В обоих случаях — в отступательном маневре или в отступлении — исходным моментом маневра будет **выход из боя.**

Рассмотрим характерные черты этих двух видов оборонительного маневра в глубину.

1. Отступательный маневр

Цель этого маневра — не остановить противника на одной позиции, но выиграть время, **замедляя** его продвижение с таким расчетом, чтобы он не добрался до определенного района ранее назначенного времени.

Образ действий состоит в том, чтобы ожидать противника на какой-нибудь позиции с частью своих сил, затем ускользнуть от него, прежде чем ему удастся сковать эти силы, **отказываясь от боя на коротких дистанциях,** и снова начать подобный же маневр на другой позиции.

Рассмотрим ранее указанные факторы: фронтальную силу, время и пространство. Для одного и того же времени, одной и той же глубины такой маневр определяется соотношением сил к фронту. Ввиду того, что в отступательном маневре стремятся избежать боя на близких дистанциях, батальон, боевая тактическая единица, сможет довольствоваться фронтом для сопротивления в тече-

ние ограниченного времени, т. е. 2 км максимум.

Рассмотрим последовательно крайние случаи отступательного маневра на нормальном или широком фронте.

ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ. ОТСТУПАТЕЛЬНЫЙ МАНЕВР НА НОРМАЛЬНОМ ФРОНТЕ

Допустим, что наш армейский корпус получил фронт шириной от 15 до 18 км, считая 2 км на батальон. Мы видим, что каждая дивизия выдвинет в передовую линию 4—5 батальонов, т. е. первый эшелон такой силы, который в состоянии оказать **первое сопротивление.** В этом случае мы будем иметь классическую форму последовательных действий двух эшелонов, приблизительно одинаковых, действующих огнем на больших дистанциях, **уклоняющихся от боя на сближенных дистанциях** и по выполнении задачи отходящих на второй эшелон. Как раз то, о чем говорит инструкция о применении крупных соединений.

Такой способ действий известен, и мы рассмотрим лишь понятие **глубины** расположения, т. е. то минимальное расстояние, которое должно разделять оба эшелона. Очень часто соблазняются желанием сблизить эти два эшелона, чтобы получить большее количество позиций и чаще повторять маневр, надеясь этим выиграть больше времени. Если такую тенденцию преувеличить, то можно сыграть на-руку противнику, позволяя ему использовать против двух последовательных эшелонов одну и ту же систему артиллерийского огня; таким образом лишают себя одного из важнейших факторов успеха — создания внезапной пустоты впереди себя, посредством отвода своих войск достаточно далеко, чтобы заставить противника **вновь искать соприкосновения** и следовательно обречь его на значительную потерю времени. Дистанция от 6 до 10 км между двумя позициями обычно благоприятствует осуществлению такого маневра, и уменьшать эту дистанцию без серьезных причин было бы неблагоразумно.

Таким образом из трех факторов оборонительного маневра — сопротивление, глубина, резервы — два первых получают большие преимущества за счет третьего:

сопротивление в течение ограниченного времени возложено на половину сил;

глубина становится важным фактором;

половина сил остается в **резерве.**

ВТОРОЙ СЛУЧАЙ. ОТСТУПАТЕЛЬНЫЙ МАНЕВР НА ШИРОКОМ ФРОНТЕ

Если наш армейский корпус имеет широкий фронт обороны, например до 30 км, то ясно, что, рассчитывая по 2 км на батальон, мы получим только один эшелон с очень слабым резервом.

Не возвращаясь к обсуждению вопроса жесткой обороны (с целью сопротивления), мы можем напомнить важность, которую получает в этом случае организация за первым эшелоном некоторой части сил, расположенной **на тыловой позиции,** на тщательно выбранных «пунктах задержки»[1], способной принять на себя первый эшелон и своим сопротивлением дать ему время добраться до новой позиции, где игра возобновится.

Но нужно считаться, что в этом случае осуществление маневра становится чрезвычайно трудным, так как в действительности мы располагаем только одним эшелоном, который ведет бой на последовательных позициях, спешно занятых утомленными частями.

Если фронт еще расширится, нужно будет применять подвижность, отдавать меньше сил в первый эшелон, создавать себе подвижной резерв, который можно быстро перебросить за тыловую позицию: **чем меньше сил, тем больше нужно маневрировать.**

Идея будет всегда одна: задержать противника, не дав себя сковать. Способ действий, исходя из факторов сопротивления, эшелонирования и резерва, будет меняться в зависимости от ширины оборонительного фронта крупного соединения.

2. Отступление или отход

Цель отхода — это «отвести быстро армию на достаточное расстояние от противника, чтобы она была в состоянии привести себя в порядок и получить подкрепления». Следовательно способ действий заключается в том, чтобы **избежать боя.**

В дальнейшем армейское командование определит оборонительную позицию

---

[1] Points d'accrochage.

для всей армии, на которой расположатся главные силы, и где сопротивление будет сосредоточено вокруг некоторых опорных пунктов с целью преградить противнику такое-то важное направление или не позволить ему выйти в таком-то направлении.

Отход совершается под прикрытием арьергардов, состоящих из небольших пехотных частей, сильно поддержанных артиллерией, оставленных в соприкосновении с противником и действующих на путях отхода; армейские корпуса будут отходить по возможно большему количеству путей, дабы уменьшить глубину колонн.

Таково положение нашей 5-й армии, которая должна отвести свои главные силы на позицию С.-Гобен—Лаон в условиях ограниченного времени (36 часов) и пространства (15—40 км) (см. схему 1).

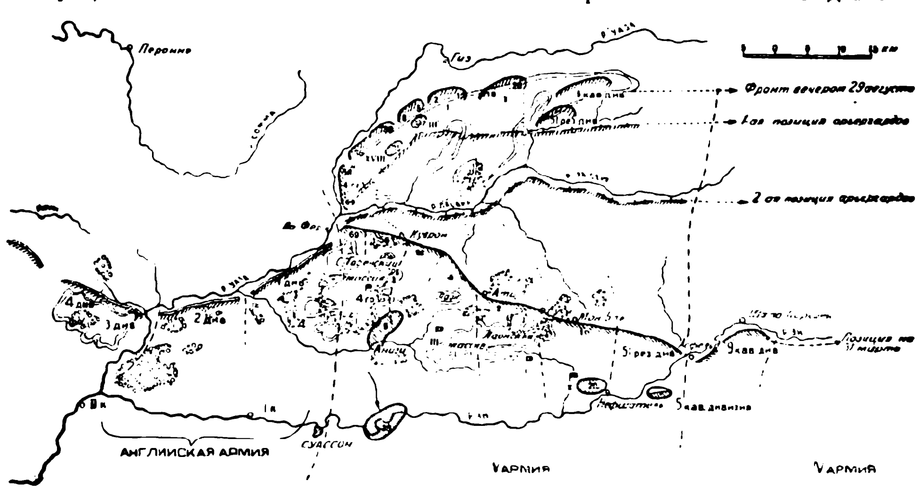

Схема 1.

ступлением темноты, двигаются по всем имеющимся дорогам, с тем чтобы еще до наступления рассвета перейти через Серру, где их головные части оставляют вторые арьергарды.

Вторые арьергарды обеспечивают переправу первых, разрушают переправы и в течение дня 30-го прикрывают отход главных сил; затем ночью в свою очередь уходят.

Таким образом 5-я армия отодвигается в тыл, чтобы прорвать соприкосновение с противником, рассредоточить свой фронт и использовать оборонительные выгоды массивов Лаона и С.-Гобена.

Имея 29 августа вечером, в день боя у Гиз, в первой линии своего построения для наступления 14 дивизий на фронте в 45 км (3 км на дивизию), она закрепляется 31-го на фронте в 30 км, имея в первой линии лишь 8 дивизий (7—8 км на дивизию), и группирует у себя в тылу штаб армейского корпуса и 6 дивизий, часть которых немедленно покидает район для принятия участия в наступлении в другом месте. Здесь мы видим осуществление принципа экономии сил.

Отход главных сил производится в два приема: сначала — к югу от Серр; затем, после длительного отдыха, — на позицию отхода. Для производства каждого из этих прыжков армейские корпуса прикрываются арьергардами, расположенными последовательно в 5—6 км от фронта и за Серрой.

Маневрирование производится следующим образом. К концу дня 29-го армейские корпуса располагают свою первую линию арьергардов, отходят с на-

Таким образом в этом маневре мы находим:

сопротивление в течение очень ограниченного времени, порученное лишь незначительной части сил; другими сло-

ами — сопротивление как средство, которое может понадобиться;

сильное эшелонирование в глубину — на один переход;

чрезвычайно большая подвижность — главные силы целиком находятся в резерве.

3. Выход из боя

Выход из боя, который почти всегда является для армейского корпуса исходной фазой для отступательного маневра или отхода, является операцией, производимой в соприкосновении с противником и в которой дело идет не об отказе от ближнего боя, как в отступательном маневре, и не об уклонении от боя, как при отходе, но о **прекращении принятого боя.**

Такой образ действий часто будет применяться в маневренной войне независимо от того, идет ли дело об отходе для прикрытия или об отходе части сил для занятия более экономной позиции в таком районе, где нет намерения атаковать.

Как же понимать выход из боя?

Армейский корпус может не дожидаться наступления противника; он может заставить противника развернуться, затем уклониться. И наоборот: он может сначала обороняться, затем **оторваться** от противника.

Первый способ — уклониться от наступления противника — не отвечает задаче, так как армейский корпус должен прежде всего выиграть время, сохранив возможно больше пространства. Следовательно он не должен отходить под простой угрозой наступления, чтобы отойти на менее укрепленную линию. Он должен принять бой и прервать его лишь при угрозе серьезного сковывания. В этом случае необходимо установить район перегруппировки, путь отхода, момент его, маневрирование арьергардов и эшелонирование артиллерии. Мы рассмотрим здесь лишь вопросы «момента» и общие условия отхода, вызывающие наибольшую дискуссию.

Момент отхода. Нужно ли прервать соприкосновение ночью и нельзя ли это сделать днем?

Уйти ночью гораздо легче, но есть риск прочно ввязаться в бой. Выйти из боя днем всегда возможно, если удалось организовать расположение пехоты и артиллерии таким образом, чтобы ограничить потери и облегчить выход из боя.

Средствами для этого должны служить использование укрытий, удержание на позиции частей первой линии. Следовательно цель — «возможность оторваться» — определит момент отхода.

Выбор часа отхода принадлежит не армии, слишком удаленной, и не передовым частям, являющимся плохими судьями в этой области, но тому, кто увязывает действия крупных соединений — командиру армейского корпуса. Здесь вопрос касается не маневра дивизии, но маневра армейского корпуса, действующего в рамках армии. Командир армейского корпуса, если он вынужден прервать бой днем, постарается уловить момент затишья в действиях противника, того затишья, которое обычно соответствует передвижению артиллерии и которым следует воспользоваться.

Как же прервать бой?

Чтобы иметь возможность оторваться от противника, необходимо позади передовой линии иметь «эшелон отхода», состоящий из батальонов, расположенных у опорных пунктов местности, на обязанности которых лежит их укрепление, в готовности занять их с четкой задачей задержать продвижение противника. Это — опять те же «пункты задержки» [1], за которые можно зацепиться. Их расстояние от фронта, установленное армейским корпусом, должно быть всегда достаточным, чтобы они не подвергались артиллерийскому огню, однако это расстояние не должно быть слишком велико, чтобы этот эшелон мог выполнить задачу принятия на себя отходящих частей; эшелонирование в 4—6 км представляется наиболее благоприятным.

Таким образом имеем ли мы дело с отступательным маневром или с отходом, доминирующим фактором, в случаях, когда оборона использует пространство, является всегда **эшелонирование в глубину.**

Разница, которая существует между этими двумя формами обороны, та, что в первой, когда принимается бой на дальней дистанции с использованием половины своих сил для задержки противника, глубина уступаемого противни-

[1] Points d'accrochage.

ку пространства, выражающая расстояние между эшелонами, сравнительно мала (6—10 км); во втором случае, когда стремятся избежать боя и когда получают задачу задержки противника незначительной частью своих сил, эта глубина увеличивается и должна быть близка к нормальному переходу (15—18 км).

Кроме того следствием эшелонирования в глубину является то, что, в то время как в «оборонительном маневре для оказания сопротивления» сосредоточение усилий производится по **ширине** на активных частях фронта, в отступательном маневре или при отходе такое сосредоточение производится по **направлению,** так же как и во время наступления (направление отхода, ось движения арьергардов). Действительно, в этих последних случаях **подвижность** становится основным фактором маневра, а сам маневр всегда базируется на комбинации направлений. Это часто забывают, и тогда поддаются тенденции создавать тыловые позиции почаще и слишком близко друг к другу; эти позиции демобилизуют слишком много сил для своего занятия, что наносит большой ущерб быстроте и гибкости, столь необходимым в этом виде маневра.

в) МАНЕВР ПРИКРЫТИЯ

Мы можем отметить еще один частный случай оборонительного маневра — маневр прикрытия, имеющий целью обеспечение сосредоточения сил, либо в начале войны, либо во время операций.

Если говорить о первом случае — когда при современном политическом положении и сокращении вооружений сосредоточение сил на границах будет производиться постепенно при наличии еще не сколоченных и мало обученных крупных соединений, — то командование, которое, как мы видели, не располагает ни пространством, ни скоростью, вынуждено будет прибегнуть к обеспечению исключительно посредством препятствий. В этих условиях придется испытать трудный период, в течение которого силы должны будут сосредоточиваться под прикрытием укрепленных районов или пассивно оборудованных районов (лесные районы, наводнения, разрушения) и маневрировать в оборудованных промежутках этих районов. Это будет периодом полного стратегического выжидания, весьма критическим периодом, когда укрепленная и оборудованная местность будет играть решающую роль; этот момент потребует на всех театрах операций применения самых разнообразных оборонительных маневров с целью отсрочить решение до момента, избранного начальником, чтобы взять инициативу операций в свои руки, имея в виду сражение.

Мы не станем здесь рассматривать этот совершенно особый вид маневра. Мы рассмотрим только случай маневра прикрытия на открытой местности, когда приходится обеспечивать сосредоточение сил во время ведущихся операций или в начале войны в районе, где оборудование местности не удалось ни произвести, ни предусмотреть до начала враждебных действий. Такой маневр является частным случаем маневра на широких фронтах, в котором армейский корпус должен сопротивляться, располагая слабыми, постепенно прибывающими частями, — это в течение часто длительного времени и на очень ограниченной глубине. Как же в этом случае согласовать столь противоречивые условия? Еще раз рассмотрим наши три фактора: сопротивление, глубину, резервы.

Прежде всего необходимо держаться — вот цель.

Предположим например, что какой-нибудь армейский корпус, получивший задачу прикрытия на фронте в 30 км, располагает первые три дня лишь одной из своих дивизий, остальные прибывают постепенно от 6-го до 10-го дня.

Сейчас же становится очевидным, что те фронты, которые мы предполагали по расчету на число батальонов этого армейского корпуса, он не сможет занять и на 7-й день, даже если он выдвинет в передовую линию все свободные свои силы для образования завесы. Лишь с 10-го дня этот корпус может начать сопротивление, но и то лишь в течение ограниченного времени.

Таким образом, организуя прикрытие на открытой местности, нельзя **рассчитывать на повсеместное и продолжительное сопротивление.** Необходимо более чем бы то ни было искать опорные пункты местности и на них **сосредоточивать свои силы,** притом вначале удерживать лишь самые важные из этих пунктов, находящиеся на самых опасных напра-

влениях, а за остальными лишь наблюдать.

Одним словом следует избегать **линейного единообразного распределения** сил, что даст лишь завесу из батальонов на фронте в 5 км каждый.

Сопротивляться **продолжительно** нет возможности, если нет достаточно сил. Но нужно различать идею и исполнение: **исполнитель имеет лишь одну задачу — «держаться»**; только командующий армией может предписать более или менее глубокий отход.

С другой стороны, если численность войск недостаточна, чтобы расположить на позиции прикрытия достаточное количество огневых средств, можно либо все выставить на передовую линию, дабы иметь там максимум возможных огневых средств, либо выдвинуть вперед меньше средств, составив себе резерв. Какое же принять решение?

Раз сопротивление не может быть продолжительным, **следует при всех обстоятельствах подумать о его восстановлении**; следовательно иметь за позицией прикрытия **пункты, за которые можно было бы уцепиться**. Эти пункты будут настоящими рычагами маневра, их необходимо тщательно выбирать на путях отхода; они состоят из опорных пунктов местности. На этих пунктах необходимо иметь гарнизоны, и они явятся наметкой тыловой позиции отхода.

Наконец кажется необходимым помимо этих неподвижных гарнизонов иметь еще **подвижные резервы** на грузовиках, готовые к переброске на угрожаемые направления, чтобы маневрировать, опираясь на эти пункты.

Подвижные резервы будут использованы не для усиления позиции сопротивления, куда они редко прибудут своевременно, но для поддержания указанной позиции отхода или для создания огневых участков, устанавливая фронт между опорными пунктами передовой позиции и гарнизонами тыловой линии.

Кроме того будет всегда важно обеспечить за собой всю глубину территории, которая имеется впереди, не бросая добровольно местности, которая отделяет прикрытие от границы или от противника. Нужно уметь пользоваться более или менее глубоким пространством, чтобы своевременно предусмотреть действия противника и задержать его продвижение. Авиация и конница будут добывать сведения; замедление продвижения противника будет возложено на специальные отряды: конницу, поддержанную артиллерией, пехотой и дальнобойной артиллерией.

Таким образом в маневре прикрытия мы вновь находим все три элемента оборонительного маневра: сопротивление, отход и подвижные резервы. Что же касается относительной важности этих факторов, то она изменяется в зависимости от обстановки, а главным образом от плотности сил на фронте и от условий, при которых местность может благоприятствовать маневру.

В отношении местности необходимо сказать, что маневр на широком фронте должен всегда пользоваться возможно более оборудованной местностью, а в незанятых коридорах между пассивными зонами, созданными этим оборудованием, применять разрушения, которые будут канализировать и задерживать продвижение противника.

Таким образом прикрытие — это маневр, который не опирается на заранее твердое расположение частей в пространстве; этот метод подходил бы лишь для стабилизованного положения. Проблема прикрытия требует гибкости, тесного и тщательного комбинирования сопротивления, глубины и подвижности резервов, а также оборудования местности. **Прикрытие — это «маневр» в его первоначальной стадии,** но оно еще более принимает характер маневра во время отхода, который может представиться во второй фазе.

Отход прикрытия

Армейский корпус помимо полученной им задачи прикрытия в каком-нибудь определенном районе может либо по приказу из армии, либо по своей собственной инициативе, если ему разрешено, быть вынужденным отнести фронт назад, чтобы использовать в определенный промежуток времени определенную глубину пространства.

К фактору «сопротивления» прибавляются факторы «времени» и «пространства».

Но поскольку с точки зрения сопротивления прикрытие не является обычным видом обороны, постольку же и от-

ход является совершённо особым видом отступательного маневра.

Классический маневр отступления зиждется, как мы видели: по ширине — на фронте, позволяющем маневрирование эшелонами, снабженными каждый достаточными средствами для сопротивления, избегая сковывания противником; по глубине — на эшелонировании позиций, не позволяющих противнику достигнуть двух последовательных позиций одной и той же системой артиллерийской подготовки.

Но наш маневр прикрытия всегда ведется **при слабом эшелонировании в глубину, на растянутом фронте, с ограниченными силами.**

Следовательно в глубину этот маневр не может позволить себе значительного отхода и рискует при наличии слишком сближенных последовательных позиций недостаточно полно прервать бой и быть вынужденным драться при отступлении. Отсюда напрашивается первый вывод: не **пренебрегать ни одной позицией, но избегать слишком сближенных позиций;** никогда не уступать добровольно местности противнику, следовательно отходить лишь под его давлением и сохранять всегда соприкосновение с его передовыми частями.

Что касается **ширины,** то при отсутствии достаточной плотности фронта нельзя применить классического маневрирования эшелонами. Необходимо следовательно за позицией прикрытия, на путях отхода, и на приличном расстоянии приглядеть **опорные пункты** и наметить тыловую позицию на наиболее важных пунктах. На них нужно разместить силы, оставшиеся свободными. Но так как этих сил будет недостаточно в случае отхода для образования нового прикрытия, то придется волей-неволей вновь обратиться к части сил оставленной на позиции; начальник должен будет достаточно заблаговременно произвести подсчет, чтобы иметь возможность судить, что он может снять с передовой линии в пользу новой позиции.

Сразу становятся очевидными неудобства такого образа действий: будут иметься части, **которые будут вести бой целый день.** Это — зло, которого нельзя избежать и за которое надо расплачиваться. **Такую игру нельзя вести продолжительное время,** и вскоре наступит момент, когда армейское командование должно будет вмешаться, либо послав подкрепления армейскому корпусу, либо позволив ему отойти на более глубокое расстояние.

Общая организация системы прикрытия

Мы уже говорили, что система прикрытия обычно состоит из двух видов сил: готовых к действию и потенциальных; иначе говоря, выгружающихся или перевозимых. Следовательно в сосредоточении сил прикрытия есть известная постепенность.

Начальник, например командир корпуса, должен будет рассчитать свой маневр с учетом всех сил, которыми он будет располагать, а не маневр только первого прибывшего крупного соединения, который будет постепенно изменяться по мере прибытия новых частей. Следовательно он должен будет исходить из расчета всех сил, установленных в зависимости от окончательной силы, если он желает вести связный и однообразный маневр армейского корпуса, а не маневр частей армейского корпуса. Только при этом условии ему не придется постепенно видоизменять свою первоначальную идею, что так пагубно действует на **стабильность** положения, являющуюся одним из основных факторов успеха в такой трудный период.

Район прикрытия должен быть возможно более полно оборудован в инженерном отношении в зависимости от имеющегося времени; этот район должен быть распределен между частями, эшелонированными в глубину, снабженными средствами связи в заранее назначенном размере. Изучение местности, системы огня, маневрирования резервами, приемов задержки противника должно быть доведено до малейших подробностей. И начальники и войска должны стараться в столь трудной обстановке извлечь максимальную пользу из местности и огня.

г) ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ МАНЕВР НА ПРОРВАННОМ ИЛИ РАЗ'ЕДИНЕННОМ ФРОНТЕ ИЛИ В СВОБОДНЫХ ПРОМЕЖУТКАХ

Будет ли фронт прорван или разорван, нужно помешать противнику расширить или произвести прорыв. В обоих

случаях необходимо его остановить возможно скорее.

1. При **прорыве** необходимо прежде всего основательно подкрепить фланги, цепляясь за пункты, которые еще прочно удерживаются. В этом случае противник сможет продвигаться лишь головой и вскоре почувствует угрозу своим флангам. Затем части, находящиеся в глубине образовавшегося мешка, нужно перебросить на такую линию, куда можно надеяться прибыть раньше противника и где следует расположить свои огневые средства с целью его задержать.

В этой фазе боя важную роль сыграет артиллерия: заградительный огонь перед потрясенным фронтом, прикрытие флангов, окаймление тылов.

В это время свободные силы, оставленные в резерве, смогут быть использованы для того, чтобы контратакой вернуть утерянную местность, если это будет необходимо для успеха оборонительного маневра.

Однако опыт войны нас учит, что, когда противник произвел глубокий прорыв, последовательное введение в бой отдельных дивизий обречено на сомнительный и запоздалый результат: одно лишь развертывание резерва, состоящего из нескольких дивизий, хорошо спаянных между собой, составляющих одно целое с сильными флангами, находящихся под единым командованием армейского корпуса или даже армии, даст возможность наиболее удачного решения задачи.

Оборонительная кампания 1918 г. дает нам положительные уроки в способах ликвидации прорыва, которые маршал Фош неоднократно приводит в своих воспоминаниях.

Германская атака 21 марта создала к 25-му прорыв в 20 км шириной между правым английским и левым французским флангами, которые отступали по расходящимся радиусам. Этот прорыв 2-й конный корпус не был в состоянии заполнить, и противник быстро продвигался вперед. «Необходимо было любой ценой, — пишет маршал, — восстановить фронт хотя бы с риском подвергнуться опасности в другом месте; нужно было подвести необходимое количество дивизий, чтобы закрыть брешь, и подвести их скорее... Благодаря твердости 3-й английской армии, уцепившейся за опорный пункт у Арраса на севере, и 3-й французской, зацепившейся на юге за лесной массив Рибекур-Лассиньи... продвижение противника на запад шло, сужаясь и вытягиваясь между этими двумя **плотинами сопротивляющихся частей**... Обескровленное наступление противника должно было этим самым фатально остановиться с того дня, когда союзники восстановят на **его пути** организованную систему сопротивления...». «Достигнув этого первого результата, состоявшего в том, чтобы быстро заделать прорыв имеющимися под рукой средствами, нужно было укрепить новый фронт методической организацией обороны и путем создания резервов».

Подобным же образом (на другом участке фронта), спустя несколько дней после начала германского наступления на Лис, маршал Фош устанавливает общие рамки маневра с целью восстановления положения впереди Газебрука: «Удерживать любой ценой оба фланга прорыва путем последовательного занятия: на севере — линии Гора Кемель — Кассель фронтом на юг; на юге — линии Бетюн—С-Омер фронтом на северо-восток. Между этими двумя прочно удерживаемыми флангами замедлить, а затем остановить противника с фронта путем занятия фронтом на восток последовательных опорных пунктов местности».

Наконец в своей памятке от 16 июня по поводу выводов из весенних сражений маршал вновь напоминает способ ликвидации прорыва: «Противодействовать расширению прорыва, подкрепляя фланги большей частью резервных сил, используя остальные силы для сдерживания противника с фронта и затем для его **остановки. Добившись этого,** возможно скорее **контратаковать** его во фланг всеми силами, ставшими или оставшимися свободными по обеим сторонам прорыва».

2. При разрыве **фронта,** т. е. в случае нарушения связи между двумя крупными соединениями, армиями или армейскими корпусами, эту связь обеспечивают либо путем расположения между ними новых частей, которые должны замкнуть «разрыв», либо отступательным маневром по достаточно сходящимся направлениям, либо обоими способами.

Мы находим пример комбинированного использования этих обоих способов в организации 28 августа 1914 г. армейского отряда Фоша, имевшего задачей прикрыть 4-ю армию с запада и стремиться восстановить утерянную связь с 5-й армией; 28 августа этот прорыв был шириной от 30 до 40 км. Армейский отряд силой в 8 дивизий, стремясь избежать охвата со стороны 3-й германской армии и приблизиться к своей 5-й армии, маневрирует, отступая и прикрывая левый фланг 4-й армии. Полезно в данном случае продумать донесение, посланное ген. Жоффру ген. Фошем: «Армейскому отряду будет трудно **сопротивляться** в течение двух дней, а тем более трех дней, против уже установленных разведкой двух армейских корпусов противника, которые еще могут усилиться, по причине:

а) характера местности в Шампани, чрезвычайно легко проходимой, без серьезных опорных пунктов, с редкими лесами, без крупных водных преград;

б) слабой артиллерии 9-го армейского корпуса;

в) усталости частей.

Он сможет задержаться лишь в отступательном маневре на глубину, которая без сомнения поставит под угрозу безопасность 4-й армии».

3. Наконец оборонительный маневр может иметь целью в период операций **прикрыть в открытых промежутках** сосредоточение значительных сил, имеющих в виду либо вести наступательную операцию, либо противодействовать такому же маневру противника. В этом случае следует быстро создать новый фронт, благоприятствующий будущей обороне или маневру.

Все эти операции — замыкание прорыва, восстановление связи, маневр в промежутках — зиждутся на сопротивлении частей, зацепившихся за опорные пункты местности, и на быстро подготовленном маневре резервов. Здесь мы вновь встречаемся с совокупностью **сопротивления и подвижности**, необходимых в действиях, которые в момент кризиса, потребуют умелого командования и войск с закаленным духом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первые месяцы маневренной войны на открытой местности маневр потребует от всех частей **постоянного комбинирования оборонительных и наступательных действий.**

И раз цель остается всегда одна — уничтожить противника, — то нужно его атаковать; обороняться следует лишь в тех районах, где за недостатком соответствующих средств нельзя преследовать этой цели. Оборона — **средство для экономии сил** — вот идея[1].

Для осуществления этой экономии не может быть и речи о том, чтобы располагать крупные соединения по всей оборонительной зоне локоть к локтю в статической обороне из расчета 1 км на батальон. Это будет слишком роскошной обороной, противоположной поставленной цели.

Подобное сопротивление следует организовать лишь на наиболее активных участках фронта, а на остальных участках прибегать к наиболее экономным способам борьбы: то на широком фронте за каким-нибудь естественным препятствием или складкой местности, то в отступательном маневре, то маневрируя в интервалах.

Такие действия требуют безусловного поддержания органической связи и управления, вынуждают к распределению сил как в ширину, так и в глубину, изменяющемуся в зависимости от обороноспособности крупного соединения. Жесткая система обороны основывается на:

сильном сопротивлении, выставляющем максимальные силы в первую линию;

глубине, ограниченной глубиной самой позиции;

очень слабых резервах, деятельность которых ограничивается затыканием прорывов.

Если крупное соединение не в состоянии остановить противника этой системой жесткой обороны, оборонительная деятельность ограничивается занятием

---

[1] Это суждение выражает задачу обороны в маневренной войне на широком фронте, но не затрагивает ее задач в других условиях. В том числе Луазо, в погоне за вечным принципом экономии сил, упускает из виду возможность такой обстановки, когда обороняющийся может умышленно втянуть противника в невыгодное наступление и, воспользовавшись инерцией его ошибочного движения, нанести ему решительное поражение с переходом в контрнаступление. — **Ред.**

опорных пунктов сопротивления, поддержанных в тылу другими тыловыми опорными пунктами, и обеспечивает своей подвижностью маневрирование из глубины сильных резервов. Статика тогда уступает место динамике.

Таким образом в будущем мы будем иметь оборонительный маневр, который не будет ограничен классическим случаем «сопротивления на месте», но будет включать в себя целую гамму гибких и разнообразных способов, базирующихся на подвижности.

В итоге оборонительный маневр остается частным и временным средством войны; «движение» всегда остается основой и нашей стратегии и нашей тактики, имеющих задачей достигнуть высшей цели — уничтожить организованные силы противника.

Перевел **М. М. Брагинский.**

Майор **Дезорти**

Тактика и материальное обеспечение

(С французского)

Подполковник **Рендулич**

Нерешенные тактические проблемы

(С немецкого)

Tactique et matériel: une étude autrichienne, par le commandant Deshorties „La Revue d'Infanterie", 1 Septembre. 1933.

Ungelöste Probleme der Taktik. Von obstl. der B. H. Dr. Lothar Rendulic. „Militärwissenschaftliche Mitteilungen". Septembеr — October, November — Dezember, 1931.

Майор Дезорти дает разбор выводов австрийского военного писателя Рендулича, касающихся нескольких наиболее актуальных тактических проблем, разрешение которых так или иначе связано с наиболее рациональным использованием современных технических средств.

От редакции

В одном из последних номеров французского журнала «Ревю д'Инфантери» появилась статья майора Дезорти под заглавием «Тактика и материальное обеспечение», которая представляет разбор статьи австрийского военного писателя Рендулича «Нерешенные тактические проблемы».

В своем предисловии французский автор замечает, что суждения Рендулича относятся скорее к таким вопросам, которые получили **несколько** решений, а потому и представляются не окончательно разрешенными.

Рендулич подчеркивает «многообразие и действительность современных боевых средств» как основную причину возникновения целого ряда новых вопросов в тактике, а также «недостаточность материальных средств», вызывающих волей-неволей компромиссные решения между требованиями теории и их осуществлением. Это дает майору Дезорти основание заключить, что выставляемые Рендуличем проблемы сводятся по существу к «взаимоотношениям тактики и материальных средств и к их взаимному воздействию друг на друга» (на современном этапе развития материальных средств).

Поэтому основная проблема заключается в том, чтобы установить на практике связь между тактическими требованиями и техническими достижениями.

«Взаимоотношения маневра (т. е. тактики) и материальной части, по замечанию Дезорти, исходят из постоянного и теоретически нескончаемого состязания пушки с броней».

«Рендулич, — пишет Дезорти, — хочет придать этим взаимоотношениям значение одного общего закона, утверждая, что во взаимном воздействии друг на друга вооружения и тактики основным элементом до сих пор является тактика, но с применением быстроходных танков материальная часть впервые берет «на буксир» тактику». Дезорти эта идея предста-

вляется выраженной в слишком абсолютной форме. Он полагает, что в этой области нельзя заметить таких «бьющих в глаза переворотов». «В одних случаях, — пишет он, — тактика требует определенного материального обеспечения, в других — сама приспособляется к новой материальной части... Верно, что в течение последней войны и после этой войны прогресс материальной части иногда развивался быстрее, чем прогресс тактики, или требовал от нее быстрых изменений... Ныне все армии стремятся к максимальному развитию материальной части... Но было бы трудно определить, какая доля в этом стремлении будет принадлежать тактике, а какая — материальной части. Важно одно, что между этими двумя факторами существует достаточно тесная и постоянная связь, хотя и возможны в известном смысле нерешенные тактические проблемы».

Дезорти кончает свою статью словами, что если Франция «учла бы свой послевоенный баланс, то она могла бы записать в свой актив кое-какие изыскания и достижения, которые позволяют рассчитывать, что некоторые предположения уже нельзя считать абсурдными, а некоторые решения невозможными». То же самое по замечанию Дезорти мог бы сделать и Рендулич, что способствовало бы лучшему освещению проблем, которые представляются ему неразрешенными.

Ниже помещаются сокращенный перевод статьи Рендулича и замечания Дезорти.

В необходимых случаях даются замечания от редакции.

Рендулич. «В тактике всегда могут быть нерешенные проблемы. Но современная тактика представляется проблематичнее, чем когда-либо, вследствие разнообразия и повышенной действительности боевых средств, усовершенствования средств связи и разведки, усиления траспортных средств, богатого боевого опыта и наконец еще небывалой основательности в разработке основных положений. Поэтому интересно сопоставить важнейшие из нерешенных и спорных тактических вопросов. Причем заранее надо оговориться, что полнота такого обозрения едва ли возможна и во всяком случае не является целью этой статьи».

I. ПРОБЛЕМА МАРША ПОД УГРОЗОЙ НАПАДЕНИЯ С ВОЗДУХА

Рендулич. «Большую загадку в будущей войне представляют действия воздушных сил.

Взгляды на значение самолетов для разведки и наблюдения в основном совпадают, но они сильно расходятся по вопросу о возможностях действия самолетов против войск на марше. **Низко летящим самолетам, ведущим бой пулеметами и легкими бомбами, всюду приписывается большая действительность поражения войск на марше, чем бомбовозам, которые держатся на большой высоте.** Крайние суждения простираются до утверждения, что марш крупных соединений днем, если приходится считаться с действием значительных воздушных сил противника, вообще невыполним. С этой точки зрения может казаться, что войсковые передвижения **как правило** должны выполняться в ночное время.

Однако ни одно из официальных руководств не приняло этого взгляда. Марш днем по уставам всех армий считается выполнимым, хотя разумеется неоднократно упоминается, что в ожидании нападения превосходных воздушных сил противника представляется целесообразным отложить марш, если можно, до ночного времени.

В полную противоположность этому английский полевой устав рекомендует избегать ночных маршей именно в случае опасности воздушных нападений, так как борьба с самолетами ночью чрезвычайно затруднительна, а действительность их нападений особенно сильно повышается тем обстоятельством, что продолжительность освещения ракетами с парашютом достигает ныне 4 минут.

Всюду усиленно выдвигается на первый план активная и пассивная ПВО[1]. Борьба с самолетами[2] противника артиллерии и пулеметов, рассредоточение[3] колонн, использование естественной маскировки при выборе маршевых направлений — все это во всяком случае может ослабить действие авиации по войскам на марше. Наиболее уязвимым элементом во всех соединениях остаются всегда повозки: они не могут оставлять дорогу и искать укрытия на местности или не могут сделать этого достаточно быстро.

---

[1] Вообще зарубежная военная мысль склоняется к мнению, что противодействие воздушным нападениям следует искать не столько в построениях или в иных мерах пассивной защиты, сколько в активной ПВО, противопоставляя авиации противника свою авиацию, чего Рендулич не высказывает с достаточной четкостью. — **Ред.**

[2] Подразумеваются видимо бреющие полеты. — **Ред.**

[3] Zerlegung.

Интересны результаты опытов, произведенных в пехоте армии США, по отражению самолетов пехотным оружием. Один из полков, действуя своим только оружием, достиг 12% поражения по 28 воздушным целям. Огонь пулеметов и винтовок оказался достаточно действительным до высоты 700 м, чтобы сделать нападения на низком полете (бреющий полет) против пехоты весьма рискованным предприятием и принудить летчиков противника держаться таких высот, с которых действительность их нападения становится весьма ограниченной [1]. Однако это лишь результат испытаний мирного времени, который не может служить основанием для решительного вывода. Ссылки в этом отношении **на опыт военного времени наталкиваются на многочисленные затруднения**, так как с одной стороны **типы самолетов** со времени войны **значительно улучшены**, а с другой — **войска сделались более уязвимыми** ввиду усилившегося снабжения их боевыми средствами и повозками. Дивизия периода войны 1914—1918 гг. без сомнения представлялась значительно менее уязвимой, чем современная дивизия. Но этому надо противопоставить улучшенную технику пассивной ПВО и создание более действительного оружия противосамолетной обороны.

Таким образом **марш под угрозой сильного воздействия авиации представляет проблему, окончательное решение которой может принести лишь опыт военного времени.**

Во всяком случае к числу главнейших мер для ослабления действительности воздушных нападений на войска во время марша относится их рассредоточение, того же требует и ночной марш при опасности с воздуха, но для выполнения этого требования нужны некоторые предпосылки, т. е. подходящая местность, а в особенности достаточное число дорог и путей, ведущих в соответствующем направлении, так как продолжительный марш вне торных дорог допустим только для самоходной артиллерии и вездеходных автомобилей, да и то лишь в том случае, когда топографические свойства местности (горы) и ее покров (леса) не исключают этой возможности. Повозки с парной запряжкой и автомобили с передачей на одну пару колес в большинстве случаев могут покидать торную дорогу лишь временно при благоприятных почвенных условиях. Во многих случаях' цель может быть достигнута только сильным рассредоточением в глубину».

Дезорти. «По поводу проблем, выдвигаемых развитием боевой авиации, под которой надо подразумевать истребительную и бомбардировочную авиацию в противоположность авиации наблюдательной и разведывательной, Рендулич заявляет, что «авиация — ее сила и эффективность — такова большая загадка будущей войны». Действительно загадка, поскольку в этой области трудно основываться на опыте войны: типы самолетов значительно усовершенствовались с 1918 г., в то же время войсковые соединения, оттягченные боевыми средствами и наличием более многочисленных повозок, сделались более уязвимыми для атак авиации. Нет даже единства взглядов по вопросу об обеспечении достаточной защиты для войск на марше» [1].

II. Проблема боевого применения мото-мехсил и борьба с ними на марше

Рендулич. «Следует подчеркнуть, что **рассредоточение** [2] для ослабления действительности нападений с воздуха **отличается** как правило от **расчленения** [3], совершаемого **при вступлении в сферу наземного** (артиллерийского) **огня противника.** В последнем случае расчленение имеет в своей основе ту группировку [4], которая отвечает боевому **намере-**

[1] Рендулич не останавливается на усовершенствовании противосамолетных пулеметов с автоматическими прицельными приспособлениями, которые получили применение в той же американской да и в некоторых других армиях. — **Ред.**

[1] Нельзя не заметить, что такой крупный французский авторитет, как ген. Броссе (см. его статью «Марш сближения» в № 9 «Военного зарубежника»), также оставляет проблему нерешенной, не придавая достаточного значения поражению колонн с воздуха пулеметами и легкими бомбами. — **Ред.**

[2] Zerlegung.

[3] Entfaltung.

[4] Следует отметить, что французский ген. Броссе в упомянутой выше статье, придерживаясь официальных французских взглядов, различает лишь **расчленение** (вблизи противника под его дальним артиллерийским огнем) и **развертывание** в боевой порядок (в непосред-

нию командования, насколько оно осуществимо к этому моменту. В обоих случаях наряду с трудностью управления сильно рассредоточенным соединением возникает **новая трудность перехода из одного рассредоточенного построения в другое.** При этом надо обратить внимание на одно превходящее обстоятельство. Мото-мехчасти с улучшенной материальной частью и вновь возникшие моторизованные соединения при свойственной им быстроте движения могут появляться внезапно. **Танки и бронемашины, появляющиеся отдельно или небольшими группами,** с которыми надо было считаться уже несколько лет тому назад, будут тем менее действительны, чем более рассредоточены войска. Против них могут вероятно оказаться достаточными часто упоминаемые **отдельные орудия при головных ротах.** Но ныне **надо считаться с нападением сильных мото-мехсоединений,** уничтожение которых недоступно отдельным пушкам или одиночным специальным орудиям. Эти соединения в зависимости от своей задачи и обстановки будут атаковать части войск на марше или преграждать им путь задерживающим боем. В обоих случаях могут потребоваться **боевые действия двигающейся части, которая не находится для этого в необходимой группировке,** но широко разбросана и оказывается по частям в сфере действия оружия противника. Таким образом возможность неожиданно встретиться на марше с мото-войсками и мото-мехсоединениями развертывает перед командованием новую проблему.

С другой стороны надо подчеркнуть, что основы **применения мото-мехсоединений** и управление ими **далеко еще не выяснены.** Развитие мото-мехвойск с точки зрения их материальной части и организации поднимает целый ряд важных вопросов, которые еще ожидают ответа. К ним в частности относится расчленение танков и появление очень быстроходных, как совершенно легких, так и средних, типов, которые ставят тактику перед новыми задачами. Если мы с точки зрения взаимозависимости тактики и боевых средств во всех родах оружия можем принять, что исходную данную составляют требования тактики [1], то в конструкции упомянутых танков появление новой материальной части ставит проблемы перед тактикой.

Опыт войны относится к танкам, которые действовали «в одной запряжке» с пехотой. Танковые войска на войне составляли нераздельную составную часть пехоты. По французским взглядам они такими и остаются. В Англии возникли самостоятельные быстроходные танковые войска, которые предназначаются для нападения на фланги, на тыл, на штабы и источники снабжения противника.

Хотя в больших армиях сохранилось еще со времени войны большое количество тихоходных танков, **но новые типы машин обладают уже скоростью до 20 км на местности** (без дорог). Поэтому возникает вопрос, **каким образом такие танки могут поддержать наступление пехоты.** Их быстрота должна привести к потере связи с пехотой, с другой же стороны нельзя было бы отказаться от скорости движения как раз в сфере действительного огня противника. Ни теоретические указания, ни практические опыты не привели до сих пор к удовлетворительным результатам».

Дезорти. «По части мото-механизированных соединений замечается та же неуверенность (как и по вопросу о борьбе с боевой авиацией): опыт войны касается только танков, придаваемых пехоте. Французское представление о том, что танки, даже быстроходные, «составляют неотделимую часть пехоты», противоположно английскому, которое имеет в виду «использование самостоятельно действующих быстроходных танков против флангов и тылов противника, его штабов и коммуникационных линий».

Ни то, ни другое из этих представлений не указывает однако, каким способом быстроходные танки могут оказать поддержку пехоте.

ственной близости от противника под огнем артиллерии всех калибров). Рендулич вводит термин **«рассредоточение»,** не деля разницы между расчленением и развертыванием и подразумевая в обоих этих случаях «группировку, отвечающую намерениям командования» (зародыш боевого порядка). Но он не уточняет своего термина, который повидимому отвечает французскому «расчленению». — **Ред.**

[1] Ведущую роль в развитии военного дела играют конечно экономика и изобретения в области военной техники, что не исключает обратного воздействия тактики. — **Ред.**

К тому же действия боевой авиации довольно тесно связаны с действиями мото-механизированных соединений, обладающих большой боевой мощностью. Действительно, если расчленение колонн вообще рекомендуется, чтобы предохранить войска на марше от действий атак с воздуха, то действие мото-механизированных соединений, а в частности быстроходных танков, на практике ограничивает это расчленение, поскольку колонны рискуют быть внезапно застигнутыми этими соединениями и поставленными в необходимость встретить их атаку в самых неблагоприятных для них условиях»[1].

III. Численность пехоты в составе дивизии

Рендулич. «Ко многим проблемам, вызванным усилившимся действием огнестрельного оружия, а в особенности пулеметов, относится вопрос об относительной силе пехоты в составе соединений из всех родов войск, т. е. главным образом в составе дивизии. Как известно, в ходе боев создается невыгодное соотношение между количеством пехоты и другими родами войск, в особенности артиллерии. Это звучит парадоксом, поскольку в бою казалось бы никогда нельзя иметь «слишком много» артиллерии. Но нужно признать, что действие даже самой сильной артиллерии не может быть использовано истощенной пехотой. А потому призыв к увеличению количества пехоты в дивизии не без основания становится все более слышным.

[1] Как во французской военной литературе, так еще более в английской, высказывается мысль, что быстроходные танки могут и должны оказывать поддержку пехоте не в форме сопровождения и непосредственной помощи, но в форме самостоятельных действий, связанных с пехотой общим тактическим заданием. Так ген. Кюльман (см. его статью «В погоне за решающей победой» в № 9 «Военного зарубежника») указывает, что тяжелый и по его схеме быстроходный танк используется для защиты легкого танка и для глубокого использования первоначального успеха (атакой артиллерии и резервов противника). Английский полевой устав рекомендует фланговую атаку мото-мехсоединением одновременно с фронтальной, которую ведет пехота со своими танками. Таким образом проблема не сводится непременно к применению новых технических средств в старых боевых формах, а к изысканию новых форм, отвечающих новым техническим средствам. — **Ред.**

Эта цель может быть достигнута созданием четвертых полков в дивизии, или усилением взводов, или образованием четвертых взводов в стрелковых ротах с одновременным созданием пулеметных рот, непосредственно подчиненных командирам полков.

Решить этот вопрос должна именно тактика, так как управление в дивизии будет различаться в зависимости от наличия трех очень сильных полков или четырех полков нормального состава. Пехота в итальянской армии и в армии США имеет самую молодую организацию. И вот именно здесь обращает на себя внимание, что итальянский взвод имеет чрезвычайно сильный состав (почти до 60 человек), а состав американского полка недавно увеличен с 3 000 до 3 500 человек, т. е. на 16%. Таким образом на практике решение клонится повидимому в сторону усиления пехотных частей[1], а не увеличения числа их, что представляется выгодным в финансовом и мобилизационном отношениях, но не в отношении управления. На опыте маневренной войны в 1914 г., имея по 200—250 человек в ротах и почти по 1 000 человек в батальонах, австрийское командование пришло к заключению, что этот состав был слишком велик и уже при тогдашней действительности огня не допускал целесообразного вождения и воздействия со стороны командиров частей.

В следующие годы состав пехотных частей был значительно слабее главным образом по недостатку обученных людей для их пополнения. Несмотря на преобладающее значение артиллерии в годы позиционной войны, потребность в сильных пехотных частях была очень чувствительна.

Для ослабления действительности огня потребовалось усиленное расчленение в глубину как в наступлении, так и в обороне, но, несмотря на упрощенные требования позиционной войны, командный состав встретился с многообразными затруднениями.

Первоначальная организация после войны, имевшая в виду условия маневренной войны, установила пехотные части гораздо меньшего состава, чем в

[1] Это ничего не доказывает, так как в мирное время вопрос об укомплектовании не стоит так остро, как во время затяжной войны.—**Ред.**

1914 г. Известную роль сыграло при этом соображение о силе огня тяжелых пулеметов, для подавления которого нельзя было рассчитывать на артиллерийские массы и огромные запасы снарядов, какие были в позиционной войне. Но несмотря на дальнейшее усовершенствование стрельбы из тяжелых пулеметов и повышение действительности огня легких пулеметов, все же в послевоенное время проявлялась тенденция к усилению пехотных единиц. Если мы обратимся к составу наименьших пехотных единиц, то должны поставить вопрос: сможет ли командир отделения (группы) из 14 человек как в итальянской пехоте, или командир взвода из 5 или 6, хотя и слабых, групп вести эти части в сфере действительного пулеметного огня?

На эти и тому подобные вопросы нелегко дать ответ. Опыт войны в сочетании с послевоенным развитием тактики говорит скорее за небольшие части, а потому стремление увеличить силу пехоты в составе дивизии должно было бы выразиться в увеличении числа частей, т. е. в создании четвертых полков. Предпосылкой для этого кроме финансовых средств должна быть подготовка в мирное время большего числа младших начальников. Там же, где будут сохранены сильные пехотные части, останется неразрешенной проблема их вождения в подвижной войне»[1].

IV. Проблема взаимодействия артиллерии с пехотой

Рендулич. «Следующим вопросом, во многих отношениях ожидающим решения, является взаимодействие пехоты с артиллерией. Затруднение состоит главным образом в том, что во многих случаях нет возможности возлагать на артиллерию поражение целей, которые всего более опасны для пехоты. Принято по привычке считать взаимодействие обоих родов войск вопросом связи. Хотя это и верно до известной степени, но не точно, так как при этом имеется в виду как правило связь начальника пехоты с начальником артиллерии. Но какую пользу может принести артиллерии самая лучшая связь с тем полком или батальоном, которые она поддерживает, если командиры этих частей сами не знают в данную минуту потребностей своих передовых частей? А это в наступательном бою может случиться очень часто. Если же эти потребности известны пехотным начальникам и связь с артиллерией существует, то она очень часто не может быть использована с желаемым успехом, так как целеуказание часто не может быть сделано требуемым для артиллерийского огня способом. **Во многих случаях только один передовой артиллерийский наблюдатель будет в состоянии дать основания для**

---

[1] Дезорти ограничивается изложением рассуждений Рендулича, подчеркивая, что Рендулич «склоняется к созданию новых частей, так как это представляет более преимуществ для командования, чем увеличение численности частей». Можно добавить, что во Франции вообще не предполагают увеличивать численность пехоты, испытывая затруднения в пополнении армии в связи с недостаточной численностью ежегодных контингентов новобранцев; пехоту рассчитывают усилить не количеством людей, но усилением мощности вооружения пехоты. При прежнем составе полка из 3 батальонов по 3 стрелковых и по 1 пулеметной роте в каждом имеется в виду:

а) придать полку кроме трех 37-мм пушек и шести 81-мм мортир Стокса еще дивизион 75-мм орудий сопровождения и 16 зенитных пулеметов и иметь при каждой роте пулеметов еще по 6 орудий сопровождения;

б) увеличить число ружейных мортир (с дальностью до 600 м);

в) увеличить дальность огня станковых пулеметов.

Вопрос об усилении пехоты заслуживает внимания, но не с тем подходом, которого придерживается Рендулич. Избегая бесполезного нагромождения людей на поле боя, организация пехоты должна предусматривать возможность замены и смены бойцов в ходе боя, подобно тому, как она предусматривает это для командного состава. Эта последняя мера особенно рельефно проведена в германском уставе подготовки пехоты. В ст. 30, которая касается действий батальона в бою, говорится: «Перед серьезными боями рекомендуется сохранить **резерв командиров**, чтобы иметь возможность быстро пополнить потери во взводных и отделенных командирах. Может быть рекомендовано также выделение **резерва рядовых бойцов**, которым может быть поручена доставка продовольствия, боевых припасов и предметов снаряжения». В ст. 52 (о действиях полка) сказано, что перед началом боевых действий «может быть рекомендовано выделение **резерва из ротных командиров**». Японцы в войну 1904—1905 гг. широко применяли резервы рядовых бойцов как для доставки разных предметов снаряжения, так и для замены убыли. Ныне с наличием в составе пехоты большого числа специалистов (пулеметчиков, минометчиков, гранатометчиков, артиллеристов, снайперов, связистов и пр.) такие резервы еще более необходимы, чем прежде, когда на вооружении пехоты были почти только одни винтовки. — **Ред.**

точного приспособления артиллерийского огня к местным потребностям, но связь его с артиллерийским командованием часто бывает не обеспечена вследствие большой «чувствительности» проволочной связи. Поэтому **легкие переносные беспроволочные телефоны** справедливо признаются важной технической предпосылкой для более тесного тактического взаимодействия между пехотой и артиллерией... Короткие волны позволяют ожидать возможности применения большого числа этих аппаратов на тесном пространстве. Но все это верно, если противник не препятствует беспроволочному сообщению, что само по себе является вопросом».

Дезорти. «В пределах дивизии (кроме вопроса о численности пехоты) возникает еще другой вопрос о взаимодействии пехоты с артиллерией. Теоретически проблема представляется решенной, как только установлена связь между поддерживаемой пехотой и поддерживающей ее артиллерией. Но на практике, именно там, где вся проблема оказывается связанной с вопросами материальной части, справедливо считают, как и говорит Рендулич, что тесное взаимодействие артиллерии с пехотой может быть обеспечено в тактическом отношении, если осуществлено основное техническое требование, которое составляет переносный беспроволочный телефон. Да и то нужно еще, чтобы противник не помешал бы радиоэлектрической передаче, что также составляет условие технического порядка»[1].

V. Проблема взаимодействия внутри пехотных частей

Рендулич. «Затруднения в поддержании взаимодействия не удается устранить не только между пехотой и артиллерией, но и внутри пехоты, в особенности в наступательном бою. Они начинаются уже в самых мелких частях, т. е. в группах (отделениях). Можно полагать, что в бою на широком фронте лишь в редких случаях задача может заключаться в поддержании взаимодействия между **определенными** стрелковыми и легкопулеметными группами (отделениями) и потому все направление обучения именно в эту сторону является не боевым и отзывается чрезмерной «тонкостью». Не слишком уклоняясь от действительности, можно рассматривать с одной стороны стрелковые, а с другой — легкопулеметные группы (отделения) передовых взводов данной роты и целом как единицы, тем более попадающие под воздействие соседних рот, чем ближе они находятся к флангам роты. Границы могут быть созданы только сферами действий легких пулеметов и местностью. С этой точки зрения австрийская и германская организация мелких пехотных единиц наиболее отвечает существу пехотного боя, тогда как французская с ее сильными унитарными группами основывается на **фикции взаимодействия определенных групп и даже на допущении возможности использовать собственный огонь групп** (для их продвижения). Итальянская организация с 3 сильными стрелковыми группами в составе удвоенной легкопулеметной группы идет слишком далеко в переоценке ударной силы, но в остальном приближается к австро-германским взглядам. Взгляды на существо пехотного боя отражаются уже в организации самых мелких пехотных единиц, но тем не менее не находят себе полного выражения ни здесь, ни в организации пехоты вообще, так как орудия, созданные для определенной цели, могут быть применены также и иным способом. В этом смысле применение тяжелых пулеметов, которое также относится к числу не совсем решенных проблем, представляет особенно богатую сферу открытий. Мы можем себе легко представить, как пулеметы в рамках французской организации станут вести бой на германских основах и обратно. Отсюда следует, что организация, будучи на службе у тактики, не смогла вполне примениться к ее духу. В каждой организации ясно чувствуются границы, устанавливаемые материальной частью.

Можно даже утверждать, что большую часть нерешенных проблем тактики надо отнести к недостаточности матери-

[1] Французский артиллерист ген. Шаллеа, рассматривая вопрос о связи пехоты с артиллерией с точки зрения снабжения пехоты надлежащими орудиями сопровождения, находит, что этот вопрос ныне может быть удовлетворительно разрешен в техническом отношении. См. рецензию на эту статью в отделе библиографии в этом же номере «Военного зарубежника». — **Ред.**

альных данных и что попытки разрешения этих проблем и направляются к согласованию этих реальных данных с теоретическими требованиями. Тактика не имеет ничего общего с математикой. Но чистая логика не всегда ведет в тактических вопросах при одинаковых предпосылках к одинаковым результатам, так как опыту надо отвести очень широкий простор».

Дезорти. «Организация мелких частей пехоты (в том числе отделений) стремится осуществить взаимодействие разных видов оружия (пехоты), но различные формы организации, принятые в различных армиях, не устраняют всех затруднений. Относительная важность в составе отделения элементов огня и элементов удара учитывается не одинаково: армии германская[1] и австрийская устанавливают сочетание огня и удара лишь в составе взвода; французская организация со своими боевыми группами (отделениями) большого состава основывается (как указывает Рендулич) на фикции взаимодействия определенных боевых групп и на идее возможности использовать свой собственный огонь для продвижения...»[2].

VI. Применение в бою тяжелых пулеметов

Рендулич. «Особенно много поводов для расхождения тактических взглядов дает применение тяжелых пулеметов, несмотря на единство взглядов в вопросах организации.

Прежде всего встает вопрос, какие условия должны быть выполнены, чтобы оказать стрелковым ротам наиболее действительную поддержку. По этому вопросу взгляды наиболее расходятся.

Новый французский пехотный устав, равно как французская военная литература, требует строгой централизации управления при применении **тяжелых** пулеметов, и причину этому надо искать в том обстоятельстве, что новый **легкий** пулемет является очень действительным оружием, во всяком случае гораздо более действительным, чем прежнее ружье-пулемет[3].

В Англии встали на ту же точку зрения еще со времени войны. Между тем в Германии, несмотря на весьма большую действительность германских легких пулеметов, все еще придерживаются передачи некоторой части тяжелых пулеметов в передовые роты в очень многих случаях.

Но и в способах исполнения задач тяжелыми пулеметами идут различными путями. Французы считают проблему решенной, насколько можно судить по обязательным указаниям в уставе относительно «базы огня»[4]. В Англии,

---

[1] К этому месту статьи Дезорти редакция журнала «Ревю д'Инфантери» делает примечание, что «статья Рендулича была написана до введения новой организации в германской пехоте, которая с 1932 г. основывается на принципах, сходных с принятыми во французской пехоте». — **Ред.**

[2] Дезорти не понял Рендулича, замечания которого касаются не только способов сочетания огня и движения в мелких частях пехоты, но **вообще приемов боя пехоты.** Рендулич считает, что эти приемы должны **полнее сообразовываться со свойствами оружия,** которое по своей дальнобойности (даже легких пулеметов) далеко выносит свою среду действия за пределы такой мелкой части, как пехотное отделение. Рендулич с этой точки зрения отдает предпочтение такой организации, которая допускает лучшее управление огневым боем, т. е. более широкий простор для выделения и группировки огневых (пулеметных) единиц, не сковывая их в неделимую величину со стрелковыми единицами. Такова была до 1932 г. организация германского пехотного взвода, в котором 2 отделения было легкопулеметных, а 3 стрелковых. Но казалось бы наличие унитарных отделений, состоящих каждое из 1 легкопулеметного и 1 стрелкового звена, не лишает возможности указанного управления огневыми звеньями при условии не вводить в бой без надобности всех стрелков каждого отделения. Этому условию отвечает германская организация взвода 1932 г., в котором все 3 отделения (группы) вооружены легкими пулеметами, но сохраняют подразделение на легкопулеметное звено из 4 человек и стрелковое звено из 7 человек. До 1929 г. французы, имея легкие пулеметы в составе всех 3 отделений во взводе, сохраняли подразделение каждого отделения на 1 легкопулеметное и 1 стрелковое звено (как германцы в 1932 г.), но с этого года отказались вообще от подразделения отделений на звенья.

Отсюда следует, что примечание редакции журнала «Ревю д'Инфантери» о сходстве германской и французской организации по крайней мере не точно.

[3] Увеличившаяся действительность огня легких пулеметов позволяет не выделять тяжелых пулеметов в более мелкие подразделения пехоты и сделать более централизованным управление их огнем. — **Ред.**

[4] Во второй части французского пехотного устава 1929 г. определено:

Ст. 144. Каждое построение для наступления заключает **эшелон огня,** составленный из взво-

а еще более в Германии к этому вопросу относятся с большим скептицизмом. Повсюду недостаточно полно учитываются возможности, которые может дать стрельба с непрямой наводкой, а потому уже по этой причине нельзя говорить о том, что проблема применения тяжелых пулеметов уже решена. При установлении способов поддержки передовых рот надо основываться на том, что для выполнения своих задач без потери времени командиры тяжелых пулеметов должны сами следить за быстро изменяющейся обстановкой и определять потребности передовых рот из собственных наблюдений. Но это вовсе не должно иметь своим последствием децентрализацию в применении пулеметов.

Надо также указать на ошибочность мнения, что быстрое приспособление действий пулеметов к обстановке, основанное на собственном наблюдении, якобы исключает стрельбу непрямой наводкой и что этот способ стрельбы делает неисполнимым требование, чтобы пулеметы сравнительно ближе держались к поддерживаемой пехоте.

В действительности стрельба тяжелых пулеметов всецело зависит от обстоятельств, причем местность оказывает особенно решающее воздействие... Конечно слишком настильно действующее оружие будет невыгодно. Но представляется вероятным, что дальнейшее развитие стрельбы непрямой наводкой неизбежно поведет к применению огнеприпасов, более ограниченная начальная скорость которых будет допускать более крутую траекторию. При этом два вида боеприпасов для тяжелых пулеметов принесут больше выгод, чем неудобств.

дов первого эшелона стрелковых рот, назначенных для ведения боя. Число взводов, составляющих эшелон огня, определяется заботой обеспечить **полноту огня**, т. е. снабдить фронт таким количеством автоматического оружия, какое необходимо, чтобы в огне не было промежутков.

Ст. 150. **База огня.** С начала наступления из исходного положения (исходной базы) **эшелону огня** обыкновенно предшествует огонь артиллерии или иногда авиации; но сверх того и во всех случаях он поддерживается и фланкируется органами огня пехоты, временно удерживаемыми на месте. Совокупность этих органов, составляемых преимущественно из тяжелых пулеметов и, если нужно, орудий сопровождения, образует базу огня. — **Ред.**

Другой основой применения тяжелых пулеметов должно быть требование, чтобы поддержка передовых рот совершалась во всех положениях. В связи с этим выступает старый вопрос о том, следует ли стрелять через головы или в промежутки или из флангового положения. Местность имеет слишком большое значение, чтобы заранее дать правила. Особенно важно оказать поддержку пехоте в критический момент вторжения[1] в расположение противника. В этом случае возвышенное положение позиции противника или, обратно, возвышенное положение пулеметов дают возможность продолжительной поддержки. Но при стрельбе из флангового положения связь с атакующей пехотой может быть потеряна. С этой точки зрения выгоднее вести огонь через промежутки. Но вообще он выгоден только тогда, когда боевая задача или местность вызывают сохранение этих промежутков.

Современное развитие стрельбы непрямой наводкой осложняет вопрос о применении пулеметов еще и в других отношениях. Исходя из того, что каждое оружие должно стремиться к наиболее производительному применению и что траектория должна быть по возможности точнее применена к местности, многие решают, что места расположения тяжелых пулеметов должны быть сообразованы с наивыгоднейшей траекторией в зависимости от данной цели. Этот взгляд, столь основательный по первому впечатлению, по существу ошибочен, так как тяжелые пулеметы в таких условиях потеряли бы всякую непосредственную связь со стрелковыми ротами и кроме того были бы вынуждены постоянно менять свои позиции в зависимости от различных целей.

Поэтому находит себе приложение другой взгляд, а именно, что тяжелые пулеметы для выполнения своих задач, а в особенности для достижения тесной взаимной работы со стрелковыми ротами должны довольствоваться более ограниченной производительностью в стрелково - техническом отношении. Однако нередко бывает, что пулеметные части принуждены действовать из расположения позади своих пехотных частей, находящихся в резерве и т. п., не

[1] Einbruch.

теряя с ними связи. Они обыкновенно не получают задач, требующих тесной взаимной работы с передовыми стрелковыми ротами, а потому при выборе их мест расположения выступают на первый план стрелково-технические требования».

Дезорти. «В организации пулеметных частей между всеми армиями без сомнения существует «большая согласованность». Но если коснуться доктрины или приемов применения, то появляются расхождения. Одни, в том числе германцы, провозглашают широкую децентрализацию... и систематически распределяют тяжелые пулеметы между стрелковыми ротами первого эшелона; французы, в особенности со времени принятия на вооружение ружья-пулемета 1924 г., высказываются напротив за строгую централизацию. Но в австрийской армии, как пишет Рендулич, замечается недостаток внимания к возможностям, открываемым стрельбой с непрямой наводкой [1]...

Подобным же образом способ поддержки пулеметами стрелковых рот открывает широкое поле для дискуссий. Должны ли они стрелять через головы или в интервалы или фланкировать? Это вопрос местных условий, как и констатирует Рендулич в полном согласии со всеми, кто изучал этот вопрос, т. е. вопрос, в котором различие местных условий не дает возможности приложить строгий принцип и требует иногда компромисса между тактической и моральной необходимостью поддержать пехоту при всех обстоятельствах и необходимостью обеспечить для пулеметов наилучшее техническое применение [2]».

VII Применение оружия навесного огня

Рендулич. «Если тяжелые пулеметы могут действовать на всякого рода местности, то нельзя того же сказать относительно других важных пехотных орудий — минометов и пехотных пушек. Мы ожидаем от минометов прежде всего поддержки против таких видов оружия противника, с которым не могут справиться тяжелые пулеметы. Эта поддержка не только желательна, но во многих случаях необходима. Но можем ли мы на нее всегда рассчитывать? Может ли быть осуществлено взаимодействие минометов со стрелковыми ротами? К этим вопросам удобнее вернуться, когда ниже мы коснемся попыток повысить наступательную силу современной пехоты.

Еще труднее, чем для минометов, условия складываются для пехотных пушек. Они должны действовать прямым выстрелом, имеют очень настильную траекторию [3], а потому большую начальную скорость и соответственно большой вес. Несмотря на это, они должны продвигаться близко к противнику, так как они должны знать непосредственно потребности пехоты в данный момент со всеми подробностями и развивать высокую точность попадания. Поэтому должно быть ясно, что для пехотных пушек будет очень трудно найти подходящие места расположения и районы движения. Поэтому пехотная пушка представляет по сравнению с другими видами оружия пехоты наибольшие затруднения для успешного применения.

Итак на многие вопросы, касающиеся применения тяжелого пехотного ору-

---

[1] К этому месту статьи Дезорти редакция «Ревю д'Инфантери» делает такие примечания: **«Идеи в области применения стрельбы непрямой наводкой эволюционировали с 1931 г., именно во Франции этому роду стрельбы отводят очень широкое место, хотя и не такое, какого желали бы фанатики стрелкового дела или стопроцентные тактики».**

[2] Дезорти, как видно, подтверждает замечания Рендулича относительно различия в тенденциях управления огнем тяжелых пулеметов во французской и в германской пехоте и зависимость способов стрельбы (через головы, с фланга и в интервалы) главным образом от местности, но умалчивает о критике Рендуличем французских взглядов на значение **«базы огня»**. Между тем с подобной же критикой выступают также и некоторые французские писатели, см. например основательную статью майора Пайэ в «Ревю д'Инфантери» за июль—сентябрь 1931 г., в которой он возражает против переоценки значения базы огня по французским уставам. По его мнению задача базы огня заключается в своевременном, но коротком обстреле лишь некоторых огневых точек в расположении противника, которые не могли быть нейтрализованы артиллерийским огнем, но было бы бесполезно и опасно рассчитывать, что средствами базы огня можно вести «непрерывный огонь по всей полосе наступления». В № 7 «Военного зарубежника» напечатан перевод части статьи Пайэ. — **Ред.**

[3] Существуют способы дать возможность стрельбы из пехотной пушки-гаубицы с различными траекториями. См. отмеченную выше статью ген. Шаллеа. — **Ред.**

жия, не так-то легко ответить. Между тем ознакомление с основами применения этого оружия по уставам всех армий оставляет впечатление, что затруднения в этом деле заметно недооцениваются. Отсюда становится понятным несколько скептический взгляд на наступление как на тактический способ действий, который касается преимущественно технической стороны принятых основ применения тяжелого оружия и организации пехоты.

Широко распространен взгляд, что пехота имеет слишком мало наступательного оружия. Главное оружие пехоты, пулемет, а в особенности тяжелый пулемет, может полностью развить свою действительную силу преимущественно только в обороне, тогда как для артиллерии напротив можно установить во многих отношениях перевес как за наступательной силой. Систематическое поражение привязанных к месту целей на стороне обороны представляется для артиллерии более легким, чем поражение подвижных целей на стороне наступления. Условия укрытия в подвижной войне играют для артиллерии подчиненную роль, так же как и потеря времени, вызываемая движением вперед по мере развития наступления, учитывая большую дальность артиллерийского огня. Использование местности представляет для артиллерии также более легкую задачу, чем для тяжелых пулеметов, так как она стреляет большей частью из укрытого расположения и совершает свои передвижения на более значительных расстояниях от противника.

Достижение перевеса пехотного огня в империалистическую войну, требовавшееся довоенными уставами некоторых армий как предпосылка успешности наступления, оказывалось как правило невозможным. Уже опыт русско-японской войны заставил задуматься над этим вопросом. Если, несмотря на это, в первое время войны наступление все же удавалось, то оно достигалось большей частью без перевеса пехотного огня — ценою огромных потерь. С началом массового применения артиллерии именно это оружие и создавало предпосылки для успешного наступления. Но даже и в этих условиях пулеметам обороняющегося часто удавалось получить перевес в огне, так как артиллерия была не в состоянии полностью ликвидировать противника. Опрокидывающая сила даже отдельных пулеметов, уцелевших после артиллерийской подготовки, часто обнаруживала неожиданную действительность.

Размышления и опыт указывают, что для ведения наступления необходимо снабдить пехоту оружием с навесной траекторией с условием, чтобы каждый отдельный снаряд обладал сравнительно большой силой и чтобы оружие это было в значительном количестве. К таким видам оружия и относятся минометы и ружейные гранаты.

Имеющиеся ныне в обращении пехотные минометы большей частью слишком тяжелы. Даже улучшенный Брандтом миномет Стокса, наиболее повидимому отвечающий требованиям пехоты, может быть рассматриваем только как оружие батальонных командиров и за исключением очень выгодных условий мало применим и в передовых ротах. Поэтому требуется снабдить также и роты очень легкими минометами в количестве 2 на роту. Эти минометы нуждаются в более ограниченной дальности действия, но не следовало бы делать их меньшего калибра, чем батальонные, и снабжать более легкими снарядами: более ограниченные требования в балистическом отношении позволят сделать их более легкими при том же калибре и при таком же снаряде.

Интересно отметить, что в итальянской пехоте нет минометов, тогда как в Германии, во Франции и в США считают необходимым иметь минометы по крайней мере в батальонах. С другой стороны итальянцы во время войны показали себя мастерами по части применения минометов всех калибров. Ныне в итальянской армии особенно ценятся винтовочные гранаты, и снаряжение итальянской пехоты этими гранатами в 10 раз превосходит снаряжение французской пехоты, причем действие каждой итальянской гранаты слабее, чем французской. Это различие в вооружении пехоты обнаруживает явное различие во взглядах на приемы ее наступления, что в свою очередь указывает, что этот вид боя представляет еще далеко не решенную проблему»[1].

[1] Рендулич не учитывает здесь особенностей боя итальянской пехоты (в горах). — Ред.

Дезорти. «Проблемы применения других видов тяжелого оружия пехоты (кроме тяжелых пулеметов), т. е. минометов и орудий сопровождения, еще труднее поддаются удовлетворительному разрешению. Эти виды оружия должны удовлетворять действительно противоположным требованиям: с одной стороны они должны обладать мощностью и достаточной начальной скоростью снаряда... т. е. некоторым весом, а с другой — тесная связь с пехотой, которую они поддерживают, предполагает, что они должны близко за ней следовать, что и ограничивает их вес. Но повидимому здесь скрывается проблема количества в такой же степени, как и проблема качества. Широко распространен взгляд, говорит Рендулич, что пехота имеет слишком мало наступательного оружия. Нужно, чтобы она была снабжена значительным количеством оружия навесного боя (минометами и винтовочными гранатами), обладающими достаточной действительностью. Нужно, чтобы рота пехоты располагала несколькими очень легкими минометами небольшой дальности, чтобы... сделать ее во многих отношениях независимой от других видов оружия [1]».

VIII. Проблема наступления пехоты

Рендулич. «Короткое определение наступления по французским взглядам — это «огонь, который движется». Управлению огнем, доведенному до мелочей, отводится во французских уставах очень большое место. Каждая форма, каждый прием действий, предписываемый или рекомендуемый уставами, направлен к лучшей действительности огня. При этом главная задача выпадает на долю артиллерии и пулеметов. От артиллерии требуется и ожидается подавляющее действие. Принципы образования «огневой базы» и ее задачи признаются отвечающими требованиям взаимодействия между передовыми ротами и тяжелым оружием пехоты, а в особенности требованиям наилучшего использования силы огня тяжелых пулеметов. Методика и организация огня — таковы лейтмотивы наступательного образа действий. Атака (штурм) и проникание (эйнбрух) — это созревшие результаты огня. Но французские военные специалисты сами подвергают критике уставные взгляды.

Осуществление ожидаемой интенсивности огневой защиты представляется невероятным, и одна из причин этого усматривается в недостаточном снабжении пехоты минометами. Во французской литературе множатся голоса, указывающие даже на болезненное «недомогание» пехоты.

Итальянцы во многих отношениях стоят на другой точке зрения. Огонь в первые фазы боя выступает у них на первый план гораздо сильнее. Но повидимому в Италии не слишком придерживаются медленного, упорного огневого боя как средства проложить путь к противнику. Господствует стремление возможно скорее достигнуть района, из которого можно было бы перейти в атаку (штурм). Стремление это вполне понятно, но важно то, что в Италии рассчитывают на возможность осуществить это на деле.

Представляется вполне последовательным, что в обеих армиях господствуют весьма различные взгляды на ту фазу наступления, которую составляют «последние 100 метров». Для французов действительность доведенного до высшей интенсивности огня представляется важнейшей предпосылкой успешности последнего удара. Винтовочные гранаты для них отступают на задний план, хотя от них и не отказываются, признавая важность их применения в особых случаях.

Итальянцы наоборот приписывают особую важность винтовочным гранатам, выбрасываемым из особой муфты, надеваемой на укороченную винтовку. И такими винтовками и гранатами вооружена вся масса итальянской пехоты. Для противника, не обладающего таким же оружием и в таком же количестве, эти гранаты без сомнения представляются страшным средством. Но оно предполагает, что боеспособные части пехоты приближаются к противнику на близкое расстояние. Сомневаться в возможности итальянского способа дей-

---

[1] К этому месту статьи Дезорти редакция «Ревю д'Инфантери» дает примечание: «Эти различные взгляды в настоящее время не только «широко распространены», но почти единогласно приняты».

ствий пока нет основания. Если есть возможность воспользоваться темнотой или не допускающим обозрения состоянием погоды, то этот способ надо признать скорее достижимым. Но выбор в этом смысле не всегда будет представляться свободным.

Различие во взглядах на продвижение к противнику и на приемы атаки имеет значение не только для ведения наступления до момента проникания на позицию противника, но и для приемов прорыва через его позицию, так как ликвидация последовательных сопротивлений противника в глубине его расположения требует постоянно нового наступления и новой атаки. И для этого боя в глубине итальянский способ действий обещает больше успеха, так как в этой фазе боя наступающий будет находиться постоянно на близких расстояниях от отдельных гнезд сопротивления противника, а с другой стороны взаимодействие родов оружия будет настолько затруднено, что представляется положительно целесообразным сделать самостоятельной даже самую мелкую пехотную единицу.

Итальянские уставы в своих основных принципах наступательного боя **весьма родственны с германским «Вождение и бой»**, а в остальном приноровлены к наступлению в горной стране. Отсюда некоторое пренебрежение к наступлению с больших расстояний и предпочтение оружию навесного действия. При этом большую роль играют боевой опыт, а также психологические соображения. Итальянцы имели особый опыт в том, что наступление, которое не удается с первого раза, вообще имеет мало шансов на успех. Французский же способ действий напротив рассчитывает на подавляющее применение материальных средств и подчинен принципам, которые ставят упорство и настойчивость выше стремительного наступательного порыва.

Мы видим таким образом, что по поводу важнейшего, решающего тактического способа действий, т. е. наступления, существует значительное расхождение взглядов. Они касаются при этом не только частностей, но и очень важных принципов. Кому решать, кто прав? Представляется вообще под вопросом, чтобы с нынешними средствами можно было найти удовлетворительное разрешение проблемы наступления и чтобы «недомогание», охватившее многие круги, исчезло в ближайшее время».

Дезорти. «Для французов наступление — это огонь, который продвигается; атака и вторжение — это созревшие результаты огня... Но осуществление интенсивности поддержки движения огнем в желаемой степени можно считать вероятным лишь при условии, как пишет Рендулич, разрешения в пехоте проблемы миномета [1]...

Итальянцы, принужденные действовать преимущественно в гористой местности, отдают предпочтение винтовочным гранатам...» [2].

IX. Проблема составления боевых уставов

Сколько бы ни было положено глазомера, рассудительности, логики и опыта на весы тактических (боевых) уставов, они в конце концов требуют, чтобы в них верили, так как последние основы и причинные связи и здесь не вполне поддаются пониманию. В каждом тактическом действии, а в особенности в наступлении выдающаяся роль принадлежит психологическому моменту. Тактически изощренный взгляд, умственная подвижность и приспособляемость, а затем моральные потенциальные способности вождей и людей должны уравно-

[1] Это место статьи Дезорти редакция «Ревю д'Инфантери» сопровождает следующим примечанием: «Этот вопрос в настоящее время решен по крайней мере принципиально, так как более или менее повсюду, а в том числе и во Франции согласны с необходимостью дать оружие с навесной траекторией во все эшелоны пехоты. Каковы будут виды этого оружия и как они будут распределяться между различными эшелонами: гранаты для бойцов, легкие мортиры, более мощные мортиры... это покажет ближайшее будущее...».

[2] По вопросу о снабжении французской пехоты оружием навесного боя полезно иметь в виду, что ген. Шаллеа в статье «Связь пехоты с артиллерией» в сентябрьском выпуске «Ревю д'Инфантери» за 1933 г. выражает мнение, что вопрос этот уже разрешается винтовочной гранатой (с условием увеличения ее дальности до 500 м) и усовершенствованным минометом Брандта (уже принятым во Франции) как батальонным оружием. В составе же полка он предлагает иметь 75-мм пушку-гаубицу (стреляющую двумя зарядами) весом 450 кг на больших колесах (диаметром 0,9 м) для увеличения подвижности. См. рецензию на эту статью в отделе библиографии. — **Ред.**

весить естественный недостаток способа действий. И этот недостаток обнаруживается большей частью лишь в момент наступления действительности. Этот факт поднимает вопрос: правилен ли тот способ, которого придерживаются различные армии, — излагать тактические основы и на них строить решение тактических проблем. Тактика зависит от множества зачастую переменных факторов, поэтому она подвержена развитию. Чем более уточнены требования устава, тем скорее они устаревают. Мы видим, что французы и итальянцы, в уставах которых много подробностей, уже выпустили после войны второе издание своих важнейших уставов. Даже англичане были вынуждены к этому, хотя их уставы вовсе не вдаются в такие подробности. Немцы, издавшие свои основные уставы тотчас после войны (в 1921 г.), еще не прибегли к новому изданию. Причина заключается в том, что немецкий устав «Вождение и бой» дает только общие основы и избегает подробностей. Развитие основ совершается постепенно. Единство взглядов может быть обеспечено подготовкой, курсами и литературой под официозным или официальным воздействием. А когда в этих условиях наконец издается новый устав, он не приносит ничего иного, кроме уже достигнутого к этому времени развития. Правда тактика сделается проблематичнее, по крайней мере в подробностях. Может явиться лишь вопрос, представляется ли это действительно выгодным. Но мы не затруднимся дать на этот вопрос утвердительный ответ, если учтем затруднения, которые возникают при решении многих проблем во всех их подробностях, и если мы признаем в самостоятельном мышлении, решимости и приспособляемости лучшее средство для преодоления того неизвестного, которое встречается в действительности [1].

X. Проблема смены частей пехоты в бою

Следствием возросших трудностей наступления явилась необходимость своевременной смены войск, ведущих бой. В подвижной войне это будет касаться главным образом пехоты, которая несет главную тягость наступления.

В позиционной войне практика смены частей обратилась в настоящую рутину. Условия для нее складываются как правило просто. Затруднения возникали лишь в том случае, если фронт находился в бою. Но вообще она производилась таким способом, что под покровом темноты новые части занимали позиции старых, а старые оттягивались назад. Смена более крупных соединений производилась в течение нескольких дней. Но в подвижной войне, в которой не имеется вполне разработанной позиционной системы и где войска не располагают таким знанием местности, смена оказывается более трудной задачей. Поэтому относительно способа исполнения смены замечаются самые разнообразные взгляды и вопрос этот, несмотря на его важность, в частности в связи с основами наступательного боя, далеко не представляется решенным. Во Франции поддерживается требование, чтобы свежие войска в соответственно расчлененном порядке проходили через район, занятый сменяемыми войсками, и таким образом продолжали бы наступление, а смененные войска оставались бы лежать, а затем собирались бы в зависимости от обстановки. Невыгоды такого способа довольно ясны. Вновь пребывающие войска могут быть большей частью ориентированы в подробностях обстановки лишь по разведывательным сводкам своих штабов, которые будут недостаточны как раз в этом отношении. Более точная ориентировка хотя бы подчиненных начальников через подлежащие смене части будет обыкновенно неисполнимой по недостатку времени и по условиям боевой обстановки. Хотя вновь прибывающие войска многое смогут почерпнуть из собственного наблюдения во время подхода, но, имея в виду многие неизвестные им важные подробности, они должны будут дорого заплатить за это. При этом энергия боевого вождения также не может не пострадать. Наконец для «исчезновения» (дезертирства) менее мужественных двери остаются открытыми. Надо к этому заметить, что во Франции указанная методическая практика смены установилась потому, что районы и ли-

[1] Дезорти не возражает Рендуличу, хотя многие французские уставы отличаются большой детализацией своих указаний. — **Ред.**

нии, по достижении которых позадиследующие войска принимают на себя задачу впередиидущих, устанавливаются заранее. Но такой способ действий неприемлем уже потому, что очень часто бывают такие случаи, когда в некоторых районах наступление неожиданно легко развивается и смена частей вовсе не представляется необходимой. Итак, как бы необходимыми ни представлялись своевременная смена войск и соответственно обдуманные меры, но шаблонный способ действия приходится признать здесь мало целесообразным.

Иным представляется решение вопроса, когда свежие войска вливаются в ранее действующие и наступают вместе с ними до тех пор, пока эти последние выводятся из боя, большей частью под прикрытием темноты или состояния погоды, не допускающего широкого обозрения. Конечно сбор сменяемых войск требует в этом случае продолжительного времени. Чтобы избегнуть скопления войск в передовом районе, следует вводить новые войска в глубоко расчлененном порядке, причем передовые их части должны быть соответственно слабее, пока сменяемые войска еще остаются впереди. Наконец в подвижной войне могут быть положения, в особенности во время перерывов боя при наступлении на позицию противника, когда смену войск можно произвести на тех же самых началах, как в позиционной войне [1].

XI. Проблема встречного боя

Этим не исчерпывается количество вопросов, еще ожидающих разрешения. Странно звучит серьезно выражаемое сомнение в вероятности встречного боя, который в германских уставах играет очень важную роль, а в австрийских стоит по своему значению на одной линии с наступлением против позиции противника. По австрийскому уставу «Вождение и бой» встречный бой имеет место, когда оба противника сталкиваются во встречном движении. Ни один из них не готов к обороне. Наступление развивается непосредственно из завязки боя. Сперва требуются только меры, чтобы достигнуть необходимой готовности к наступлению. Важнейшие основания для ведения наступления приобретаются в ходе боя. Сущность встречного боя по австрийскому уставу становится особенно ясной из противопоставления с наступлением против неприятеля, занявшего оборонительное расположение.

В том случае, когда противник готов к обороне и опередил в развертывании, требуются для наступления широкие меры подготовки. Ныне утверждают, что дело не может дойти до встречного боя, так как его исключают воздушная разведка и наземная механизированная разведка, которые могут охватить очень большой район. Французы считают при этом, что один из противников как правило решится на оборонительный бой, а потому дело сведется к наступлению против обороняющегося противника. Возможность этого разумеется не исключается, но мы должны держаться того взгляда, что кроме задачи решение начальника определяется также обстановкой и местностью. Эти два фактора принимают столь разнообразные формы, что даже, получив наступательную задачу, нужно при известных обстоятельствах решаться на оборону.

Австрийский устав кроме этого общего принципа считается с тем, что оборона также входит в круг действий авангарда. Может представиться целесообразным, чтобы авангард только удерживал достигнутый район, если местные условия явно благоприятствуют противнику. Может быть предусмотрено даже оттягивание назад авангарда, если местность представляется слишком невыгодной или противник слишком опередил в развертывании. Таким образом в противоположность французским взглядам на то, что решение обороняться принципиально должно считаться исходной данной для одной из сторон, австрийский и германский уставы придерживаются взгляда, что оборона не исключается, но никоим образом не подразумевается сама собой [1].

---

[1] Дезорти утверждает, что Рендулич «излагает различные теории, которые определяют порядок смены в различных странах», но оставляет без возражения критику Рендуличем французских приемов. — **Ред.**

[1] Дезорти лишь вскользь упоминает о взглядах Рендулича на встречный бой, не давая им оценки. — **Ред.**

XII. Сила современной обороны и общая проблема наступательного боя

Рендулич. «Наконец имеется еще одна тема, которая возвращает нас к важнейшему из проблематических вопросов, т. е. к наступлению. Мы уже указывали на раздумье, которое проявляется со многих сторон по поводу вообще его исполнимости... Мы должны признать правильным многое из подобных взглядов, ибо **сила обороны по сравнению с силой атаки без сомнения много возросла**. Не давшие во время мировой войны благоприятных результатов попытки преодолеть кризис наступательного боя применением танков ни в какой степени не получили шансов на успех. Действительность специальных противотанковых средств сильно возросла и ПТО принимает все более обещающие формы. Притом же танки представляют собой оружие, для применения которого нужны особые условия, которые не всегда имеются налицо. Надо также учитывать их применение на ограниченном пространстве, так как численность танков имеет пределы по финансовым соображениям. Можно согласиться с тем, что, снабжая пехоту наступательным оружием, можно достигнуть многого в отношении наступательной силы. Но переворота в современных тактических условиях таким способом все же нельзя достигнуть. И все же мы не должны оставлять мысли о наступлении с видами на успех, если не хотим вовсе отказаться от достижения решительного результата. Надлежит во всяком случае стремиться к созданию для наступления возможно выгодных условий. И вот в этом смысле нужно признать, что наиболее широкие перспективы наверное открываются в том случае, когда наступление производится на противника, который сам себя уже истощил в наступлении. Австрийский устав указывает на это в определениях для встречного боя, когда говорит о выгодах выжидательного исходного положения для главных сил, чтобы создать обстановку для внезапного наступления уже вполне развернутыми силами.

Мы воспринимаем таким образом идею Мольтке старшего, который по поводу решения одной тактической задачи в 1874 г. высказал, что вождение может считать свою роль выполненной в высшей мере, если оно принудит противника к наступлению и тогда сможет само перейти в наступление против истощенного противника. Это признание человека, который все операции в веденных им войнах проводил в явно наступательном духе и никогда не оказывался в таком положении, чтобы воплотить в жизнь это свое признание, представляется без сомнения достойным внимания. В нем есть нечто пророческое. Должно ли это служить указанием, чтобы найти выход из лабиринта больших и еще не решенных тактических проблем?[1]

Обработал **Ф. Огородников**

---

[1] Дезорти, не вдаваясь в подробности, отмечает лишь, что «Рендулич проводит мысль, которая представляется существенной и верной, а именно, что **сила обороны много возросла по сравнению с силой атаки**».

Нельзя не заметить однако, что Рендулич, а за ним и французский автор слишком суживают вопрос об относительных возможностях атаки и обороны, рассматривая их исключительно с точки зрения технических средств и не касаясь других данных, в том числе преимуществ, которые имеет со своей стороны наступление в **инициативе действий**. При этом даже и технические средства рассматриваются недостаточно всесторонне. Мото-механизация несомненно дает возможность развить такую внезапность удара, какая была недостижима в последней империалистической войне, а авиация открывает широкие перспективы не только для разведки расположения противника, но и для противодействия его попыткам усилить оборону под защитой уже существующих оборонительных сооружений, а также для непосредственного поражения его резервов и средств управления.

V. Проблемы военноморского дела

Контрадмирал в отставке **Гадов**

Будущее линейного корабля

(С немецкого

Die Zukunft des Linienschiffs von Konter-admiral a. D. Gadow. „Marine Rundschau", июнь 1933 г.

Адмирал Гадов, хотя и не отрицает «реальности» линейных кораблей для выполнения некоторых задач морской войны, но в общем высказывается за постройку линейных крейсеров или линейных кораблей с повышенной быстроходностью, хотя бы за счет других качеств этих судов свои рассуждения по поводу этой проблемы они прикладывают к конкретным задачам морских сил в будущих (в данное время уже назревающих) англо-французских, англо-американских и американо-японских конфликтах, в которых наиболее важное значение будут иметь атака и защита морских путей.

Борьба идей в Англии относительно права на существование класса линейных кораблей, а тем самым и «договорных» линейных сил достигает по временам остроты, напоминающей времена лорда Фишера и адмирала сэра Перси Скотта. Эта борьба будет неизбежно усиливаться по мере приближения срока пересмотра Лондонского договора в 1935 г., когда вопрос о замене достигших предельного срока линейных кораблей приобретет особую остроту. На английское решение несомненно большое влияние окажут точки зрения американского и японского флотов. Не меньшее влияние окажут также и тенденции в морской политике Франции с ее линейным крейсером «Дюнкерк», который по праву может быть назван застрельщиком в области строительства больших кораблей.

Первый морской лорд (морской министр) 5 апреля на ежегодном банкете корабельных инженеров высказал по вопросу о материалах для военного кораблестроения следующее:

«Адмиралтейство за последнее время подвергалось сильной критике, но приводимые при этом неверные доводы могут ввести в заблуждение. Указывается например на дороговизну новых крейсеров, на их чрезмерную техническую насыщенность, забывая, что в настоящее время кораблестроение повсеместно вздорожало на 100%, так как ввиду связанности определенными договорными нормами приходится при ограниченном водоизмещении вмещать в корабли максимум боевых средств, что делает их более совершенными, но и более дорогими [1].

В отношении линейного флота. Корабли устаревают. По договору мы обязаны до 1937 г. не производить замены старых кораблей новыми. Когда будет осуществляться кораблестроительная программа замены кораблей, достигших предельного возраста, некоторые из имеющихся у нас в строю линейные корабли достигнут возраста 36 лет. Имеются вообще сомнения в целесообразности больших линейных кораблей и предлагается корабль водоизмещением в 10 000 и даже 7 000 т. Подобные теории не выдерживают серьезной критики, и

[1] Он мог бы еще добавить, что вместе со стоимостью возрастут также и боевые качества кораблей и значительно усилится мощность машинных установок и артиллерии. — **Прим. автора.**

ни одна из крупных морских держав не может к ним серьезно относиться.

«Нельсон» и «Родней» (35 600 т, IX — 40,6-см) были построены, чтобы согласно Вашингтонскому договору Япония могла сохранить свои корабли типа «Музу» (34 500 т, VIII — 40,6-см), а Америка свои 3 корабля «Уест Вергиния» (34 100 т, VIII — 40,6-см). Морские державы всегда стремятся превзойти друг друга, и это так останется и впредь. Единственным действительно целесообразным решением мыслится общее соглашение о дальнейшем ограничении водоизмещения кораблей и калибра артиллерии. Мощность вооружения, требуемого тактическими и стратегическими соображениями, определяет водоизмещение корабля. Линейный корабль не может быть вытеснен следующим за ним классом — крейсером. Если это произойдет например в условиях нашего флота, то что ожидает нас — британскую мировую империю? Наша морская мощь основывается не только на активной, но и на скрытой силе. Кроме того от линейного флота зависит мощь государства не только в военное, но и в мирное время».

Нельзя не сопоставить это, повидимому столь убежденное, указание на «скрытую мощь Англии», которой Франция например не может противопоставить ничего равного по силе, с тревожными сообщениями об угрожающем росте численности французских крейсеров.

Большие английские газеты единогласно сообщают — несомненно на основании официальных источников — об «ужасающих цифрах» французских крейсерских программ. Согласно этим сообщениям Франция, закончив постройку недавно заложенных и новых крейсеров типа «Ля Глория» (7 500 т, IV — 15-см, скорость 31 узел), через 3 года будет иметь 59 крейсеров, из них 49, построенных по последнему слову техники, против 50 английских, из которых только 37 — неустаревших. Что же касается подводных лодок, которым, как считают английские газеты, не имеет смысла противопоставлять другие подводные лодки, то Франция будет иметь 124 единицы, из которых только 28 — устаревших. Тоннаж классов кораблей, которые противопоставляются подводным лодкам (эскадренные миноносцы и т. п.), сильно отстает от французского подводного флота. В 1914 г., напоминает по этому поводу «Морнинг Пост», Англия имела 127 крейсеров, Франция — 30. Германия начала подводную войну, имея всего лишь 27 подводных лодок.

На это настроение можно было бы не обращать внимания, если бы весь вопрос в целом не был так запутан. Нельзя же об'являть линейный флот «вещью, с которой нелегко справиться» [1], и прославлять его «скрытую мощь», когда в действительности с тревогой смотришь на неприятельский крейсерский флот с его возможностями уничтожения торгового флота.

Правда вышеприведенное соотношение крейсеров Англии и Франции для 1936 г. подсчитано с некоторым преувеличением, поскольку к классу крейсеров причислено 32 лидера флотилий водоизмещением 2 000—3 000 т, тогда как соответствующие 16 английских лидеров флотилий (1 700—2 000 т) сюда не включены. Но верным остается то, что Англия в отношении крейсеров далека от нормы равенства по силе с двумя сильнейшими флотами (к чему она, хотя и не открыто, но стремилась), а ныне подвергается опасности даже абсолютного превосходства со стороны только одного государства в этих важных морских боевых средствах. Появление в прессе тревожных сообщений позволяет вывести заключение, что и адмиралтейство оценивает эту опасность примерно таким же образом, хотя оно и сильно подчеркивает превосходство линейного флота.

Прежде чем глубже исследовать нелогичность этого положения, обратимся еще к некоторым голосам, на этот раз из лагеря оппозиции.

Известный противник чрезмерного увлечения техникой, капитан I ранга Бернард Акворт, работающий в настоящее время в «Морнинг Пост» и «Обсервер'е», доказывает, что английский флот в настоящее время больше не в состоянии обеспечить пути снабжения метрополии сырьем и продовольствием (степень зависимости от морской торговли определяется д-ром Корфес [2] в 82% для хлеба, 33% — для мяса и жиров, 100% — для

[1] У автора приведено французское выражение "pièce de résistance", имеющее именно указанный смысл. — **Прим. перев.**

[2] «Дейтше Вер» № 42, 43, 47 и др., 1931 г.

рудничного крепежного леса, нефти и важных материалов). Маневры по охране торговли, проводившиеся весной этого года в Бискайском заливе (чрезвычайно неблагоприятном театре, которого в случае войны транспортные суда несомненно будут избегать), показали, что треть английских торговых судов могла быть перехвачена двумя крейсерами противника, несмотря на близость своих превосходных боевых сил. Практика **воздушной охраны** торговых путей, как этого и надо было ожидать, оказалась несостоятельной по сравнению с системой конвоирования, для которой недоставало необходимых кораблей, так же как и в 1914 г. до введения этой системы было недостаточно для этой цели 127 английских крейсеров.

«Должны ли мы сделать из этого вывод, — пишет Акворт («Морнинг Пост» от 4 апреля), — что наша обороноспособность сломлена навсегда и Англия с ее мировой империей могут продолжать свое существование, лишь поскольку оно терпимо другими державами?». «Это было бы возможно лишь в том случае, если бы страна пала так низко, что предпочла бы рабство свободе». Акворт предлагает новый закон о флоте, утверждающий постройку значительного числа небольших хорошо вооруженных крейсеров с умеренной скоростью хода, по стоимости не превышающей 500 000 фунтов стерлингов каждый. «Расходы на постройку таких 50 крейсеров почти не коснутся расходных статей бюджета, если учесть привлечение к этой работе безработных, которым приходится выплачивать пособия. Эти средства пойдут целиком на обороноспособность страны, в результате чего укрепятся доверие, безопасность и уверенность по всей линии». «Первейшая обязанность английского правительства — оградить государство от такого исключительного несчастья, как поражение на море». Капитан Акворт развивает таким образом в данном случае свою известную идею о необходимости прекратить чрезмерное увлечение техникой и вернуться к более простым и дешевым боевым средствам, против которой направлено замечание в приведенной выше речи первого морского лорда. Об обновлении линейных кораблей Акворт вообще не говорит, считая это бесцельным, поскольку сказывается массовая угроза со стороны крейсеров и подводных лодок.

Не менее известный адмирал сэр Герберт Ричмонд в «Найнтин Сенчери» (январь 1933 г. [1]) с горечью пишет об «окостенении мысли специалистов», являющемся столь гибельным для флота и государства. «Страдающий этой болезнью не замечает, что его ум вследствие недостаточной деятельности костенеет и теряет гибкость». За администрированием и повседневной рутиной недостаточное внимание уделяется проблемам войны. Таким людям всякий свежий человек, высказывающий сомнение в священных основах веры и указывающий новые пути и методы, кажется еретиком. «Взгляды должны быть одинаковыми, как мундир, ереси необходимо подавлять» В качестве примера Ричмонд приводит учение о линии боя в условиях войны на море. Линия боя введена (до Рюйтера [2]) для внесения порядка и создания связи между отдельными боевыми единицами. Победа не могла быть достигнута в беспорядочной схватке при ограниченной возможности передачи приказаний. С течением времени флоты по составу делались меньше. Таким образом линия перестала быть необходимым и единственно возможным боевым строем, но в результате парализующего влияния мирного времени она превратилась в фетиш. «Не стремление к победе, — пишет Мехэн, — а соблюдение правил сделалось главнейшим». «Хоук при Финистере и Квибероне, Нельсон при Абукире и Трафальгаре одержали победу именно благодаря отклонению от официальной тактики, в то время как при ненарушаемой боевой линии всегда получался лишь длинный ряд неопределенных результатов. Старая схема победила все предложения, делавшиеся в 1910 и 1911 гг., испытать более гибкую тактику и осталась во время войны такой же жесткой, как и во времена Карла II и т. д.». Как известно, Ричмонд считает линейный бой, так же как и линейный корабль, устарелым. По его мнению водоизмещение в 5 000—7 000 т достаточно для всех классов военных кораблей, так как такие корабли всегда будут обладать определенным превосходством перед вооруженными торговы-

[1] „U S N I Proceedings“, март 1933 г

[2] Известный голландский моряк XVII в.

ми судами — массовым противником в будущей войне. Но это предложение, резко отклоняемое официальной точкой зрения (см. речь первого морского лорда), еще ничего не решает. Оно исходит главным образом из точки зрения рационализации и удешевления, а не ставит стратегическую проблему «крейсер или линейный корабль» в целом. Поэтому адмиралтейству легче с ним справиться, чем с этим принципиальным вопросом».

Из кругов господствующего направления, так же как и от более старых морских авторов, которые в большей или меньшей мере инструктируются адмиралтейством, не приходится ожидать самостоятельной точки зрения. Так бывший главный корабельный инженер Виккерса сэр Джорж Тэрстон в «Брассей'е Эннюэл» в 1933 г.[1] рекомендует тип линейного корабля (водоизмещением 25 000 т, скоростью 22 узла, VII — 15-см в четырехорудийных башнях, VIII—12-см орудий с двумя торпедными аппаратами, бортовая броня в 305 мм при соответствующем уменьшении ее в корме и в носу, с усилением башенной брони, с двумя броневыми палубами), с удивительной последовательностью продолжая консервативную традицию. Дань современности ограничивается лишь установкой катапульт, самолетов и зенитной артиллерии. Расположение артиллерии вернулось к старому принципу размещения пушек на носу и корме (так как только самые мощные или быстроходные корабли мира могут себе позволить чисто носовой огонь). Другой писатель, специалист Прендергаст, тоже («The Navy», январь 1933 г.) агитирует за «умеренные» размеры кораблей, но однако отклоняет предложение 10 000-т кораблей. Его аргументация открывает многое и не отличается скромностью. Он ссылается на возможность для многих государств, обладающих высокоразвитой промышленностью, в короткий срок и военное время построить эскадру несколько больших (по сравнению с 10 000-т), например 15 000-т, кораблей. Между тем как для Англии такая опасность быть превзойденной в постройке новых кораблей, так же как и опасность изменения соотношения боевых сил в первые годы войны, устраняется именно при водоизмещении кораблей в 22 000 т или 25 000 т, каковое водоизмещение Англия, как известно, стремится установить в международном масштабе. Интересно отметить, что это водоизмещение является как бы средним между последними проектами времен войны (48 500 т, 45-см орудия), «Гуд» (42 100 т, 38-см), «Нельсон»/«Родней» (36 000 т, 40,6-см), французским линейным крейсером «Дюнкерк» (26 500 т, 33-см) и «Дейтшланд» (10 000 т, 28-см орудие).

Английские предложения по разоружению, как известно, заключаются в следующем: норма водоизмещения линейных кораблей — 22 000 т с 28-см артиллерией или 25 000 т с 30,5-см артиллерией. Но представляется весьма существенным вопрос: находится ли Англия, так же как и другие страны, предлагающие эти традиционные типы и нормы, на правильном для себя пути и какое влияние окажет их точка зрения на развитие морской политики?

Для об'ективной оценки устойчивого линейного корабля, обладающего мощным вооружением, но тихим ходом, едва ли можно теперь еще пользоваться опытом мировой войны, несмотря на все, что было по этому вопросу сказано в полемике между Персивалем и Фишилем («Марине Рундшау», 1930 г., стр. 10, 60 и дальше). Прежде всего самый ход войны был достаточно парадоксален и во многих отношениях противоречил положениям военного искусства. Германский флот еще в то время, когда линейный корабль сохранял все свое значение, был по известным соображениям слишком поздно использован. Поэтому влияние решительного морского боя между главными силами обоих противников на ход войны не было подтверждено событиями.

Германское командование тоже по известным причинам не предпринимало регулярных сильных ударов против неприятельских коммуникаций ни во время первого периода войны в Канале, когда было больше всего шансов на успех, ни в 1918 г. против северных конвоев, когда английское командование (доклад Битти в январе 1918 г.) определенно на это рассчитывало. Если бы эти об'екты были яснее осознаны и операции производились более энергич-

[1] „Марине Рундшау", март 1933 г., стр. 99.

но, то мы обладали бы большим опытом в отношении оценки линейных сил.

Продолжавшееся годами маневрирование обоих противников с целью добиться наиболее благоприятного места и времени столкновения, так же как и Ютландский бой, не дает достаточных доказательств.

В настоящее время с появлением легких сил с большими скоростями возможно, что ситуация изменилась. Опыт итальянских маневров у Триполи, в которых линейные корабли, сопровождавшие конвои, потерпели поражение со стороны легких быстроходных сил, показал, что для ограниченных водных районов тихоходные боевые корабли по мнению итальянцев (а также и автора) потеряли свое значение. В английской специальной литературе утверждалось, что этот опыт был «инсценирован по заказу»; отозвание английской средиземноморской эскадры не было этим подтверждено.

Несмотря на это, нам кажется совершенно несомненным, что в условиях стесненного театра, который легко «простреливается» авиацией, эскадренными миноносцами, торпедными катерами и т. д., тяжелые **тихоходные** эскадры отжили свой век, хотя адмирал Пратт (США) и утверждает, что линейный корабль может победоносно противостоять всякой бомбардировке, а новый английский сетевой заградитель «Вангард» в состоянии поставить противоторпедные сети «вокруг целой эскадры, стоящей на якоре». Кто захочет проводить ночи на эскадре, защищенной по образцу боновых тросовых заграждений 20-х годов? Где может такая эскадра себя проявить? При обстреле слабо защищенных берегов? Каким образом решится исход войны, если у противника нет линейных сил или его линейные силы не вводятся в бой? Является ли обладание линейными силами традиционного типа вообще такой обязательной предпосылкой успешной океанской войны, как это мы привыкли думать? На все эти вопросы можно ответить, только проработав определенные случаи войны, опираясь при этом лишь на действительно общепринятые положения учения о войне. Непрестанное указание со стороны **Англии** на угрожающий рост **французской** опасности дает нам право в первую очередь рассмотреть этот случай войны как наиболее интересный, разумеется **строго академически**, не вдаваясь ни в какие предположения о вероятности этого случая или о **возможных поводах к войне** и т. п.

Ограничимся лишь указанием на то, что мы здесь исключаем «войну с ограниченной целью», например из-за колоний, по соображениям, вытекающим из колониально-политической обстановки (вопрос о цветных народах). Целью войны обеих сторон является просто создание или же восстановление в очень широком масштабе изменившихся условий безопасности (обеспечения) или же прекращение соперничества, сделавшегося слишком тягостным.

Поставленная цель преследуется всеми силами, но в случае безрезультатной борьбы не исключена возможность соглашения.

Приступим к самой сути дела и рассмотрим некоторые возможности ведения войны. Об'екты, от которых может зависеть исход войны, очень неравны. Ахиллесова пята морской державы (синих) заключается в ее зависимости от подвоза (цифры приводились выше). Поэтому атака континентальной державы (красных) и на этот раз, так же как обычно, будет направлена против этих коммуникаций; кроме того возможен одновременный подрыв сопротивления государства путем воздушных атак. В этом отношении отечественный флот синих может получить известное значение для обороны и контратак путем соответствующей расстановки своих авианосцев, борьбы истребителей против нападений в Канале и ответной бомбардировки по известным пунктам. Синим линейным кораблям возможно придется в этих условиях поддерживать и обеспечивать ведение воздушной войны в качестве постоянного прикрытия авианосцев, но это повлечет за собой разделение морских сил и нарушение принципа концентрации сил. Необходимо учитывать, что красные тоже имеют в своем распоряжении эскадру кораблей. Таким образом часть флота синих уже не сможет быть использована для обеспечения коммуникаций. Обеспечение будет возложено на крейсеры в составе 52 легких и 3 линейных крейсеров. Но из этих 52 крейсеров 7 10 100-т и 10—11 легких крей-

7*

серов будут находиться на иностранных станциях.

На Австралию приходится 2 больших и 2 легких крейсера. Отечественный флот теоретически располагает 6 большими и 15 легкими крейсерами, флот Средиземного моря — 4 большими и 5 легкими, всего 31 крейсер (не учитывая выхода из строя). По удовлетворении потребностей разведки и охраны на долю защиты торговли из этого числа придется очень немного. То же относится и к флотилиям эскадренных миноносцев, из которых не меньше 3—4 должны состоять при линейных силах. Охрана торговли против нападения красных будет осуществляться кроме массового использования вспомогательных крейсеров и вооруженных торговых судов также и путем установления линии блокады, которая по примеру прежних войн может быть установлена у Бреста и Тулона. Могут ли линейные корабли в современных условиях осуществлять такую тесную блокаду и препятствовать прорыву истребителей торговли, крейсеров, лидеров флотилий и подводных лодок? Могут ли быть окружены и блокированы Брест, Лориен, устье Луары и Жиронды, Рошфор и Ла-Рошелль, Тулон, Марсель, порт Вандр, корсиканские и североафриканские гавани так, как это было сделано в отношении устья рек, впадающих в Северное море? Имеются ли в Лионском заливе, даже в случае использования острова Минорка, на который и в настоящее время не так легко наложить руки, как во время войны на испанское наследство, такие же благоприятные позиции для синих, как у выходов Северного моря? Все это довольно сомнительно и не под силу значительно сократившемуся флоту синих. Торговые сообщения синих в Средиземном море, проходящие мимо укрепленных пунктов красных в Африке, едва ли удастся сохранить. Трудности будут значительно большие, чем в борьбе с германо-австро-венгерскими подводными лодками. Во всяком случае трудно себе представить, каким образом можно будет обеспечить линейные корабли синих от значительных потерь при постоянном пребывании их на линии блокады. Но блокада не окупает введения в действие почти всех боевых средств синих также и в том отношении, что она не может оказать решающего влияния на исход войны путем давления на снабжение красных по примеру всех прежних войн. Причина заключается в том, что, как известно, это давление для красных мало ощутительно (собственное снабжение хлебом, сахаром, овощами, белками и жирами, углем, водой, энергией; зависимость лишь в отношении нефти, каучука и т. п., но здесь может помочь наличие запасов). Можно было бы конечно прервать сообщение красных с Северной Африкой, но это имело бы жизненное значение для красных лишь в случае большой континентальной войны, которая здесь не предполагается. Кроме того Северная Африка сильно защищена и могла бы долго держаться. Проблема повидимому сводится к следующему: удастся ли синим закрыть по крайней мере Гибралтарский пролив, чтобы не дать возможности красным с их сосредоточенными в Средиземном море боевыми силами вести оттуда эффективную борьбу против торговли в Атлантическом океане, и какова будет роль линейных кораблей синих, представляющих в этих условиях мощную преграду против энергичного прорыва блокады, защищенную от подводных лодок? Красным было бы нелегко преодолеть эту преграду. Борьба приняла бы вероятно характер борьбы на позициях и могла бы продолжаться очень долго, истощая обе стороны, но не приводя к решительному исходу. В течение этого времени торговля синих в Атлантическом океане была бы подвержена атакам боевых сил красных, которым удалось бы пройти Гибралтар или действующих со стороны атлантического побережья при постоянном пополнении вводимыми в строй новыми кораблями. Для борьбы с этими операциями против торговли синие почти не смогли бы использовать свои линейные корабли, которые должны были бы находиться на линии блокады или же в ее районе и не могли бы покинуть эти сторожевые пункты без риска налета со стороны красных. Таким образом обеспечение коммуникаций синих протекало бы в борьбе между крейсерами, эскадренными миноносцами, подводными лодками и самолетами, причем возможно, что эта борьба привела бы к истощению обеих сторон без определенных результатов. Во всяком случае

красные имели бы определенные шансы, с которыми пришлось бы считаться. Наибольшую роль в этой борьбе играли бы не тихоходные линейные корабли синих, а главным образом быстроходные линейные корабли типа «Куин Елизабет» и в первую очередь линейные крейсеры: со стороны же красных — корабли типа «Дюнкерк». Война приняла бы океанские размеры, в нее были бы втянуты такие опорные пункты, как Азорские острова, Мадейра, Канарские острова, Дакар и даже Мартиника.

Таким образом исход войны решали бы, как во время мировой войны, не линейные силы, а другие боевые средства, производительность промышленности и внутреннее сопротивление воюющих сторон.

Учитывая расположение флота синих у Гибралтара, являющегося ключом позиции, вопрос о современном значении мощного, но тихоходного линейного флота синих в положении «fleet in being» решается положительно с точки зрения его защитников, так как он отрезает значительную часть флота красных, поскольку Гибралтар не оккупирован с суши и поскольку его закрытие для выхода кораблей из Средиземного моря не стало бесполезным вследствие предварительного вывода большей части боевых сил красных в Атлантический океан или же наконец благодаря постройке «Canal des deux mers»[1] от Гаронны до Марселя. Однако все эти мероприятия вполне мыслимы. В случае присоединения другой воюющей средиземноморской державы на сторону синих необходимость этих мероприятий становится еще более очевидной, так как военное командование красных в Средиземном море в этом случае было бы поставлено перед едва ли разрешимыми задачами; это привело бы к большой континентальной войне, которая в простом случае войны синих с красными не представляется неизбежной. Рассмотрение этого случая не входит в наши задачи.

Возможен другой вариант — выделение отрядов синих для непосредственной охраны конвоев, как это было в 1918 г. (см. выше). Границы этому разделению сил ставятся тем обстоятельством, что красные, имея эскадру из 6 линейных кораблей, использовали бы ее также в войне против торговли. Прикрытие важнейших конвоев и концентрация сил в этих условиях должны быть значительны, если хотят избежать катастрофы. В результате конвои смогут совершать рейсы лишь очень редко или будут вынуждены принимать неудобоуправляемые размеры (во время войны как максимум было установлено 30 пароходов). Во всяком случае темпы подвоза и снабжения будут значительно страдать, может быть больше, чем это допустимо.

Теперь мы рассмотрим, насколько возможно кратко, случай войны между Англией и Америкой (белой), причем мы и на этот раз тоже не будем совершенно касаться ее повода, ее немыслимости и т. п. Всякая война кажется немыслимой до первого выстрела или первого правонарушения. Нас интересует лишь вопрос о значении линейных кораблей. Неуязвимость Соединенных штатов в отношении блокады против ее торговли вошла в пословицу. Кроме чисто тропических продуктов и некоторых вспомогательных минералов США имеют все у себя. Обычные средства воздействия при ведении морской войны — блокада, угроза вторжения, овладение коммуникациями — в данном случае оказываются совершенно несостоятельными. В случае ведения войны синими из Канады в ответ на это последует завоевание Канады. Переброска войск синих в Канаду была бы невозможна. Опорные пункты синих от Бермудских островов до Тринидада при всем их значении не в состоянии больше оказывать действительно серьезного давления на противника. Кроме того их едва ли можно удержать в случае воздушной войны. Линейные силы синих при операциях на этом театре были бы обречены на весьма беспокойное существование; средства малой войны вскоре стали бы главенствующими в Караибском море и пресекали бы попытки более сильного воздействия на береговые пункты в коммуникации белых. Решительный бой в такой близости от побережья белых был бы безумным. Ему вероятно в течение месяцев предшествовало бы длительное маневрирование из-за времени и места столкновения, как это было в Северном море, причем это неизбежно привело бы к большему изнурению синих «нападающих», чем «обороняющихся» белых. Во-

[1] Канал двух морей. — **Прим. перев.**

обще же эту войну пришлось бы вести синими в совершенно другом плане, скорее у южноамериканских берегов, путем перерыва коммуникаций с Южной Америкой, разрушения североамериканского торгового положения и политического господства, конфискации заграничных владений крупных компаний, методами валютной войны, подстрекательством в тылу цветных рас (составляющих 11% населения США), как некогда индейцев и лиц английского происхождения путем пропаганды, разжигания национальных страстей и т. п. Сомнительно, достаточно ли будет этих средств воздействия, чтобы вызвать белый флот на решительный бой, и сомнительно кроме того, должны ли синие принять этот бой, так как они со своей стороны не подвергаются никакому давлению, за исключением разве угрозы в Канаде, которая вероятно с самого начала войны об'явит нейтралитет и т. п.

Обратно, какие шансы имел бы флот белых, который пересек бы Атлантический океан в восточном направлении, чтобы заставить синих подчиниться своей политике? Белые столкнулись бы с теми же затруднениями: сохранить свой флот в целости или же добиться решительного боя в благоприятных условиях. Белые обладают совершенно недостаточным числом крейсеров для ведения эффективной войны против торговли и не имеют опорных пунктов, за исключением тех, которых они смогут добиться через европейскую коалицию или же путем завладения силой (Дакар, Атлантические острова) и представляющих собою весьма скромные убежища. В случае коалиции с красной стороной, являющейся самой по себе опасной комбинацией, белым едва ли представится возможность достигнуть атлантических баз красных без решительного боя с синими. Пойти на этот бой, имея за собой 3 000 миль напряженного пути в условиях войны, является предприятием слишком нецелесообразным и фантастичным, чтобы его можно было серьезно принимать в расчет. Во всяком случае мы хотим сделать из этого вывод, что оба англо-саксонских флота, будучи противопоставлены один другому, не имеют серьезных оснований для специального типа современного или в основном сходного с ним линейного корабля. Если главное возражение США против снижения водоизмещения основывается на требовании большого радиуса действия, то это требование можно в настоящее время также удовлетворить крейсерами и небольшими броненосцами («Дейтшланд»). Но, как видно из рассуждений Персиваля («Марине Рундшау», 1930, стр. 10), основная точка зрения руководителей строительства флота США требует живучести и сопротивляемости кораблей против всех известных видов оружия (руководящая идея Тирпица), ради которых в случае необходимости можно даже несколько пожертвовать скоростью. Согласно тогдашней оценке мнения Персиваля (удостоенного премии) они, так сказать, принципиально держатся за тихоходный линейный корабль старого типа. Но так как значение подобного линейного корабля в атлантической войне довольно сомнительно, то ничего другого не остается, как рассматривать доводы тихоокеанского варианта.

О перспективах бело-желтой войны в Тихом океане сказано и написано все, что можно было сказать и написать; подробнее всего этот вопрос разработан Гектором Байутер «Война в Тихом океане». Мнения сходятся в том, что нападающий прибудет к цели с ослабленными или уменьшенными силами и не найдет для себя никаких опорных пунктов. Он не будет в состоянии принудить там противника к решительному бою, подвергаясь в то же время длительному изнурению. Линейные корабли в этих условиях не принесут никакой пользы, но зато потребуют очень значительного охранения. Рассматривался также случай англо-американской коалиции, при которой синие будут вести операции с юга Китая, а белые — из Южного моря. Это вероятно побудило бы «желтых», как откровенно заявляет Герберт Рессель (12 апреля), предварительно разрушить Гонконг и Сингапур, прежде чем прибудут большие силы флота синих, если вообще можно будет думать об их посылке.

Рассмотрим теперь ход и результаты американских маневров, имевших место в феврале этого года, у побережья Калифорнии («Марине Рундшау», май, стр. 235). Ввиду того что этот случай без всяких прикрас должен изображать

нападение со стороны японцев, его следует именно так и рассматривать. Предполагается, что Япония совершает нападение на западное побережье Америки при наличии сил, состоящих исключительно из быстроходных кораблей: 2 авианосцев, 7 крейсеров, 12 эскадренных миноносцев и 2 быстроходных (34 узла) нефтеналивных суден, отряда из 175 корабельных самолетов всех типов. Из самого замысла этих маневров очевидно, что проведение подобной операции при участии линейных кораблей со скоростью в 21 узел, т. е. максимальным крейсерским ходом 17—18 узлов, было бы совершенно бесцельно, так как неожиданное нападение на противника разумеется не удалось бы. План очевидно заключается в том, чтобы одним или несколькими воздушными налетами вывести из строя важные портовые сооружения, доки и аэродромы обороняющейся стороны и поставить весь флот обороняющегося при последующих ударах в наиболее неблагоприятное положение. Обороняющаяся сторона это правило предусмотрела и обеспечила оба важнейших участка — Сан-Франциско и Сан-Диэго (Сан-Педро) — разведкой и боевыми отрядами. Ей таким образом удалось во-время обнаружить противника перед Сан-Франциско, прежде чем его самолеты успели вылететь на рассвете, с помощью линейных кораблей заставить его принять бой и уничтожить авианосец вместе со всем соединением (дистанция боя — до 60 км). Южный отряд нападающей стороны наоборот действует успешно, проводит бомбардировку, но также встречает сопротивление со стороны линейных кораблей и ускользает лишь при использовании дымовой завесы. На следующий день этот отряд повторяет свой воздушный налет на Сан-Франциско.

Официальные выводы из этих маневров сводятся к тому, что они снова доказали ценность и незыблемое значение линейного корабля «для нападения и защиты». Правда было добавлено, что чрезвычайно желательно, чтобы линейные корабли обладали большей скоростью. Нам кажется, что в этом и заключается самая суть дела, не говоря уже о том, что имеются все же серьезные возражения против «режиссуры» маневров. Прежде всего бросается в глаза, что нападающая сторона не получила ни одного линейного крейсера. Япония все же располагает 3 линейными крейсерами типа «Конго» (28 000 т, 26 узлов, VIII — 35,6-см, XVI — 15,2-см), и представляется маловероятным, чтобы она не участвовала в нападении подобного рода. Но тогда бой с линейными кораблями противника мог бы разыграться совершенно иначе, нежели в том, когда в маневрах принимали бы участие лишь японские крейсеры и авианосец с 20,3-см пушками. Кроме того обращает на себя внимание, что нападающая сторона, обладающая быстроходными кораблями (об их повреждениях или потере скорости ничего не говорится), позволяет тихоходным линейным кораблям противника дважды ввязать себя в бой: первый раз (Северный отряд) — возможно при плохой видимости, в утреннем тумане и т. п., а вторично (Южный отряд) — при прекрасной видимости (дистанция 210 км). Создается впечатление, что линейным кораблям намеренно была дана возможность успешно проявить себя, так как желательно их сохранить, построить новые и внести на этот счет успокоение. Требование об увеличении скорости хода линейных кораблей открывает карты. Ведь обороняющейся стороне как раз и недоставало того, чем не обладала даже нападающая сторона, а именно линейных крейсеров или, если хотите, линейных кораблей, обладающих скоростью 25 узлов, что примерно одно и то же.

Теперь надо еще обдумать, можно ли считать, что на некотором расстоянии за нападающим находились главные силы японского флота. Судя по тому, какие опасности связаны с подобными походами флота, это мало правдоподобно. С другой же стороны без такого обеспечения, от которого должен зависеть исход всей операции, налеты летучей эскадры не могут иметь никакого значения для ведения войны. Они не могут служить началом вторжения в страну или потрясти государство с населением в 120 миллионов. Они могут поэтому иметь только то назначение, на которое мы указывали: разрушить опорные пункты и ослабить защиту против дальнейших нападений.

Если же вероятность последующих нападений с участием линейных сил отри-

цается, то вся идея маневра в целом теряет свой смысл.

Наш вывод заключается в следующем. США могут использовать свой линейный флот в его теперешнем составе для эффективной обороны лишь при благоприятных условиях. Флоту недостает линейных крейсеров или быстроходных линейных кораблей. Линейный флот являлся бы обеспечением тыла, но у него навряд ли были бы другие задачи кроме постоянной обороны побережья и борьбы против методов малой войны [1]. Если же исходить из того, что линейные силы японцев не будут участвовать в нападении, то линейные силы переключаются для береговой обороны и перестают быть носителями решающих наступательных действий. Последнее выпадает тогда на долю наиболее мощных и быстроходных истребителей торговли, которые должны будут опираться на такие же быстроходные вспомогательные суда (см. выше). Если Америка видит себя вынужденной к такому наступательному ведению войны, то она должна строить быстроходные корабли. Если она от этого откажется, то тем самым выскажется за чисто оборонительную войну.

Полемика Фишеля — Персиваля (см. выше) за и против большей быстроходности линейных кораблей исходит из невыясненных стратегических основоположений. Персиваль исходит из необходимости устойчивой защиты, с чем для США в известных условиях можно согласиться, и из представления о цельном, хорошо сбалансированном флоте, которому достаточно только выйти, чтобы заставить противника принять бой и добиться решающего исхода. Это представление после всего, что было сказано выше, кажется преувеличенным. Защита Фишелем большей скорости тоже основывается на идее морского боя.

Эта идея оказалась бы еще более плодотворной, если бы она поставила в центр оборону и нападение против коммуникаций. Если ответить утвердительно на вопрос о громадном значении подобного рода ведения войны, вопрос, который должен каждым государством решаться индивидуально в зависимости от его стратегических намерений и особенностей его противника, то мы придем к требованию более быстроходных типов кораблей; в отношении этих кораблей ради быстроходности придется частично пожертвовать мощностью брони или же весом артиллерии, пока существуют договорные нормы, ограничивающие водоизмещение.

Отсюда вытекает, что маловероятно, чтобы рассмотренный вопрос был урегулирован новым приемлемым для всех морским соглашением. Если США действительно считают необходимым делать упор на устойчивость линейных кораблей (Standfestigkeit) и если они сделали из маневров этого года вывод о необходимости большей быстроходности, то они возможно будут отстаивать уменьшение калибра орудий при прежнем или несколько сниженном водоизмещении. В противном случае им нечего будет противопоставить японским, английским (и французским) линейным крейсерам. Англия могла бы на это согласиться, имея пока в строю 3 линейных крейсера и 5 линейных кораблей типа «Куин Елизабет». Франция идет очевидно новыми путями и сделалась сторонницей линейного крейсера. Италия следует по тому же пути, если подтвердятся сведения о перестройке 4 линейных кораблей типа «Конт ди Кавур» (23 000 т, XIII — 30,6-см, XVI — 15,2-см, XIII — 7,6-см) с целью увеличения скорости с 21—22 узлов до 26 узлов, с затратой на это 900 млн. лир (150 млн. германских марок). Таким образом все же повидимому наблюдается тенденция к увеличению скорости, если морские державы решатся наряду с полезным для обороны и местной блокады (см. выше Гибралтар) линейными кораблями сохранить или ввести линейные крейсеры.

Во всяком случае мы очень удивились бы, если бы Англия например снова заложила корабли с 22 узлами. Впрочем многие признаки говорят за то, что и в 1935 г. этот вопрос будет обойден и возрастная граница линейных кораблей будет снова продлена. Эти выводы подтверждаются дорогостоящим переоборудованием американских, японских и английских линейных кораблей в отношении дальнобойности и непотопляемо-

[1] Две торпеды, выпущенные подводными лодками, попали в линейные корабли обороняющейся стороны.

сти, усовершенствованием приборов управления огнем и т. п.

В общем теперь уже можно считать совершенно установленным, что реальность capital ship (линейного корабля), который должен быть больше и сильнее любого истребителя торговли, не будет затронута и что все державы должны будут с этой реальностью считаться. Договорные нормы касаются лишь водоизмещения и калибра, что является вполне целесообразным. В этих пределах каждая держава будет и должна стремиться осуществить то, что ей кажется наиболее целесообразным в ее положении. В особенности это найдет свое выражение в быстроходности со всеми последствиями, которые будут из этого вытекать для остальных элементов (при данном водоизмещении).

Перевод **Травиничева.**

Рамзей

Авиабомба или морское орудие

(Самолет или линкор)

(С английского)

Ramsey. The Aircraft Bomb and the Naval Gun. United States Naval Institude Proceedings. № 367. September 1933.

Анализируя эффективность действия крупнокалиберного снаряда, выбрасываемого морской пушкой, установленной на линейном корабле, по сравнению с крупными калибрами авиационных бомб, автор (лейтенант американского флота) указывает, что его статья является ответом офицерам флота, считающим нецелесообразным иметь в составе флота дорогостоящие линкоры, при наличии многочисленной и мощной авиации. Повидимому автор поставил себе задачу доказать необходимость довооружения американского флота новыми линкорами, не забывая и об авианосцах. Ниже дается несколько сокращенный перевод.

Многие морские офицеры считают, что нет надобности строить дорогостоящие линкоры, когда имеется авиация. Общественное мнение складывается в том направлении, что будто бы морское командование либо в силу своего консерватизма, либо в силу того, что оно не умеет использовать мощь современной авиации, настойчиво цепляется за устаревшие типы кораблей, чем наносит ущерб обороне страны.

Морские силы всех типов, будь то надводный или подводный флот или морская авиация, являются прежде всего и главным образом транспортным средством, чтобы доставить оружие или специалиста-наблюдателя в избранное выгодное положение. Поскольку процесс наблюдения в свою очередь является вспомогательным в отношении применения оружия, настоящая проблема заключается не в выборе средств транспорта для оружия, но скорее в выборе наиболее подходящего типа оружия. Таким образом по существу разногласие состоит не в том, что лучше использовать — линкор или самолеты, но в том, следует ли выбрать крупнокалиберный снаряд или авиационную бомбу. В данном случае предлагают выбрать что-нибудь одно и совершенно отказаться от другого.

Сравнивая снаряд с бомбой, необходимо рассмотреть эффективность действия того и другого по одной и той же цели. От обоих типов снарядов требуется: скорострельность, точность и плотность огня, возможность использования того и другого в различных условиях времени, места, дистанции и погоды, а также сопротивление уязвимости со стороны боевых средств противника.

Рассматривая эффективность поражения цели бомбой, мы сталкиваемся с

обывательской точкой зрения, расценивающей в своих выходах эту эффективность, исходя из размеров современных бомб, которые могут быть использованы в борьбе с морским противником. Рассматривая фотографию, изображающую 4 000-фунт. (1 800-кг) бомбу весьма больших размеров, обыкновенно не задумываются над затруднениями для ее применения в морской войне. Основным препятствием является здесь тот факт, что самолет поднимает в воздух снаряд весьма ограниченного веса, в зависимости от своей грузопод'емности. Каждое увеличение военного груза делается за счет количества горючего, которое самолет может поднять. Самолет может удаляться от своего побережья для действий в море на 500 миль (800 км). Имея скорость полета 125 миль (200 км) и считая, что для выполнения боевого задания на этом удалении потребуется 2 часа, самолет должен взять с собой горючего на 10 часов полета. Чтобы самолет мог взять 1 800-кг бомбу, вооружение и запас горючего на 10 часов, надо, чтобы его полезная нагрузка равнялась 10 т. Такой под'емной силой обладают лишь самолеты огромных размеров. Хотя современное развитие авиации и позволяет сконструировать такой самолет, тем не менее надо заметить, что в силу своих больших размеров и малой маневренности, он весьма уязвим для неприятельской авиации, хотя вооружение его и может быть сделано весьма значительным. Кроме того, в силу ряда недостатков, такие большие самолеты имеют сравнительно небольшую скорость и умеренную высоту полета (потолок). Эти два фактора представляют корабельной зенитной артиллерии возможность более успешно поражать такие самолеты, так как они значительно дольше пребывают над своей целью, чем небольшие более быстроходные самолеты.

К тому же подобный самолет служит настолько выгодной целью для орудий этой артиллерии, что представляется вообще весьма сомнительным, чтобы ему удалось проникнуть до требуемого пункта для сбрасывания бомбы через находящуюся на стороже боевую линию противника, исключая случаев внезапного нападения или особенно благоприятных условий погоды. Из сказанного можно заключить, что до тех пор, пока авиационная техника не достигнет более высокой ступени развития, применение 1 800-кг бомб против надводных кораблей с самолетов береговой авиации даже на небольшом удалении от берегов представляется неосуществимым. Применять же эти бомбы для сверхдальних действий авиации, как видно из сказанного, совсем невозможно. В противовес этому может быть приведен аргумент, что в таком случае для метания больших бомб надо использовать корабельную авиацию, самолеты которой в силу незначительного удаления от своих баз не потребуют столь большого количества горючего на полет к цели и обратно, а следовательно эти самолеты будут меньше по размерам и будут иметь большую скорость полета. Такой аргумент может быть выставлен только теми лицами, которые не представляют себе, что такой самолет по своему весу будет превосходить вес самолета, когда-либо подымавшегося с палубы авиаматки, и во много раз будет превышать вес самолета, когда-либо сброшенного с катапульты.

Не следует строить предположения, что автор этих строк стремится как-либо развенчать потенциальные возможности авиации или думает, что будущее воздушного флота представляет что-либо иное, кроме самой блестящей перспективы. Приведенные выше доводы даны им только для того, чтобы подкрепить его утверждение, что изложенный им обывательский взгляд представляет один из многих примеров того, как широкая публика сбивается с толку невероятными предложениями сверхэнтузиастов, в результате которых процесс авиации страдает больше, чем от своих собственных недостатков.

Но если имеются все основания, чтобы исключить из серьезного рассмотрения двухтонную бомбу, то нельзя было бы защищать такое же исключение для бомбы вдвое меньшего веса. Правда, еще не существует самолета с промежуточной скоростью и умеренного размера, действительно способного действовать вдали от базы с нагрузкой в 2 000 фун. (900 кг).

Однако в настоящее время есть отдельные экземпляры самолетов, которые с указанной нагрузкой могут удаляться

от своих баз на 800 км. Эти самолеты предназначены не для корабельной авиации, хотя автор склонен думать, что современное состояние авиационной промышленности уже позволяет строить корабельные самолеты, отвечающие необходимым требованиям. С другой стороны такие корабельные самолеты должны иметь больший размах крыльев, следовательно число самолетов на авианосце должно быть уменьшено не только потому, что они не вместятся в ангары авианосца, но и потому, что на взлетной палубе им гораздо труднее будет двигаться. В связи с этим после всестороннего изучения вопроса приходится сделать вывод, что общий вес бомб, поднимаемых всеми самолетами одного авианосца, будет больше в том случае, когда на него базируются меньшие самолеты, хотя такой выбор и уменьшает вес отдельных бомб, поднимаемых каждым самолетом, примерно до 450 кг (1 000 фун.).

Таким образом в основу сравнения двух боевых средств мы с одной стороны должны взять 16-дм. снаряд и с другой стороны бомбу весом в 1 или 0,5 т в зависимости от положения базы самолета, поднимающего этот груз.

Приблизительно можно сказать, что снаряд этого калибра весит столько же, как наиболее тяжелая из этих двух бомб. Существует очевидно значительный простор в выборе балистических свойств в зависимости от соотношения веса гильзы к весу разрывного заряда в каждом снаряде. Пределы этого выбора в обоих случаях одинаковы, а потому, вообще говоря, каждый образец бомбы может быть балистически удвоен в снаряде и обратно, но на практике авиационная бомба, ударяющая в цель с меньшей скоростью, чем снаряд, проектируется таким образом, чтобы компенсировать недостаток пробивной способности большой разрывной силой. Другими словами на разрывной заряд приходится больший процент общего веса.

Меньшая скорость падения бомбы зависит от того, что скорость ее падения, как каждого свободно падающего тела в воздухе, возрастает под действием ускорения силы тяжести, но уменьшается от сопротивления воздуха. Аэродинамическое сопротивление возрастает математически быстрее, чем скорость падения. Поэтому в результате устанавливается положение, за пределами которого увеличение скорости падающего тела становится невозможным, независимо от того, как долго совершается падение.

Этот максимум скорости, зависящий от формы тела, называется предельной скоростью. Скорость свободного падения удобообтекаемой бомбы равняется 112 миль (180 км/ч.). Скорость падения удобообтекаемой бомбы равняется 1 200 фут. (360 км/ч.). Но для того, чтобы бомба могла развить такую скорость, она должна быть сброшена с относительно большой высоты. Скорость полета снаряда при ударе сравнительно мало зависит от его веса и является функцией его начальной скорости и сопротивления атмосферы.

Очевидно на больших дистанциях разница между начальной скоростью и скоростью падения для артиллерийского снаряда будет наибольшая, поскольку снаряд будет дольше подвергаться сопротивлению воздуха. Но даже при этих условиях скорость падения (скорость при ударе) будет больше, чем предельная скорость авиационной бомбы. Эта разница в пользу снаряда будет возрастать с уменьшением дистанции не только по причине увеличения скорости падения артиллерийского снаряда, но и по причине уменьшения скорости бомбы, сброшенной с высоты, меньшей против той, которая требуется для достижения предельной скорости.

Поэтому при оценке относительной эффективности бомбы артиллерийского снаряда большого калибра мы имеем для них теоретическое равенство в разрывной силе и большую пробивную способность на стороне снаряда. Тот простой факт, что бронебойный снаряд морского орудия несет меньше (по весу) взрывчатого вещества, чем бомбы того же веса, не может считаться аргументом в пользу относительной эффективности бомбы, поскольку выбор в проектировании снаряда остается свободным, и потому для него всегда могут быть созданы те балистические свойства, которыми предполагают доказать решительное превосходство бомбы. Если даже 4 000-фун. (1 800-кг) бомба впоследствии окажется пригодной для морской войны, то не следует забывать, что снаряд 20-дм. морской пушки будет одно-

го с ней веса. Если пока не существует 20-дм. пушек, то это об'ясняется скорее ограничениями в размерах морских орудий по международным соглашениям, чем непреодолимыми трудностями в их конструкции или обслуживании. Когда появятся двухтонные бомбы, то не будет реальных оснований к тому, чтобы будущие соглашения об ограниченном вооружении не нашли себе выражения в подобном произвольном ограничении размера авиационных бомб или в повышении максимально допустимого калибра морских орудий. В общем удар бомбы только лишь равняется удару снаряда по разрывной силе и имеет несколько меньшую пробивную способность на предельных дистанциях, на средних же дистанциях разница в пользу артиллерийского снаряда значительно возрастает. Те, кто приводят доводы, что удар бомбы действительнее, чем удар крупнокалиберного снаряда, на деле и в конечном счете защищают не самолет против линейного корабля со всеми последующими выводами, но скорее поддерживают старый и более узкий спор из области балистики между сторонниками снарядов с сильно действующим взрывчатым веществом и защитниками бронебойных снарядов.

При сравнении меткости артиллерийской стрельбы и меткости сбрасывания бомб первым вопросом является дистанция стрельбы или сбрасывания бомбы. Дальность полета больших снарядов в боевых условиях лежит в пределах от 14 до 18 км и только в исключительных условиях стрельба выходит за пределы этих цифр. Норма высоты бомбометания зависит от применяемых способов прицеливания. Если сбрасывание бомб производится с прицельным приспособлением для определения момента сбрасывания над целью, то зенитные орудия на кораблях вероятно заставят подняться по крайней мере до 3 000 м (10 000 фут.). Аэродинамические свойства больших самолетов дают основание полагать, что эти самолеты не могут подниматься с бомбами больше чем на 4 500 м (15 000 фут.) высоты. Если самолет будет сбрасывать бомбу с пикирующего полета, прицеливаясь в корабли своим самолетом, то бомба будет сброшена с высоты в 300 м (1 000 фут.) или несколько меньше. Анализируя эти дистанции, как ожидаемые боевые и нормальные дистанции, и учитывая все увеличивающуюся точность бомбометания, мы может принять, что меткость бомбы и меткость снаряда, выбрасываемого с соответствующей дистанции примерно одинаковы, если не с небольшим перевесом в пользу бомбы Бомбометание с пикирующего полета можно рассматривать как сбрасывание бомбы в упор, вследствие чего оно должно обладать большой точностью. Однако этот способ бомбометания, несмотря на большую точность, страдает тем недостатком, что при нем не могут быть использованы бомбы больших размеров. Пикирование на цель с последующим под'емом вызывает в самолете огромное напряжение, и вследствие этого применение самолетом бомб тяжелее 450 кг (1 000 фунт.) в настоящее время считается невозможным. Конечно если уменьшить дистанцию стрельбы и бомбометания, то точность поражения целей увеличится, но такие дистанции могут сложиться только в исключительных случаях, а потому ожидаемые боевые дистанции образуют наиболее подходящий базис для сравнения. Следовательно в общем выводе можно сказать, что орудийная стрельба и бомбометание с больших высот имеют примерно одинаковую точность. Бомбометание с пикирующего полета несколько точнее, но имеет недостаток, заключающийся в невозможности использовать большие бомбы.

В смысле скорострельности преимущество целиком остается на стороне больших пушек, которые могут производить выстрел быстро, через каждые 30 сек или меньше. Одиночный самолет в течение одного морского боевого столкновения должен быть рассматриваем, как однозарядный, не перезаряжаемый аппарат для сбрасывания одной бомбы. Для береговых самолетов, действующих на некотором расстоянии от своей базы, это очевидно. Корабельные самолеты могут перезарядиться, т. е. возобновить свою бомбовую нагрузку, но для этого они должны возвратиться на авианосец, возобновить эту нагрузку и горючее, снова взлететь и взять высоту и появиться на месте боя, на что требуется время, измеряемое часами.

Когда мы переходим к рассмотрению огневой мощи с точки зрения коллек-

тивных усилий (авиации и флота), то здесь преимущество переходит на сторону авиации, ибо самолеты могут начать работу прежде, чем боевая линия (кораблей) прибегнет к использованию своих снарядов. Главным фактором в этом случае будет число наличных бомбардировщиков. Если принять в расчет огневую мощь всех наличных линкоров американского флота, то потребуется приблизительно 100 бомбардировщиков (по умеренному расчету), поднимающих каждый по одной бомбе в 2 000 фун. (900 кг), чтобы выбросить по весу такое же количество металла, какое выбрасывает один бортовой залп крупнокалиберных орудий боевой линии. Если бы оказалось налицо 200 таких бомбардировщиков, то перевес воздушных сил возрос бы в отношении 2 : 1 и т. д.

Следовательно относительная плотность огня зависит от численности самолетов, принимающих участие в атаке. Если ограничить запас боеприпасов линейных сил до 100 снарядов на орудие, то для относительной компенсации этой огневой мощи потребуется 10 000 самолетов-бомбардировщиков. Такая воздушная сила и даже половина ее могли бы произвести налет на линейные силы и уничтожить их благодаря громадному превосходству в мощности огня, но осуществление такой атаки представляется совершенно фантастичным по очевидной трудности базирования и снабжения такого числа самолетов.

Теперь перейдем к рассмотрению применения того и другого видов оружия в различных условиях. Первым фактором в данном случае является радиус действия. Нами уже установлено, что самолет с полной бомбовой нагрузкой может удалиться от своей базы примерно на 500 миль (800 км). Линейный корабль с другой стороны имеет радиус действия, примерно в 8 раз больший. Линейный корабль может в течение нескольких дней маневрировать в районе ожидаемых действий, тогда как самолет ограничен в своем пребывании в воздухе небольшим запасом горючего и его полет исчисляется часами. Благодаря большой скорости полета самолетов бомбы могут быть сброшены на линкоры противника раньше, чем свой флот сблизится с ними, если начать движение своих линкоров одновременно с вылетом самолетов. С другой стороны если будет отдан приказ приготовить орудия к бою, то это займет лишь 10 мин., но для того, чтобы заправить самолеты, подвесить к ним бомбы и произвести вылет, потребуется по крайней мере полчаса времени. В плохих атмосферных условиях орудия лишь в исключительных случаях не смогут быть использованы, в то время как такая возможность очень вероятна для самолетов. Атмосферные условия скорее повлияют на использование авиации, чем флота. Можно сделать вывод, что некоторые факторы благоприятствуют использованию авиабомб, но в изменчивых атмосферных условиях более универсальны линейные силы.

Касаясь вопросов уязвимости самолетов и линейных кораблей, можно сказать, что первые защищаются своей маневренностью и большой скоростью передвижения, а вторые своей конструктивной мощью (бронированием). Отличительной особенностью корабля является его способность продолжать бой, будучи частично пораженным. Самолет вынужден садиться почти при всяком поражении. Отсюда возникает проблема сбивания самолета. Возникающие при этим трудности зависят более от большой скорости их полета и способности к маневрированию, чем от возросшей сложности стрельбы по ним из корабельных орудий в условиях трех измерений. Тем не менее явно лучшим средством является самолет, который сводит к нулю актив в балансе воздушного противника. Истребители, приспособленные для базирования на кораблях флота, обладают большой скоростью полета, маневренностью и отлично приспособлены для атаки более тяжелых и менее скоростных бомбардировщиков. Не вдаваясь в дискуссию относительно воздушного боя, достаточно сказать, что некоторый процент потерь в бомбардирующей эскадрилье можно ожидать как результат действий истребителей, а в дальнейшем уцелевшие бомбардировщики должны будут пройти через огонь противосамолетных орудий, прежде чем достигнут пункта для сбрасывания бомб. Поэтому можно с полной справедливостью утверждать, что бомбардировщик уступает линейному кораблю в способности продолжения действий при встрече с сопротивлением противника. Большинство

рассмотренных нами факторов говорит повидимому в пользу крупных орудий, и если бы пришлось сделать немедленный выбор между рассмотренными нами видами оружия, то он был бы с предубеждением не в пользу авиабомб. Однако такое окончательное решение было бы шагом назад и закрыло бы путь к дальнейшему развитию того, что сулит неограниченные возможности в будущем. Вполне возможно, что при известных обстоятельствах воздушные силы, даже в ограниченном размере, могут составить более действительный оплот для безопасности страны, в то время когда все линейные корабли находятся в плавании. Лишить самих себя такого оружия было бы равносильно тому, чтобы предоставить случаю национальную безопасность. Наоборот наиболее предубежденные (против линейного флота) должны признать, что при известных условиях полное уничтожение большой потенциальной силы авианосцев, допустит все же беспрепятственное пользование надводных сил, вооруженных пушками. Разве национальная безопасность имеет такое слабое значение, что она не нуждается в охране такими силами, которые соответствовали бы каждому положению, какое бы ни возникло? Если ответ должен быть отрицательный, то проводимая ныне морская политика, требующая постройки и поддержания уравновешенного флота с полным развитием всех видов оружия — надводного, подводного и воздушного, — представляется здравой и логичной.

Чтобы полнее осветить вопрос, рассмотрим логический результат того положения, которое сложилось бы, если американский флот отказался как от бомбардировщиков, так и от крупнокалиберных пушек. Отказавшись от бомбардировщиков, мы имели бы возможность предоставить наши авианосцы исключительно для разведчиков и истребителей, что значительно усилило бы разведывательные способности флота, равно как и его оборонительную мощь по отношению к неприятельским самолетам. С другой стороны это избавило бы противника от необходимости подготовиться к серьезным воздушным атакам за исключением тех случаев, когда боевые столкновения можно с уверенностью предположить в пределах досягаемости базовых самолетов. В таких условиях противник может увеличить свою наступательную мощь против американского надводного флота и сохранить за собой угрозу серьезного воздушного нападения на американский флот.

Если лишить флот его линейных сил и тем самым его крупных орудий, то флоту придется произвести в своем составе изменения, что не так легко сделать. В таком случае надо будет построить новые авианосцы, самолеты и подготовить в большом количестве новых летчиков. До тех пор пока не войдут в строй авианосцы, линейные корабли должны находиться в составе флота. В этот период реорганизации потребуется большое число личного состава, но с того момента, как закончится реорганизация, много личного состава останется свободным и подвергнется всем бедствиям и сокращениям. Допустим, что опасный переходный период пройдет благополучно. После реорганизации флот будет состоять из главных сил авианосцев с придачей большого числа крейсеров, эсминцев и подводных лодок. Главной задачей вспомогательных классов кораблей и авианосцев будет обеспечить главные силы авианосцев разведкой и защитой от легких сил противника. Главные силы флота будут избегать столкновений с надводным флотом противника в силу уязвимости авианосцев. Это потребует непрерывного маневрирования флота на больших скоростях, что повлечет за собой большой расход горючего за счет уменьшения района действия флота. Это затруднит защиту более близких американских владений (Гавайские острова, Панамский канал) и сделает практически невозможным защиту более отдаленных владений, что будет иметь своим результатом далеко простирающиеся политические осложнения.

Правда, что авианосцы могут иметь достаточные размеры, чтобы нести более значительный запас горючего, но более мелкие корабли будут сильно ограничены в своих действиях отсутствием быстроходных, обладающих большой грузопод'емностью судов для горючего (нефтяников). Отсутствие линкоров повлечет увеличение уязвимости всего флота, поскольку в его составе бу-

дет больше авианосцев. Некоторые военные специалисты считают, что 900-кг бомба может потопить или вывести из строя любой корабль боевого флота кроме линкора и крейсера. Если одной из воюющих сторон будет известно, что в составе неприятельского флота нет линкоров, то это поведет к тому, что будет уменьшено число бронебойных зарядов, за счет которых будут использованы фугасные снаряды. В результате действие неприятельских снарядов крупных калибров (по слабее забронированным кораблям) будет не менее эффективно, чем действие авиабомб, и мы можем ожидать потери одной из единиц флота при каждом удачном попадании снаряда или бомбы. Вообще говоря, если в составе флота не будет линкоров, то он будет иметь следующие недостатки: большую уязвимость, особенно от внезапных атак; невозможность защитить свои заморские владения, как это делает современный флот; необходимость избегать встречи с главными силами противника; меньший район действий и неспособность использовать свое наиболее действительное оружие при таких же широких колебаниях в состоянии погоды, как это доступно для более уравновешенного флота [1]. Относительное преимущество такого флота (т. е. более уравновешенного) в большей скорости и большей огневой мощи едва ли могут быть сбалансированы.

В заключение приходится сделать такой вывод:

1. Крупные морские орудия являются в настоящее время самым действительным оружием в морской войне.

2. Авиация является скорее дополнительным, нежели подчиненным, и потому важным оружием.

3. Постройка и содержание уравновешенного флота из всех классов кораблей имеют важное значение для национальной безопасности.

Перевел Ч—в.

[1] A more balanced fleet Как видно, автор подразумевает флот, составленный из всех важнейших типов кораблей, в том числе как из линкоров, так и авианосцев. — **Ред.**

Г. Байуотер

Современное морское вооружение

(С английского)

(Modern Naval Armament „Army Ordnance“, May—June 1933).

Настоящая статья известного английского писателя по военноморским вопросам Г. Байуотера имеет главной целью обосновать возможность ограничения тоннажа в морском флоте с дальнейшим развитием артиллерии, которая является важнейшим видом морского оружия.

Но поскольку калибры артиллерии ограничены международными договорами, он подчеркивает необходимость главным образом развивать усовершенствования в области материала и конструкции орудий. Байуотер считает, что существующая на кораблях зенитная артиллерия не сможет отбить налета быстроходных бомбовозов, но все же окажется в состоянии отразить атаку торпедоносцев. Но вообще он признает невозможным точно определить потенциальные возможности авиации.

От редакции

Автор озаглавил свою статью «Современные морские вооружения флота», но в действительности он пропагандирует идеи британского адмиралтейства о том, какие корабли нужны для английского флота на данном этапе.

Огромные, разбросанные по всему земному шару, британские колонии для своего удержания требуют морского флота колоссальной численности. Строить кораблей много, строить корабли с большим водоизмещением, мощным вооружением и броней в настоящее время британскому империализму уже не под силу.

Отсюда понятно то положение, что английское адмиралтейство является инициатором и пропагандистом идей ограничения тоннажа и вооружения кораблей морского флота. Не же-

лание избавиться от «фетишизации материальной части», как заявляет Байуотер, а страх, что современное состояние военноморского строительства, при котором более богатый хищник может построить более мощный морской флот и ограбить награбленное, толкает английских империалистов на ограничение тоннажа.

Мы не согласны с автором, что артиллерийское вооружение недостаточно прогрессировало после мировой войны. Нижеприведенная таблица свидетельствует о значительном прогрессе в этой области.

Группа артиллерии	Артиллерия периода 1901—1920 гг.		Артиллерия периода 1920—1933 гг.	
	углы возвышения	дальнобойность (каб.)	углы возвышения	дальнобойность
Крупная артиллерия	15°—25°	90—130	до 40°	150—250
Средняя артиллерия	25°—30°	60—90	40°—65°	130—200
Мелкая артиллерия	25°—3[illegible]°	[illegible]5—60	45°—[illegible]0°	45—90

Применение спаренных и строенных установок для всех без исключения калибров, внедрение электросварки вместо отливки, применение свободного лейнерования и пр. резко повысили боевые элементы современной морской артиллерии.

Автор заявляет, что современные крейсеры вашингтонского типа настолько маложивучи, что при первых же столкновениях легко будут уничтожены. Мы к этому вопросу подходим более осторожно. Последние крейсеры этого типа обладают сильным бронированием, следующая таблица подтверждает эту мысль.

Наименование корабля	Год спуска	Скорость (узлов)	Бронирование мм		
			Пояс	Башни	Палуба
Тренто (Италия)	1925	35,5	76	—	50
Пола (Италия)	1930	32	170	127	70
Турвиль (Франция)	1926	35	38	—	—
Альжери (Франция)	19[illegible]1	32	140	—	—

Одним из неизбежных результатов морского разоружения является замедление прогресса в развитии морского оружия. После мировой войны в этой области не было тех революционных изменений, которыми сопровождались первые 14 лет нашего столетия. Так за сравнительно короткий период — 1900—1914 гг. — морская артиллерия всех калибров, равно как и методы применения этого оружия подверглись таким изменениям, настолько усовершенствовались, что о каком-либо сравнении боевых элементов артиллерии 900-х годов и артиллерии 914-х годов не может быть и речи. В 1900 г. стандартным орудием крупного калибра являлось 12″ орудие (30.5-см), которое имело максимальный угол возвышения 15—16° и скорострельность в условиях боевой действительности 1 выстрел в 50 секунд (следует помнить, что эти условия резко отличаются от условий мирной обстановки, а следовательно вносят соответствующие коррективы в показные достижения мирного времени). Орудие стреляло только прямой наводкой.

К 1914 г. на вооружении уже состояли 13,5″, 14″ и 15″ орудия (34,3-, 35,6- и 38,0-см) длиной в 45 калибров, в производстве находилось 14″ (38,0-см) орудие в 50 калибров и в стадии разработки — 16″ (40,6-см) орудие длиной в 45 калибров.

Наводка и заряжание орудий к этому времени настолько усовершенствовались, что скорострельность артиллерии самых крупных калибров достигала 2 выстрелов в минуту. Увеличение угла возвышения до 20° и применение научных методов в области управления и корректировки огня почти удвоили дальнобойность артиллерии всех калибров. К ноябрю 1918 г. на вооружение британского флота поступило 18″ (45-см) орудие со снарядом весом в 3 200 фунт. (1 450 кг), имелись рабочие чертежи на 20″ (40,8-см) орудие.

В нашу задачу не входит разбирать здесь вопрос о том, насколько вообще

были желательны или необходимы флоту эти крупнейшие пушки.

В течение первых 3 лет после окончания мировой войны великие морские державы были заняты перевариванием военноморской техники, оставшейся от мировой войны, и не были склонны на рискованные и дорогостоящие опыты по конструированию новых видов морского оружия. Правда в это время проектировались корабли колоссальных размеров, например: в Англии — линейный крейсер водоизмещением в 48 000 т и линкоры в 50 000 т с 18″ артиллерией; в США — 12 линкоров по 43 000 т с 16″ пушками; в Японии — корабли примерно равного тоннажа и вооружения.

Но уже в 1918 г. решения Вашингтонской морской конференции стали на пути прогресса морских вооружений. Со всех сторон появились тенденции затормозить постройку новых кораблей (линейных). В дальнейшем изложении я коротко остановлюсь на основных экономических и политических факторах, которые весьма глубоко и осязательно определяли (и никогда так резко не определяют, как сегодня) развитие флотов, ибо игнорировать этими фактами нельзя.

Здесь не стоит перечислять лимиты огневой мощи военных кораблей, установленные Вашингтонской конференцией. Достаточно указать, что этим договором калибр орудий для линейных кораблей и крейсеров ограничивается 16″ и 8″ соответственно. Впоследствии были предприняты некоторые шаги, главным образом Великобританией, с целью еще резче понизить артиллерийское вооружение линкоров. На Женевской конференции в 1927 г. британцы внесли предложение ограничить калибр артиллерии линкоров до 13,5″.

С тех пор они снизили предлагаемый лимит даже до 12″ и готовы согласиться и на 11″ калибр, если вооружение крейсеров будет сведено к калибру порядка 6,1″. Пока все эти предложения не получили всеобщего признания, так как до сего времени нет достаточных предпосылок для претворения их в жизнь. Лица, выдвигавшие эти предложения, видимо руководствовались двумя соображениями: во-первых свести стоимость боевых кораблей до таких размеров, чтобы можно было без крайних финансовых напряжений, когда пробьет час, заменить все корабли своего военного флота, а во-вторых стремлением покончить с фетишизмом материальной части, который привел нас к современным чудовищным пушкам и кораблям. После мировой войны в британских военноморских кругах велись бесконечные дискуссии о том, что же является идеальным линкором. Когда в 1919 г. началось обсуждение этого вопроса, ортодоксальные положения на этот счет, представленные адмиралтейством, и положения, выдвинутые более молодой школой мышления — активными работниками флота, — разделяла громадная пропасть. Адмиралтейство видело современный идеал такого корабля в сверхдредноуте (суппер-Худ), который обладал бы мощной 16″ артиллерией, скоростью более 30 миль в час и толстой броней, покрывающей его целиком. Все это определяло тоннаж такого корабля не менее 50 000 т. Вопрос стоимости почти не принимался во внимание, ибо тогда еще мыслили масштабами расходов военного времени — несколько миллионов меньше или больше на каждый корабль казались пустяками.

Однако люди, тщательно изучившие военноморскую историю, полагали, что адмиралтейство стоит на неправильном пути. Они доказывали, что морские бои, как прошлые, так и современные, решались кораблями средних размеров, что в отношении мощности увеличение водоизмещения корабля никогда не давало никакого выигрыша, наконец что политика нагромождения орудий и тоннажа не выдержит критики, когда на сцену выступят экономические факторы. Проще это положение можно пояснить следующим образом: два враждебных флота, состоящие каждый из кораблей водоизмещением по 35 000 и вооруженные 16″ артиллерией, представляют собой в отношении боевой мощи то же равновесие, что и флоты, состоящие из кораблей половинного тоннажа и вооружения в отношении первого случая.

Политика лорда Фишера в вопросах строительства дредноутов должна раз навсегда и всем показать, что превосходство на море не может быть обеспечено большим количеством сверхмощ-

ных кораблей. Лорд Фишер в своей простоте (трудно об'яснимой для такого государственного ума) полагал, что, строя дредноуты, он ставит палки в колеса Германии, которую он считал не обладающей ни техническими, ни финансовыми возможностями для строительства линейного флота, равного британскому по тоннажу и вооружению. Мы все теперь знаем, как горько просчитался лорд Фишер: Германия не только переняла британский опыт строительства флота, но развила его и дополнила. Аннулирование британского додредноутного флота, насчитывающего 40 кораблей (два против одного Германии), позволило Германии вступить в соревнование с Британией в области строительства новых линейных кораблей. А как блестяще она использовала эту прямо небом ей посланную возможность, доказал Ютландский бой.

Возвращаясь к вопросу строительства флота, вопросу, который после войны разделил взгляды адмиралтейства и левого крыла, необходимо отметить, что в последующие годы эти два течения пришли к некоторому компромиссу. По самой пессимистической оценке 3 из 5 офицеров, возглавляющих флот Великобритании, имеют в данное время единую точку зрения на материальную часть. Основные пункты, по которым пришли к одному мнению, заключаются в следующем:

1. Линкоры больше всего подходят для флота Великобритании и должны иметь артиллерию калибром на 3 или 4 дюйма больше калибра артиллерии современных крейсеров.

2. В случае если остальные державы придут к соглашению (но не иначе), можно спокойно установить для линкоров будущего стандартное водоизмещение в 22 000 т и вооружение — 11" пушки. Предлагаемый тоннаж является необходимым и достаточным, чтобы обеспечить надежное бронирование и защиту как от надводного, так и от подводного противника.

Что касается крейсеров, британцы придерживаются в этом отношении той точки зрения, что корабль водоизмещением в 7 000 т и вооруженный 6" пушками вполне отвечает своему назначению. Крейсеры водоизмещением в 10 000 т с 8" артиллерией (крейсеры вашингтонского типа) вызывают резкое порицание со стороны военноморских специалистов, как гибриды, рожденные скорее политическими соображениями, чем стратегической необходимостью. Вашингтонские крейсеры заранее обречены благодаря своей исключительной уязвимости. Корабль этого типа не может выдержать того воздействия, которому он будет подвержен в бою. Не говоря уже об иных соображениях, возмутительна и неприемлема сама мысль послать 700 офицеров и матросов на крейсере, который будет выведен из строя первым же метким залпом, первым же взрывом мины или торпеды у его борта. Чтобы заранее предотвратить возможные недоразумения, отмечу, что это не мое личное мнение, а мнение многих видных британских экспертов (сер Вильям Ж. Берри, бывший директор морских сооружений, сэр Джон Тюрстон, видный морской инженер), критикующих британские крейсеры именно этого типа (10 000 т). Слова эти постольку же относятся ко всем кораблям того же типа, поскольку всей семье плавающих вашингтонских крейсеров свойствен общий недостаток — именно большая уязвимость. Уязвимость эта является следствием того, что требования быстроходности и мощи артиллерии поставлены во главу угла, что в свою очередь не позволяет достаточную защиту корабля как в надводной, так и в подводной его части.

Каждый малознакомый с морской артиллерией — профессионал или любитель — безразлично станет на сторону энтузиастов артиллерии более крупного калибра. Если все прочие качества равны, лучше иметь орудие покрупнее. Оно дальнобойнее, разрушительнее и пробивает более толстую броню, чем орудие менее крупного калибра. Однако мы не можем отделить орудие от его установки на корабле. Неизбежным следствием этого положения является то, что калибр артиллерии определяет собой и размеры кораблей.

Современные методы управления артиллерийским огнем требуют многоорудийной артиллерии. В редких случаях (например британские линейные крейсеры «Renown» и «Repulse», герман-

ский броненосец «Deutschland») ограничиваются установкой 6 орудий, что практически означает залп только из 3 орудий. Такое количество артиллерии на современном корабле считается обычно недостаточным. Для обеспечения хорошей вилки необходим одновременный залп по крайней мере из 4 пушек. Поэтому идеальный корабль должен быть вооружен не менее чем 8 крупными орудиями. Если рассчитывать линкор с восемью 16" пушками и в то же время иметь в виду достаточную скорость и бронирование корабля, потребуется водоизмещение не менее и даже несколько более 30 000 т. С другой стороны, уменьшая калибр артиллерии, можно как следствие значительно понизить и водоизмещение корабля. Обобщая, приходим к заключению, что восемь 14" или 13,5" орудий могут быть установлены (с соблюдением всех прочих необходимых условий) на корабле в 27 000 т; восемь 12" орудий на корабле в 24 500 т и восемь 11" на корабле в 22 000 т.

Перейдем теперь к рассмотрению факторов, которые определяют собой выбор калибра главной артиллерии линкоров. Важнейшими из таких факторов являются число и калибр орудий, установленных на линкорах других флотов. Приведем пример. Если бы, несмотря на договор, ограничивающий калибр артиллерии кораблей этого класса ниже 16", какая-либо из стран, подписавших договор, оставила бы на вооружении своих кораблей 16" артиллерию или же намеревалась бы вооружить пушками такого же калибра свои будущие корабли, остальные державы вынуждены были бы перевооружить свой линейный флот, перейдя на тот же калибр. Великобритания об'явила свою готовность ограничиться 11" орудиями при непременном условии, что этот калибр будет принят как международный стандарт для вооружения линкоров. Однако нет никаких оснований добиваться математической тождественности калибров. Недостаточно доказана разница мощи 16" пушки по отношению 15"; 14" — по отношению к 13"; 12" — по отношению к 11" и т. д. Поэтому нельзя безапелляционно утверждать заранее, что корабли с менее крупной артиллерией по отношению к своему противнику всегда обречены на поражение. В бою у Фальклендских островов наглядно выявились все безрассудство и бесполезность противопоставлять 8" орудия 12". Ютландский же бой как будто бы доказал, что 11" и 12" орудия при условии искусного управления огнем и при условии защиты корабля, на котором они установлены, мощной броней способны противостоять значительно более сильному оружию. Правда условия, при которых произошел Ютландский бой, отличались известным своеобразием. Недостаточная живучесть некоторых британских кораблей привела к картинным результатам стрельбы германских кораблей, и поэтому пожалуй вредно, основываясь на опыте одного лишь этого боя, делать непреложные и слишком ранние выводы. Другим фактором являются меткость и дальнобойность стрельбы, ударное и разрушительное действие снаряда. Как известно, орудия крупных калибров помимо всего прочего отличаются от мелких калибров большей меткостью и дальнобойностью. В свою очередь из этого положения вытекает вопрос о дистанциях, на которых будут завязываться и будут решаться морские бои. По этому вопросу военноморские специалисты не имеют единой точки зрения.

В большей дискуссии, которая предшествовала решению США увеличить угол возвышения на своих старых линкорах, многие специалисты категорически утверждали, что дистанция в 32 км — дистанция, на которой в будущей войне будут решаться морские столкновения. Вместе с тем это же означает расстояние, на котором меткость и кучность стрельбы необходимы и достаточны, чтобы уничтожить или вывести из строя противника. Британские эксперты, поскольку их мнения опубликованы в печати, очевидно полагают, что расстояние в 20 км является предельной дистанцией, с которой возможно иметь достаточную меткость и попадание и то лишь при условии благоприятной погоды.

В мировой войне предельной дистанцией, на которой велся артиллерийский бой, была дистанция в 19,2 км. Огонь с подобной дистанции был открыт во время Ютландского боя 5-й броненосной

эскадрой (типа Q. Elisabeth с 15″ орудием) по германским крейсерам.

Интересно отметить, что во время операций британских мониторов у берегов Фландрии эти малоподвижные корабли неоднократно нащупывались германскими береговыми 15″ орудиями, с дистанции 29,2 км. Мы можем только преклонить голову перед искусством германских артиллеристов. Искусство это неоспоримо, даже если учесть все преимущества, свойственные береговой артиллерии по отношению к корабельной в части стабильности установки, наличия службы наблюдения посредством привязных аэростатов, тщательной организации береговых укреплений и исключительной дальнобойности артиллерии береговой обороны.

Лично наблюдая много стрельб британского флота в Северном и Средиземном морях, приводимых из пушек всех существующих ныне калибров, я посмею вмешаться в спор специалистов и поднять свой голос любителя. Мнение мое заключается в следующем: в любой (за исключением совершенно не обычной) обстановке морские орудия существующих образцов при стрельбе с помощью совершеннейших новейших приборов управления артиллерийским огнем никогда не могут обеспечить достаточную меткость на дистанциях свыше 22 км. Это утверждение не означает, что никогда не будет попаданий с расстояний, превышающих эту дистанцию, но это явится счастливым исключением, а не правилом.

В хорошую погоду и прекрасную видимость при боевых столкновениях возможен артиллерийский огонь на предельных дальностях орудий, имея в виду желание командиров кораблей в самом начале боя нанести противнику материальный и моральный урон. Однако если этим командирам не удастся получить попаданий, то огонь после первых же залпов очевидно ими же будет прекращен до сближения на дистанции решительного боя. Всякий осмотрительный и осторожный командир не согласится зря растрачивать драгоценный боезапас, ведя безрезультатный огонь на предельных дистанциях. Нельзя же забывать, что боезапас на современном линкоре выражается примерно в количестве 80 выстрелов на каждое орудие. С другой стороны если одна из сторон откроет огонь с предельных дистанций, другая вынуждена будет ответить хотя бы из тех соображений, чтобы поддержать на соответствующей высоте дух своих матросов. Все офицеры, обладающие боевым опытом, в один голос заявляют, что самая дисциплинированная команда проявляет беспокойство и нервность, если свои пушки молчат и не открывают ответного огня по противнику. Поэтому в дополнение ко многим факторам, требующим наибольшей дальности морских орудий, надо отнести и фактор психологического порядка.

Перейдем теперь к разрушительному действию снарядов. Большинство линейных кораблей современных флотов защищены толстой броней, покрывающей все жизненные части его корпуса. Учитывая опыт мировой войны, можно полагать, что процентное отношение брони и прочих элементов корабля скорее будет возрастать в пользу брони, чем в пользу других его элементов. Отсюда вытекает, что артиллерия линкоров и линейных крейсеров должна быть настолько мощной, чтобы быть в состоянии пробивать на средних дистанциях самую толстую броню. Здесь несомненно то положение, что более крупное орудие будет обладать бесспорным превосходством, но в таком случае надо учитывать определенные, с этим связанные невыгоды. Однако отсюда не следует делать заключения, что для вывода корабля из строя или для того, чтобы его утопить, необходимо и обязательно пробить снарядом прочные броневые плиты его корпуса над ватерлинией. Изучение морских боев приводит к следующим интересным выводам: за небольшим исключением («Indefatigable» и «Lutzow») ни один из линейных кораблей или крейсеров во время Ютландского боя не был выведен из строя снарядом, пробившим бортовую броню.

Наиболее разрушительные по своим последствиям были попадания в башни. Такие попадания привели к гибели «Queen Mary», «Invincible» и вероятно «Defence». В отношении «Indofatigable» данные противоречивы. Большинство склоняется к тому мнению, что снаряд, попавший в башню, пробил осколком

поврежденное раньше броневое покрытие артпогреба и вызвал взрыв всего корабля. Гибель германского крейсера «Lutzow», затонувшего ночью, приписывают попаданиям двух 12" снарядов с «Invincible». Эти снаряды пробили броню ниже ватерлинии в носовой части корпуса корабля в такой точке, где броня очевидно не превышала 6". Бортовая броня «Princess Royal» толщиною в 9" в одном месте была насквозь пробита германским 12" снарядом. Как полагают, это единственный пример, когда толстая броневая плита была пробита насквозь. В остальных случаях броневые плиты были либо вдавлены либо разворочены ударами снарядов, но тем не менее повреждения были столь же серьезны, как если бы плиты были пробиты. Благодаря хорошему качеству трубок германские снаряды обладали исключительной разрушительной силой, потому что взрывались внутри пробитых ими башен или во внутренних помещениях корабля. В этом отношении британские снаряды значительно уступали германским, хотя и они иногда давали хорошие результаты (например несколько попаданий 15" снарядов совершенно исковеркали и сожгли две защищенные толстой броней башни на «Derflinger'e»).

Бесспорно трубки и разрывной заряд имеют громадное значение для разрушительного действия снаряда морского орудия. Во время войны германский флот по отношению к британскому отличался в этой области артиллерии явным преимуществом. Германцы затратили массу времени и средств для получения хорошего снаряда, обладающего большей бронепробиваемостью. Их труды полностью увенчались успехом. В германской технической литературе после войны было полностью опубликовано, какими путями и способами шли разработка и усовершенствование этого изумительного снаряда. В британском флоте боезапас крупной артиллерии периода мировой войны заставлял желать многого. Для снарядов бронебойного типа лидит оказался слишком чувствительным взрывчатым веществом, а другое взрывчатое вещество, тротил, более устойчивое и обладающее не меньшей силой взрыва, по некоторым причинам тогда не было использовано. В соответствии с этим бронебойный снаряд (AP) 15" артиллерии, наиболее мощного и меткого оружия британского флота, был начинен обыкновенным порохом и поэтому действие его взрыва естественно было ограничено. Об этих снарядах один германский офицер, корабль которого получил несколько попаданий этими снарядами, писал: «Разрывной заряд снарядов крупной артиллерии не соответствовал их калибру. Попадание снаряда вызывало сильный удар, но эффект взрыва был незначительный».

Со времени Ютландского боя британским адмиралтейством было много сделано для того, чтобы усовершенствовать снаряд крупного морского орудия. Работа над усовершенствованием боезапаса началась немедленно после того, как изучение результатов Ютландского боя показало крупные недостатки снарядов, состоящих на вооружении британского флота. Ниже по этому поводу приводится следующая цитата, взятая из книги Джеликко «Британский флот» (Гранд Флит):

«Ютландский бой доказал нам, что наш бронебойный снаряд уступает по своему действию германскому. Сразу же после боя я вошел с соответствующим представлением, указывая на необходимость немедленно заняться опытами и изысканиями в этой области.

Бронебойные снаряды старого образца того калибра, который был главным в Ютландском бою, при косом ударе проникали в броню на известную глубину и разрывались, не пробив ее. Поэтому они и не могли поразить жизненных частей неприятельского корабля. Снаряды того же калибра, но нового образца (1917), обладая большой разрушительной силой, могут при косом ударе пробить броню вдвое толще и взорваться во внутренних помещениях корабля. Если бы наша артиллерия во время Ютландского боя имела эти новые бронебойные снаряды, большинство германских кораблей отделались бы не только некоторыми повреждениями, но были бы окончательно выведены из строя и не смогли бы вернуться в свои базы. К концу 1917 года производство этих снарядов для флота уже шло полным ходом».

До сих пор не выяснен вопрос, почему британский флот до Ютландского боя не был обеспечен действительно-бронебойными снарядами. Британские морские авторитеты должны были бы предвидеть, что все германские линкоры обладали исключительной живучестью. Опытные стрельбы по бронированным целям должны были бы выявить недостатки снарядов довоенных образцов. Вероятно такие стрельбы у нас вообще не проводились, в то время как у германцев подобные стрельбы были обычным делом. Британские артиллеристы руководствовались очевидно тем принципом, что ни один корабль, как бы мощна ни была его броня, не сможет долго выдержать сотрясений, вызываемых детонацией. Это предположение в свою очередь основывалось на опыте Цусимского боя, когда русские корабли были уничтожены японскими фугасными снарядами, заряженными шимозой (пикриновая кислота) и обладающими тонкими стенками. Однако в этом случае русские броненосцы не имели сплошного бронирования. Стандартный русский броненосец 1904—1905 гг. имел надежный броневой пояс лишь по ватерлинии. К тому же, имея в виду перегрузку русских кораблей, пояс этот часто оказывался под водой. Бортовая броня над этим поясом была или недостаточно толста или вовсе отсутствовала. В итоге большая часть корпуса оставалась незащищенной, и этот факт конечно не могла не учесть японская разведка.

Германские линкоры, участвовавшие в Ютландском бою, в отношении системы бронирования резко отличались от русских кораблей. Бронирование германских кораблей было разработано и осуществлено на основе научного анализа этого вопроса. Крепления броневых листов противостояли простому эффекту детонации, а сама броня была рассчитана так, чтобы противостоять удару снаряда и не допустить пробоины. В отношении крупных военных кораблей необходимость всего вышеизложенного признана всеми. Однако чрезвычайно странно, что это положение совершенно игнорировалось при проектировании послевоенных легких крейсеров. Легко представить себе восхищение артиллериста, который увидит перед собою незащищенные корпус и борта 10 000-тонного «вашингтонского договорного» крейсера, и злорадство, с которым он прикажет зарядить свои башенные орудия фугасными снарядами.

Неофициальный плебесцит, проведенный не так давно среди моих знакомых в британском флоте, выявил разительное сходство мнений в отношении требований, которые следует пред'явить к будущему линкору.

Признавали необходимым стандартное водоизмещение такого корабля в 25 000 т. За небольшим исключением все голосовали за главную артиллерию, состоящую из восьми 13,5" орудий, и противоминную артиллерию, состоящую из двенадцати-шестнадцати 6" орудий. Броня, по мысли всех голосующих, должна быть на таком корабле максимальной толщины при обеспеченной скорости хода в 21 узел. Почти никто не сомневался в том, что такой корабль может выдержать бой с кораблем противника в 35 000 т и вооруженного 16" артиллерией. Приведем одну выдержку: «Мы (эскадра, состоящая из кораблей водоизмещением по 25 000 т и вооруженных 13,5" артиллерией) можем отрыть огонь с любой, допускаемой пределом видимости, дистанции, мы будем стрелять быстрее и благодаря этому быстрее достигнем победы. Раз накрытие имеется и попадание обеспечено, остальное сделают наши 1 400-фунтовые снаряды».

Перейдем теперь к противоминной артиллерии линейных кораблей. Общепризнано, что 6" орудие является наименьшим допустимым калибром для этой цели и что всякое другое орудие меньшего калибра не в состоянии будет своим огнем отбить атаку современных эсминцев. Более того, если противоминная артиллерия в достаточной степени не забронирована, то она и прислуга, ее обслуживающая, в начале столкновения будут выведены из строя и в дальнейшем, в критический момент боя, окажутся неспособными защитить корабль от жестокой атаки миноносцев.

Проявляются тенденции установить даже мелкую артиллерию в башнях, достаточно защищенных если не от прямых попаданий снарядами крупных ка-

либров, то по крайней мере от их осколков. Щиты, которыми во время мировой войны закрывались орудия, на самом деле оказались убийственными ловушками. Некоторые возражают против установки нескольких орудий в одной башне, приводя в качестве аргумента то положение, что этим значительно понижается скорострельность, хотя одновременно и создаются известные удобства в отношении управления артиллерийским огнем. Ответ на эти рассуждения может быть только один: в первую очередь необходимо обеспечить живучесть артиллерии и прислуги. На линкоре «Malaya» во время Ютландского боя бортовой плутонг 6" орудий был целиком выведен из строя пожаром, вызванным попаданием двух германских снарядов (орудия плутонга имели лишь тонкую переборку между собой). Если бы эти орудия были установлены в башнях или были бы разделены надежными броневыми переборками, плутонг остался бы в строю. Однако по пути концентрации орудий в одной установке можно зайти слишком далеко. На новом французском крейсере «Dunkerque» противоминная артиллерия состоит из шестнадцати 6,1" орудий, скученных в четырех четырехорудийных башнях. В такой тесноте трудно избежать толкотни и неразберихи при работе прислуги у орудий, что безусловно в свою очередь отрицательно отразится на скорострельности.

На многих современных линкорах и крейсерах различных флотов противоминная артиллерия установлена с таким расчетом, чтобы иметь возможность вести огонь при очень больших углах возвышения, т. е. возможность обстреливать воздушные цели. Это влечет за собой (что понятно каждому знакомому с морской артиллерией) крупные усложнения в части заряжания, наводки и управления огнем. Сомнительно, насколько выгодны эти новшества.

Проблема стрельбы по зенитным целям все еще далеко не разрешена. Основываясь на личном опыте, я считаю, что зенитная артиллерия в том виде, в каком она существует сейчас, не сможет отбить налета быстроходных бомбовозов. Все же вероятно она окажется в состоянии отразить атаки торпедоносцев. Сейчас нельзя точно определить потенциальных возможностей наступательных действий авиации. Во всяком случае не дело конструктора боевых кораблей и конструктора морских вооружений решать эти вопросы. Поскольку компетентные в военноморских вопросах как европейские державы, так США и Япония считают линкоры и крейсера основной силой на море, постольку мы должны признать, что корабли этих классов будут существовать и в будущем, пока конечно их боевая ценность не будет развенчана горькими испытаниями войны.

Поэтому пока артиллерия стоит во главе угла морского оружия, прогресс этого оружия приобретает огромное жизненное значение. Поскольку договора ставят пределы калибрам артиллерии, постольку надо итти по пути изыскания в области металлургии, в области методов производства орудий, имея в виду обеспечить большую живучесть орудия и увеличить его меткость. Важно также усовершенствовать механизмы заряжания, для того чтобы достигнуть большей скорострельности, усовершенствовать методы управления артиллерийским огнем и поставить производство более усовершенствованных снарядов. Изыскания такого рода тормозятся гнетом финансовой депрессии. Однако, несмотря на депрессию, можно признать (если адмиралтейство могло бы быть общительнее), что за последние десять лет все же много сделано в области техники морской артиллерии. Приняв, что орудию обеспечена известная стандартная меткость, решающим фактором морских сражений завтрашнего дня явится скорострельность морской артиллерии. Поскольку совершенства достигнуть возможно лишь практикой, постольку необходимы частые артиллерийские стрельбы в условиях, весьма близких к боевой действительности. Ирония судьбы заключается в том, что высокая стоимость боезапасов современных крупных морских орудий голосует против частых учебных стрельб. Орудия любого существующего сейчас линкора стреляют с полной боевой нагрузкой вряд ли и 15 минут в году.

Перевод **О. Л. Киселевой**.

VI. Японские взгляды в области стратегии и тактики

Михаси

Методические разработки по тактике танков японской армии

(С японского)

От редакции

Печатаемая нами работа представляет собой сокращенный перевод из книги «Тактика боя танков на картах и на местности», написанной начальником учебно-танкового отряда пехотной школы в Тиба, майором Михаси, и изданной в марте 1933 г.

В своей книге автор дает методическую разработку применения танковых частей в разных видах боя. В настоящем номере «Военного зарубежника» нами печатается разработка для занятий на карте применения танков НПП при прорыве оборонительной полосы противника.

Вполне естественно, что метод разработки еще не может дать представления о применении танков японской армией. Он лишь свидетельствует о том, что в связи с внедрением в армию танков японское командование начинает уделять серьезное внимание изучению тактики применения танков и в первую очередь применению танков НПП.

Хотя работа майора Михаси и не рекомендована военным ведомством как официальное пособие, однако нет сомнения в том, что она отражает точку зрения японского командования, поскольку майор Михаси является лицом, стоящим во главе обучения танковому делу офицеров танкового корпуса.

ДЕЙСТВИЯ ТАНКОВ НПП ПРИ ПРОРЫВЕ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ПОЛОСЫ ПРОТИВНИКА

А. ОСНОВНОЕ ЗАДАНИЕ

I. Общая обстановка

1. Восточная армия (синие — около 4 дивизий), развернувшись на линии Усуи — Сиёдагаока — Тиба, начала наступление с утра 9 сентября на западную армию (красные — около 2½ дивизий), занимающую позиции главными силами по линии Симотакано (в 4 км к западу от Усуи) — Камиёкодо (около 1 км к северо-западу от Уная) — Инаго и частью сил по линии Отакэ (в 1 км к западу от Усуи) — Уная — Куродзуно.

2. 1-я дивизия, на которой лежит задача наступления совместно с соседней справа 3-й дивизией в направлении главного удара армии, заняла позиции противника по линии Уная — Наганума и вышла к вечеру на линию высоты западнее Уная — Наганумадай. На этой линии дивизия по приказу армии остановилась на ночлег с целью возобновить наступление на рассвете следующего дня. Приказ по дивизии на наступление см. ниже.

Положение дивизии к наступлению темноты 9 сентября — см. на схеме 1.

Расположение правофланговых частей дивизии см. на схеме 2.

Примечания. 1. Организация — по штатам военного времени; первый танковый батальон состоит из 4 рот.

2. Тип танков — Рено, легкий танк.

3. Организация и вооружение противника в общем одинаковы с таковыми «синих».

II. Распределение частей 1-й дивизии для наступления

Части правого фланга:

Начальник правофланговых частей — командир 1-й пехбригады ген.-майор Н.

1-я пехбригада.

1-я и 2-я легкие танковые роты.

2 отделения кавалерии.

1-й дивизион горной артиллерии (без 3-й батареи).

1-я инженерная рота (без 1-го и 2-го взводов).

Части левого фланга:

Начальник частей левого фланга — командир 2-й пехбригады ген.-майор А.

2-я пехбригада (без 4-го полка).

3-я легкая танковая рота.

1 отделение кавалерии.

3-я батарея горной артиллерии.

1-й и 2-й взводы 1-й инженерной роты.

Артиллерия:

Начальник артиллерии — командир 1-й тяжелой артбригады ген.-майор Б.

1-й полевой артполк.

1-й отд. полк горной артиллерии (без 1-го дивизиона).

1-я тяжелая артбригада (без 2-го полка).

Инженерные части:

1-й инженерный батальон (без 1-й роты).

Резервные части:

4-й пехполк.

4-я танковая рота.

Авиация:

1-я разведывательная авиарота.

III. Приказ по 1-й дивизии

«Казармы 4-го тяжелого артполка.

9 сентября, 8 часов пополудни.

1. Положение противника против фронта дивизии — см. на прилагаемой схеме.

Армия возобновляет наступление на рассвете завтра. Направление главного удара армии остается попрежнему против фронта 3-й и 1-й дивизий. Армия имеет задачей прорвать центр расположения противника.

3-я дивизия развертывается к северу от леса, что восточнее Утияма, 2-я дивизия развертывается к югу от высот, что западнее Иппонмацу. Обе дивизии также возобновляют наступления завтра на рассвете.

Разграничительные линии с соседними дивизиями остаются прежние.

Артиллерия армии главным образом подавляет артиллерию противника на участке западного берега р. Ханамигаза.

Авиация армии должна завтра на рассвете захватить господство в воздухе.

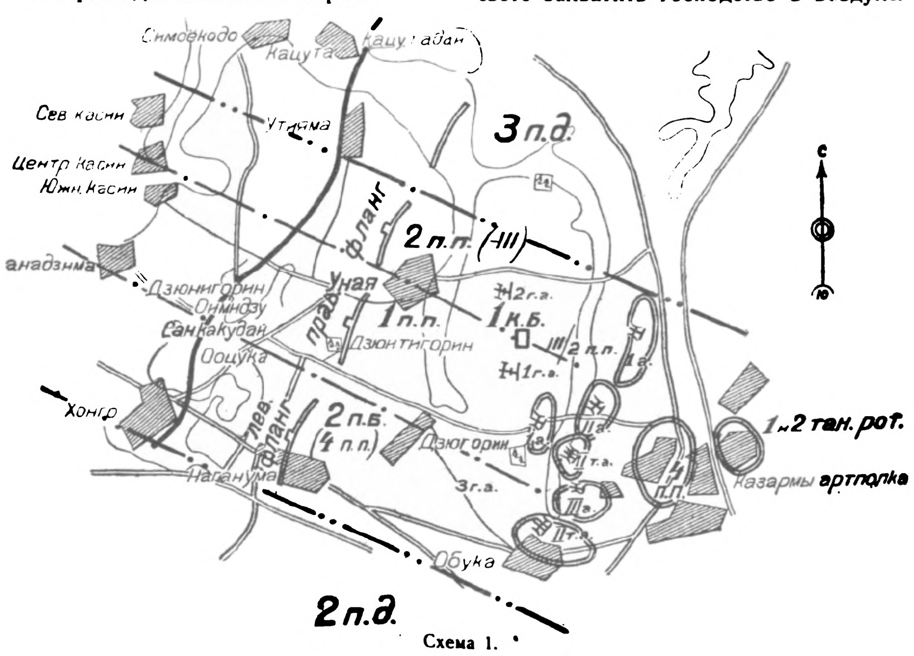

Схема 1.

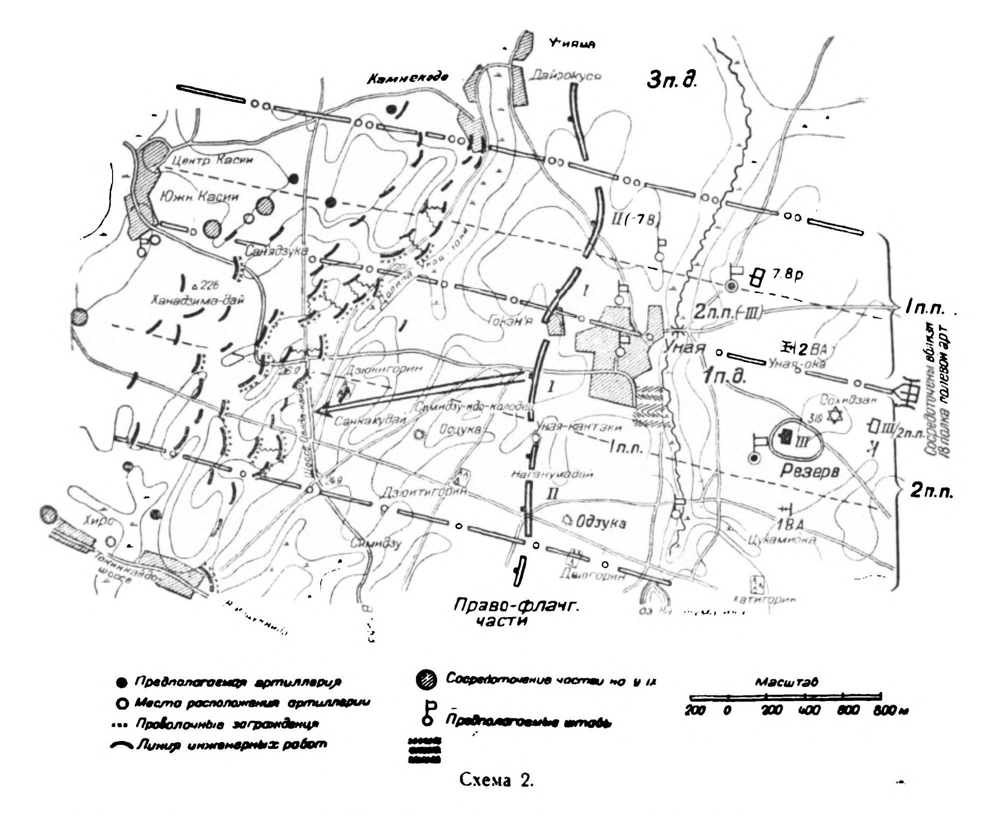

Схема 2.

Зенитная артиллерия армии назначается главным образом для обеспечения ПВО 3-й и 1-й дивизий.

2. Дивизия начинает наступление завтра на рассвете. Направление главного удара дивизии — на Санкакудай.

3. Как правофланговые, так и левофланговые части дивизии должны использовать предрассветные сумерки, чтобы выдвинуться до линии высоты к северо-западу от Гокен'я — Ооцука — западная окраина Наганума и с рассветом перейти в наступление, имея в первой линии танковые части.

Разграничительная линия боевых участков правого и левого флангов: выс. 23,3 на восточной стороне оз. Нагану-маикэ — южная опушка леса Дзюгорин — выс. 24,7 на дороге Овада—Кайдо — окраина Ханадзима.

4. Наступление начать после подготовительного огня артиллерии. О времени будет особый приказ.

5. Артиллерии подготовиться к огню на основании нижеследующего плана и прилагаемой схемы 4 и на рассвете открыть огонь. До 2 часов ночи часть артиллерии должна перейти и занять позиции на участке к востоку от линии западная окраина Уная — западный берег оз. Нагаанумайкэ.

Артиллерии придается 2 самолета.

План огня артиллерии

Первый период (с началом рассвета до подготовки пехоты к атаке, около 1 часа):

разрушительный огонь по позициям противника;

подавление артиллерии противника со стороны, которой угрожает наибольшая опасность;

с началом наступления часть артиллерии подавляет противотанковые батареи противника.

Второй период (во время атаки):

огонь дымовыми снарядами по первой линии противника во время атаки;

подавление участков атаки обоих флангов;

подавление наиболее опасной артиллерии противника;

часть артиллерии подавляет противотанковые батареи противника.

Третий период (расширение результатов боя):

артиллерия меняет позиции уступным порядком и действует совместно с частями правого и левого флангов;

подавляющий огонь — по участку западного берега р. Ханамикава;

беспокоящий огонь, отрезающий пути.

Для настоящего наступления артиллерия может использовать следующее количество огнеприпасов:

полевая и горная артиллерия — до 500 выстрелов на орудие и

тяжелая артиллерия — до 150 выстрелов на орудие.

6. Инженерные части, оказав помощь артиллерии при перемене позиций, направляются в резерв и действуют вместе с резервными частями.

7. Резерв располагается в котловине к востоку от горы Оохидзан и затем по мере продвижения правофланговых частей следует за их левым флангом.

8. Авиация с наступлением рассвета направляет главные силы на разведку расположения противника против фронта дивизии к востоку от линии Кайядамаци — Кэмигава и часть сил авиации назначается для связи первой линии танков пехоты с артиллерией.

2 самолета придаются артиллерии.

9. Части обоих флангов должны непосредственно установить связь и взаимодействие с артиллерией и авиацией, а также непосредственно согласовать свои действия с подготовительным огнем артиллерии.

10. Связь (выпускается).

11. Снабжение (выпускается).

12. Санитарная служба (выпускается).

13. Я нахожусь в казармах 4-го тяжелого артполка и на рассвете прибываю в район Обука.

Командир дивизии, ген.-лейтенант (подпись)».

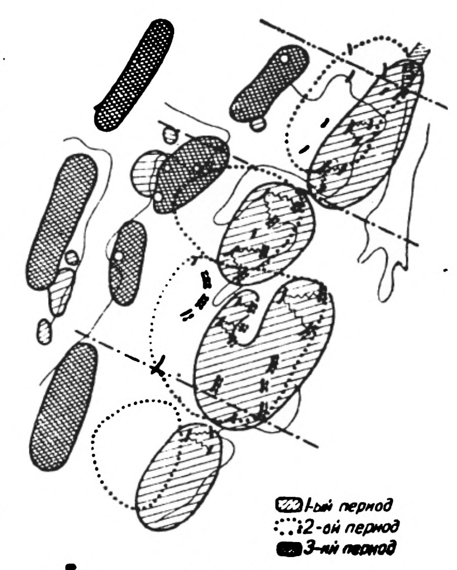

Схема 3.

Способы доставки приказа: предварительно приказ передается по телефону, затем в отпечатанном виде рассылается частям.

Б. ОБ'ЯСНЕНИЯ К ОСНОВНОМУ ЗАДАНИЮ

I. О распределении танковых частей

Танковые части как правило придаются соединениям, действующим в направлении главного удара. Как только принято решение о боевом порядке армии, все танковые части, или главные силы, должны быть в срочном порядке распределены по дивизиям. Распределение зависит от обстановки, но обычно 1 дивизии должно быть придано не меньше 1 танкового батальона.

Как только командир дивизии принял решение о боевом порядке дивизии, главные части танковых соединений должны быть распределены по пехотным бригадам; командиры бригад придают танковые части подчиненным им полкам, а командиры полков в свою очередь распределяют танковые части по пехотным батальонам первой линии.

Обычно танковый взвод ведет бой с непосредственным подчинением командиру пехотного батальона. Придание

танкового взвода пехотным ротам делается лишь в крайне редких случаях.

При распределении танковых частей должны быть учтены положение противника, условия местности и количество пунктов, на которые должна быть произведена атака танков. Во всех случаях танки должны эшелонироваться в глубину и действовать по всей глубине расположения противника. При решении настоящей задачи это требование также принято во внимание.

II. Обязанности командиров танковых частей во время боя

Командир танкового батальона находится при командире дивизии; в основном на нем лежат следующие обязанности:

а) разведка противника и местности, имея в виду применение танков и предоставление командиру дивизии материала, необходимого для принятия им решения;

б) участие в разработке плана боя дивизии, доклад командиру дивизии своего мнения о применении танковых частей;

в) руководство службой тыла танковых частей;

г) руководство развертыванием танковых частей;

д) согласование вопросов взаимодействия с другими частями, связанными с боем танков;

е) наблюдение за движением других частей, имея в виду вопросы, относящиеся специально к движению танков;

ж) доклады командиру дивизии по вопросам использования танкового резерва дивизии.

Командир танковой роты находится при командире части, которой придана танковая рота; в общем его обязанности одинаковы с обязанностями командира батальона. Иногда командир роты на танке командира роты сам лично выезжает в боевую линию и способствует осуществлению плана командира части, которой придана рота.

На командире танкового взвода лежит обязанность непосредственного руководства боем.

В настоящей задаче правофланговым частям придано 2 танковых роты, но, несмотря на это, командир танкового батальона в качестве советника командира дивизии по вопросам применения танков должен находиться в штабе дивизии.

III. Танки не примеяются для атаки полосы охранения или для атаки передовых позиций противника, а направляются для атаки на главные позиции противника

Ввиду того, что применение танковых частей связано с большими расходами и затруднениями в их пополнении, а также в связи с тем, что применение танков должно быть скрыто возможно дольше от противника, танки не должны использоваться для атаки передовых позиций или позиций охранения противника. Основное правило применения танков заключается в том, чтобы их направлять на атаку главных позиций противника, где более всего необходимо участие танков в бою. Ввиду этого при решении настоящей задачи применение танков начинается с момента атаки полосы главных позиций противника.

IV. О наступлении на рассвете в случае применения сильных танковых частей

Атаку, в которой участвуют танки, наиболее выгодно производить на рассвете. В этом случае, как и обычно при атаке на рассвете, подготовительный огонь артиллерии начинается с рассвета, но пехота не ожидает результатов артиллерийской подготовки, чтобы начать движение вперед, а стремится вместе с танками возможно ближе подойти к противнику, пользуясь предрассветными сумерками. Этим сокращаются потери от огня противника. С наступлением рассвета начинается атака. Ввиду того, что часть задачи по разрушению искусственных препятствий, которая возлагается на артиллерию, может быть выполнена танками, до некоторой степени сокращается необходимость артиллерийской подготовки. Однако и в этом случае артиллерия открывает огонь на рассвете, стараясь заглушить им шум от движения танков и разрушить позиции противника.

При решении настоящей задачи пехота и танки, пользуясь предрассветными сумерками, сближаются с противником. Одновременно с этим артиллерия откры-

вает огонь. Кратковременная артиллерийская подготовка, продолжающаяся на рассвете, предусмотренная планом использования артиллерии в настоящей задаче, об'ясняется тем, что силами одних танков невозможно сделать многочисленные проходы в искусственных препятствиях, необходимые для атаки пехоты.

V. О применении артиллерии

Применение танков несколько видоизменяет использование артиллерийского огня. Необходимо артиллерию использовать таким образом, чтобы сравнительно большая масса артиллерийского огня была направлена в те пункты, на которых нельзя использовать танки.

При решении настоящей задачи главная масса артиллерийского огня направлена на позиции противника на западном берегу долины р. Уная, так как применение танков в этом пункте невозможно. Применение танков в данном случае возможно лишь в направлении главного удара, т. е. на Санкакудай.

В. ВВОДНАЯ ЗАДАЧА № 1

Обстановка

1. Командир 1-й танковой роты производил разведку по указанию командира танкового батальона. В 20 час. 15 мин. начальником правофланговых частей был получен вышеуказанный приказ командира дивизии. Начальник правого фланга приступил к составлению плана наступления завтра на рассвете; в составлении плана принимает участие командир 1-й танковой роты. Ему известен план командира правого фланга, который заключается в следующем: 2-й пехполк (без 3-го батальона) разворачивается к северу от линии южная окраина Гокен'я — выс. 20,1 — северная окраина Среднего Касии; первый полк разворачивается к югу отсюда, 3-й батальон 2-го пехполка — в резерве.

2. В результате разведки командиру 1-й танковой роты известно, что местность к западу от долины Унаятани и Камиёкодо лесиста и не проходима для танков.

3. Командир танкового батальона дает следующие распоряжения, касающиеся батальонного резерва:

«Батальонный резерв до 3 часов находится в казармах 18-го артполка. Части резерва готовятся для снабжения действующих частей горючим и маслом, а также для замены в случае порчи танка первой линии».

Задание по 1-й вводной задаче

Дать за командира 1-й танковой роты соображения о руководстве боем танков для наступления завтра на рассвете (за исключением вопросов, касающихся взаимодействия с артиллерией и авиацией).

Об'яснения к 1-й вводной задаче

1. Действия танков должны находиться под болшим контролем, чем действия прочих частей; поэтому считается целесообразным, чтобы командир правого фланга в настоящих условиях дал указания: о сосредоточении танковых частей в окрестностях Уная, об исходном пункте для атаки танков, о времени вступления танков в бой и о сборном пункте танков после прорыва позиций противника.

2. О вступлении танков в бой и о подготовке их к этому. Исходный для атаки пункт должен быть расположен возможно ближе к линии противника, поскольку это возможно, с учетом скрытности передвижения танков. Небольшое количество легких танков Рено может сблизиться с противником до расстояния 600 м ночью, не обнаружив шумом своего движения к противнику. Однако для выдвижения до означенной линии 2 рот танков во-первых требуется довольно значительное время, а во-вторых имеется опасность открытия их разведкой противника в течение этого времени. если ими не будут использованы условия местности.

Кроме того при данной обстановке линия Гокен'я — Уная-кантэки, проходящая приблизительно в 600—700 м от противника, в настоящее время занята нашей пехотой и поэтому выдвижение танков до этой линии может только внести беспорядок. Ввиду этого, учитывая обстановку, более целесообразно провести подготовку танков в районе Уная и уже после этого под прикрытием предрассветных сумерек и применяя артиллерийскую подготовку выдвинуть их до линии Гокен'я — Уная-кантэки, где они

должны занять исходное для атаки положение.

3. Решения, в которых не используется артиллерийская подготовка перед рассветом для выдвижения вперед танков, мы считаем неправильными.

4. Распределение танковых сил. Правильным распределением танков будет придание танков 1-му пехполку главных сил и оставление части танков в резерве.

Некоторые решения предусматривали распределение танков поровну между обоими полками или же придание танков 1-му пехполку главных сил, выделяя часть их для 2-го пехполка. Однако такое распределение было бы неправильным ввиду того, что в районе действий 2-го пехполка невозможно применение даже части танков, так как перед пози-

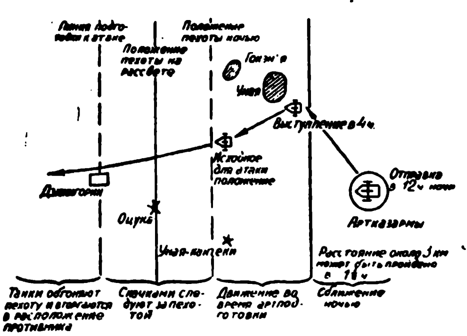

Схема 4.

циями противника имеются заболоченные поля, прохождение через которые для танков невозможно; в глубине же расположения противника имеются большие леса, также представляющие препятствие для движения танков.

Далее мы считаем правильным введение в первую линию по возможности большего количества танков, но все же необходимо, чтобы часть их была выделена в резерв. Резерв танков необходим для того, чтобы отразить возможные контратаки противника во время боя внутри расположения противника и в других непредвиденных случаях. Особенно нужно иметь в виду возможность перехода противника в атаку из района Ханадзима. Кроме этого резерв необходим для взаимодействия с пехотным батальоном, находящимся в резерве правого фланга, при вступлении его в бой для расширения результатов наступления.

Учитывая вышесказанное, мы считаем целесообразным часть танков, а именно 1 танковый взвод, оставить в резерве.

5. Расчет времени начала движения танков. Исходя из предположения, что танки производят подготовку к бою в районе Уная и уже после этого на рассвете занимают исходное для атаки положение, можно произвести следующий расчет времени.

Считая, что на подготовку танков в районе Уная необходимо около 2 часов времени и что артиллерийская подготовка начнется в 4 часа, необходимо, чтобы танки прибыли в район Уная к 2 часам.

Расстояние от Уная до казарм 18-го пехполка, учитывая местность, может быть пройдено приблизительно в 1½ часа. Таким образом, давая некоторый запас времени, необходимо назначить отправку танков из 18-го пехполка, в котором они находятся в настоящее время, в 24 часа (12 часов ночи).

6. Подготовка к бою. В районе Уная танковый взвод запасается из ротного резерва горючим, производит чистку моторов и разведку местности и противника. В случае необходимости производится ремонт дорог. Кроме этого необходимо согласовать вопрос о дальнейших действиях с командирами частей, имеющих непосредственную связь с действиями танков.

7. Расчет времени движения танков может быть представлен на следующей схеме 4.

Проект решения 1-й вводной задачи

(Соображения о руководстве боем танковых частей правого фланга)

I. Общие указания

1. Под прикрытием ночной темноты танки сосредоточиваются в окрестностях Уная, где производится подготовка к бою. Затем на рассвете они занимают исходное для атаки положение на линии Гокен'я — Уная-кантэки, одновременно с окончанием артиллерийской подготовки они начинают движение вперед, выходят перед пехотными частями, вторгаются в позиции противника и поддерживают наступление пехоты.

II. Распределение танков

1-му пехполку придаются 1-я и 2-я танковые роты (без 1-го взвода); 1 взвод 2-й роты оставляется в резерве.

III. Руководство боем

а. Подготовка к бою. Танковые части выступают из казарм 18-го артполка в 12 часов ночи. К 2 часам они собираются в окрестности Уная и здесь производят подготовку к бою.

В течение этого времени должны быть проложены пути для танков через болотистую местность с северной стороны колодца Киомидзу и к западу от плотины Оцука.

В предрассветные сумерки танки занимают исходное к атаке положение на линии Гокен'я — Уная-кантэки. Резервный взвод находится на юго-восточной окраине Уная.

б. Ход боя. С окончанием артиллерийской подготовки танки первой линии в удобный момент выступают из занимаемого ими исходного для атаки пункта, выходят вперед артиллерии, прорывают позиции противника и после этого, сламывая сопротивление противника и поддерживая пехоту, продолжают наступление в направлении на линию р. Ханамикава. После прорыва позиций противника и выдвижения пехоты до линии р. Ханамикава танки сосредоточиваются в нижеуказанных пунктах, приводят в порядок части и готовятся к дальнейшему движению вперед.

Пункты сбора танков: выс. 27,1 по дороге Овада (котловина к югу от этой высоты) — мост Наганума, котловина около выс. 25,4 на дороге Ханадзима.

Взвод, находящийся в резерве, движется вперед за центром первой линии.

IV. Связь

Связь командира танкового батальона с командирами танковых рот поддерживается главным образом посредством телефонной связи команды связи танкового батальона и при помощи радио.

Связь между командирами танковых рот поддерживается при помощи радиосвязи и посредством телеграфной связи частей пехоты.

Связь между командирами танковых рот и дивизионной артиллерией поддерживается при помощи телефона, радиотелеграфа и зрительной сигнализации.

Связь между танковыми ротами и горной артиллерией, приданной частям первой линии, поддерживается при помощи телефона горной артиллерии, а также посредством зрительной связи и высылки ординарцев.

Связь танковых рот с авиацией поддерживается при помощи радиотелеграфа, зрительной сигнализации и сбрасывания вымпелов с донесением. Авиационная разведка указывает положение артиллерии противника сбрасыванием дымовых бомб.

V. Снабжение

Во время нахождения в районе Уная боевые части обеих рот получают горючее и масло из ротных резервов.

Автомобили ротных резервов без горючего направляются в казармы 18-го полка и, получив здесь новый запас горючего из батальонного резерва, снова возвращаются в место расположения ротных резервов.

Г. ВВОДНАЯ ЗАДАЧА № 2

Приказ командира правого фланга

Командир правого фланга, учтя мнение командира 1-й танковой роты, отдает следующий приказ:

«Приказ по частям правого фланга.
9 сентября, 21 час 00 мин.
Оохидзан.

1. Положение противника и положение своих частей (выпускается).

2. Правому флангу совместно с танковыми частями в первой линии начать наступление завтра на рассвете.

3. 2-й пехполк с приданными ему 2-й горной артбатареей и 1-м взводом инженерных войск, но без 3-го пехбатальона и 1-й пехполк с приданными ему 1-й и 2-й танковыми ротами (2-я танковая рота без 1 взвода), 1-й горной артбатареей и 1 саперным взводом с началом артиллерийской подготовки выдвигают свои первые линии до линии высота северо-западнее Гокен'я—окрестности Оощука и начинают наступление.

Танковые части движутся следующим образом:

а) к 2 часам прибывают в окрестности Уная и производят здесь подготовку к бою;

б) с началом артиллерийской подготовки на рассвете выступают из Уная, выдвигаются до линии Гокен'я—Унаякантэки и занимают здесь исходное положение для атаки;

в) когда пехота выдвинется до р. Ханамикава, танки собираются в пунктах: ложбина с востока от выс. 27,1 по дороге Овада—Кайдо и линия мост Нагамума—ложбина около выс. 25,4 у дороги Ханамикайдо и производят здесь подготовку к дальнейшему движению вперед.

4. Разграничительная линия боевых участков полков: южная окраина Гокен'я, выс. 20,1, северная окраина Центрального Касии.

5. Наступление начать после артиллерийской подготовки. О часе наступления будет особое распоряжение.

6. 3-й взвод 2-й танковой роты — в резерве. К 2 часам он прибывает на юговосточную окраину Уная и после этого по мере движения вперед полков двигается за ними в центре тыла.

7. 3-й батальон 2-го пехполка составляет резерв правого фланга. К 3 часам он должен находиться в окрестностях южной стороны Уная.

8. На рассвете я буду находиться на наблюдательной башне.

Командир правого фланга ген.-майор (подпись)».

Способ доставки приказа: приказ передается устно начальникам частей, которые записывают его содержание.

К 21 часу 00 мин. командиру пехотного полка и командирам танковых рот известно следующее:

а. По донесениям разведки для прокладки путей в окрестностях колодца Симидзу и болотистой местности к северу от него для прохождения танков необходима работа 1 отделения сапер в течение около 1 часа.

б. Разведкой и воздушной разведкой установлено, что ширина проволочных заграждений в глубину против укреплений противника достигает от 4 до 8 м, проволочные заграждения носят легкий характер. Ширина окопов не превышает 1 м 50 см.

в. Агентурной разведкой установлено, что позавчера вечером на ст. Итикава производилась разгрузка с поездов автомобилей с гусеничным ходом.

г. По донесениям разведки глубина заболоченных полей около Уная достигает 40 см и с трудом проходима для солдат.

Задание по 2-й вводной задаче

Распределение частей 1-го пехполка для атаки.

Об'яснение ко 2-й вводной задаче

1. Считаем правильным введение в первую линию 2 батальонов пехоты и оставление в резерве 1 батальона.

2. О распределении танковых частей. Некоторые ответы предусматривали придание правофланговому пехотному батальону 1 танкового взвода, левофланговому батальону — 2 взводов и оставление 2 взводов в резерве; другие ответы придавали каждому батальону по 2 взвода танков, оставляя 1 взвод в резерве. **Мы считаем правильным придание каждому из батальонов по 2 взвода танков и оставление 1 взвода в резерве по следующим причинам.** Обычно на пехотный батальон дается по 1 взводу танков, но возможно также придание 2 взводов в тех случаях, когда батальон действует в направлении главного удара. Несмотря на то, что при данной обстановке фронт правого батальона не позволяет использование 2 танковых взводов, эти взводы могут быть использованы правофланговым батальоном следующим образом: после того как один взвод пройдет Уная, другой взвод выступает за ним и также направляется через Уная; после прохождения Уная вторым взводом он разворачивается в направлении на северо-запад и после этого ведет наступление на запад. Так как 1-й пехполк действует в наиболее важном для дивизии направлении, будет целесообразным придание обоим батальонам по 2 взвода танков.

3. Местонахождение командиров танковых рот. Говоря строго, по правилам командир танковой роты в том случае, когда пехотному батальону придано 2 взвода танков, естественно должен был бы непосредственно руководить этими 2 ротами. Однако в настоящем случае нецелесообразно, чтобы оба командира танковых рот находились при командирах пехотных батальонов, с которыми они действуют, так как в таком случае командир пехотного полка ока-

зался бы без советника по вопросам использования танкового резерва полка и вообще применения танков. Поэтому необходимо, чтобы командир (старший) танковой роты находился при командире пехотного полка, давая ему советы относительно применения танков, а один непосредственно бы руководил 2 взводами танков, находясь при командире батальона, действующего в главном направлении. Другой же командир пехотного батальона может и сам непосредственно руководить обоими танковыми взводами.

4. О распределении горной артиллерии. Когда наступающая пехота сблизится с противником, часть артиллерии должна быть придана начальнику пехотной части, находящейся в первой линии; этим достигается наибольший эффект взаимодействия артиллерии с пехотой. В настоящем случае пехотному полку уже придана 1 батарея горной артиллерии, но для еще большего усиления взаимодействия и в целях удобства использования артиллерии против фланкирующих сооружений противника, его противотанковой артиллерии, пулеметов и применения в противотанковом бою необходимо эту батарею разбить для придания по 1 взводу в распоряжение командиров пехотных батальонов.

5. **Задачи и положение танков связи (радио).** Танки связи удобны для прохождения пересеченной местности; наличие сильной брони, способной противостоять ружейным пулям и осколкам снарядов, делает возможным использование их в районе первой линии.

В отношении службы связи они получают указания от офицера, ведающего связью пехотной части, и должны быть расположены или в районе расположения штаба пехотного батальона, действующего в главном направлении, или в месте, с которого наиболее удобно поддерживать связь с командирами пехотных батальонов, или же в районе расположения штаба пехотного полка. На их обязанности ложится поддержание связи пехотного батальона или пехотного полка с командирами, находящимися в тылу, прочими командирами, артиллерией и воздухом.

В данной обстановке имеются 2 танка связи. Поэтому целесообразнее всего один из них поместить около штаба полка, где скопляется наибольшее количество сообщений и приказов, возложив на него поддержание связи командира полка с частями первой линии, начальниками, находящимися в тылу, и воздухом; другой танк поместить около штаба 2-го батальона, т. е. батальона, действующего в главном направлении, возложив на него главным образом поддержание связи штаба батальона со штабом полка, артиллерией и воздухом.

Решения по второй вводной задаче

1. Распределение частей 1-го пехполка для атаки: 1-й батальон назначается в первую линию направо, 2-й батальон — в первую линию налево. Оба батальона должны выступить с места их настоящего расположения в 4 часа и выйти на первую линию, идущую от западной опушки леса в 300 м юго-западнее Гокен'я через Ооцука до возвышенности к югу от нее. По окончании артиллерийской подготовки начать наступление на противника каждому перед своим фронтом.

2. Состав частей, приданных пехотным батальонам, следующий:

1-й батальон

Пехотная артиллерия — 1 отделение 1-го взвода и 2-й взвод пехотной артиллерии.

Танки — 1-й и 2-й взводы 1-й танковой роты.

Горная артиллерия — 1-й взвод 1-й батареи.

Инженерные части — 1 взвод (без 2 отделений).

2-й батальон

Пехотная артиллерия — 1-й взвод (без 1 отделения) и 3-й взвод.

Танки — 2-я танковая рота (без 1 взвода и без танков связи).

Горная артиллерия — 1 взвод 1-й батареи.

Саперы — 2 отделения.

3. Границы между боевыми участками батальонов — по линии Уная-кантэки — северная опушка леса Дзюнигорин — западная окраина Ханадзима.

4. 3-й пехбатальон и 1-я танковая рота (без 2 взводов и без танков связи) — в резерве.

Резерв располагается в участке к югу от Уная. По мере развития боя он передвигается вперед в тылу 2-го батальона.

5. На команду связи полка возлагает-

ся поддержание связи штаба полка с командиром правого фланга и с командирами обоих батальонов 1-й дивизии.

6. Танк связи 1-й танковой роты находится около штаба полка; танк связи 2-й роты — около штаба 2-го батальона.

7. Командир полка находится в окрестностях западной окраины Уная.

Д. ВВОДНАЯ ЗАДАЧА № 3

Взаимодействие танков с артиллерией

1. Командир 1-й танковой роты находится в штабе 1-го пехполка, принимая участие в составлении плана наступления; ему в общем известен план командира полка. В 21 час. 30 мин. его вызывает к себе командир правого фланга, возлагая на него обязанности начальника танковых частей правого фланга, и приказывает договориться с артиллерией и авиацией по вопросам взаимодействия.

2. Командир 1-й танковой роты знакомит командира 2-й танковой роты и старшего командира взвода, т. е. командира 1-го танкового взвода, с планом наступления 1-го пехполка, отдает распоряжения о предварительной подготовке и сейчас же отправляется к начальнику правого фланга. Здесь он в качестве советника начальника правого фланга участвует в согласовании вопросов взаимодействия с начальником правого фланга артиллерии.

1-е задание по 3-й вводной

Перечислить пункты, которые командир 1-й танковой роты считает необходимым согласовать с артиллерией.

Разбор выпускаем, так как он фактически повторяется в проекте ответа на третий вопрос. Необходимо только отметить, что в ответах некоторые считали необходимым требовать от артиллерии стрельбы, для того чтобы заглушить шум от движения танков при передвижении их в район Уная. Разбирающий ответы отмечает, что во-первых вопрос этот относится к компетенции командира дивизии и выше, а во-вторых в такого рода требовании нет необходимости, так как практическим путем установлено, что при движении 2 танков в ряд при скорости 2 км в час в безветренную ночь звук от их движения не слышен дальше 900 м, а так как расстояние от Уная до линии противника больше 1 км, то нет необходимости специального заглушения звука.

Касаясь необходимости теснейшего взаимодействия артиллерии с танками, делающий разбор в подтверждение этого положения ссылается на инструкции ген. Манжена (пример из истории мировой войны 1918 г.).

Решение по 1-му заданию 3-й вводной задачи

Командир 1-й танковой роты должен доложить командиру правого фланга о том, что он считает необходимым согласовать с начальником артиллерии следующие вопросы:

1) сообщить начальнику артиллерии движение танков, распределение танков, место сбора танков в окрестностях Уная, исходное положение для атаки, место сбора после выхода до р. Ханамикава, положение ротного резерва и пути снабжения на основании приказа по правому флангу и проекта приказа о наступлении 1-го пехполка;

2) договориться о средствах связи артиллерии с танковыми частями и об условных сигналах;

3) выяснить, что известно артиллерии о положении противника, и детальные сведения о характере местности (то, что необходимо для руководства движением танков);

4) узнать, какая артиллерийская часть будет непосредственно взаимодействовать с 1-м пехполком, и ее положение;

5) выяснить у начальника артиллерии, каким образом будут меняться артиллерийские позиции в связи с развитием боя, и место расположения артиллерии;

6) договориться о путях движения при перемене позиций, в частности о прохождении р. Унаякава;

7) согласовать вопрос о месте сбора танковых частей после выступления их в окрестности Уная и о расположении позиций артиллерии;

8) выяснить у начальника артиллерии, какая часть артиллерии назначена для обстрела противотанковой артиллерии противника, ее положение и план обстрела; требовать от артиллерии подавления фланкирующей артиллерии противника в районе Камиекода и Нитта сразу перед атакой;

9) согласовать вопрос о проделывании путей для атаки;

10) требовать подавления артиллерийским огнем артиллерии противника при прохождении танков через Санкакудай непосредственно перед атакой;

11) договориться о начале обстрела дымовыми снарядами и о месте обстрела;

12) заслушать план подавляющего огня артиллерии непосредственно перед атакой и после этого и согласовать его с действиями танков;

13) сообщить начальнику артиллерии пути движения танков первой линии в бой, цель наступления.

2-е задание по 3-й вводной

Какими средствами должна поддерживаться связь артиллерии с танками.

Решение по 2-му заданию 3-й вводной

Главным образом радио и телефон между артиллерийским дивизионом и пехотным полком; кроме того телефон от начальника правого фланга в штаб дивизии, артиллерийская разведка и сигнализация.

3-е задание по 3-й вводной

Начальник правого фланга считает необходимым, чтобы артиллерия проделала перед фронтом 1-го пехполка по меньшей мере 6 проходов для атакующих частей. Начальник артиллерии для выполнения этой задачи назначает 6 батарей полевой артиллерии и 2 батареи тяжелой артиллерии.

Дать соображения по этому вопросу командира 1-й танковой роты.

Решение по 3-му заданию 3-й вводной

Танки должны действовать перед пехотой и проделать другие проходы помимо проходов, которые делает артиллерия; кроме того проделать проходы в укреплениях в глубине расположения противника.

В об'яснении этого ответа указывается на то, что средний танк «А» (английский) может проделать проходы для пехоты, идущей в три ряда. Легкий же танк Рено может проделать проходы для пехоты, идущей в два ряда.

Е. ВВОДНАЯ ЗАДАЧА № 4

Взаимодействие с авиацией

По окончании согласования вопросов взаимодействия с артиллерией командир 1-й танковой роты по распоряжению начальника правого фланга по телефону согласовывает вопросы взаимодействия с начальником авиации дивизии.

Задание для 4-й вводной задачи

Каким образом командир 1-й танковой роты должен установить взаимодействие с начальником авиации?

Разбор ответов по 4-му заданию

1. Некоторые из отвечавших считали, что командир 1-й танковой роты должен потребовать от начальника авиации дивизии борьбы с авиацией противника, бомбардировки противотанковой артиллерии противника. Такого рода требования невыполнимы, так как эти задачи нельзя ставить перед одной разведывательной ротой авиации.

2. Некоторые из отвечавших совершенно правильно указывали, что от авиации можно потребовать выяснения посредством авиаразведки мест расположения противотанковой артиллерии противника и указания пунктов, в которых рвы имеют наибольшую ширину.

3. Аэрофотография может принести большую пользу танковым частям, так как при ее помощи могут быть выяснены места нахождения противотанковых ям, фугасов и противотанковой артиллерии. Однако ответы, требующие от авиации производства фоторазведки, нужно считать неправильными ввиду того, что в данной обстановке результаты фоторазведки не могут быть использованы ввиду недостатка времени.

4. Некоторые из отвечавших возлагали на авиацию разведку положения противника на участке правого берега р. Ханамикава и тылов противника. Однако эти вопросы могут быть решены приказом командира дивизии. В них правильно только то, что командиру роты необходимо знать положение танков противника.

5. Некоторые из отвечавших совершенно не учли необходимости установления связи авиации с танками.

Проект решения 4-й вводной задачи

Командир 1-й танковой роты должен согласовать с начальником авиации следующие вопросы:

1) сообщить начальнику авиации сведения о движении танков на основании приказа командира правого фланга и проекта плана наступления 1-го пехбатальона;

2) связь с авиацией осуществляется при помощи радио, сигнализации и сбрасыванием с самолетов вымпелов с донесениями; для этого при штабе 2-го пехполка и при штабе 2-го батальона 1-го пехполка должны иметься полотнища для связи с авиацией, в этих же пунктах должны находиться танки связи;

3) авиация указывает место расположения противотанковой артиллерии противника сбрасыванием дымовых бомб;

4) выяснить у начальника авиации известные ему сведения о положении противника и его характере местности, необходимые для действий танков;

5) потребовать от авиации разведки места расположения противотанковой артиллерии противника, места нахождения танков противника и т. п.;

6) в дальнейшем сообщать авиации детальные сведения о действиях танковых частей первой линии.

Ж. ВВОДНАЯ ЗАДАЧА № 5

Распоряжения для движения танков

Командир 1-й танковой роты в 22 часа 20 мин. заканчивает согласование вопросов взаимодействия с артиллерией и авиацией и возвращается в штаб 1-го пехполка с докладом командиру полка о согласовании вопросов взаимодействия.

После доклада он получает приказ о наступлении 1-го пехполка, возвращается в казармы 18-го артполка и дает командиру 2-й танковой роты указания о выступлении танков в окрестности Уная и о путях снабжения.

Указания командира 1-й танковой роты о порядке движения и снабжения танков:

1. Время и пункт отправки — 24 часа (12 часов ночи) из лагерей 18-го артполка.

2. Путь движения: школа артиллерии — лес Рокугорин — безыменный мост к югу от моста Обукабаси — Цукаминока — наблюдательная вышка.

3. Сборный пункт — окрестности наблюдательной вышки.

4. Пути снабжения: Рокугорин — безыменный мост к югу от моста Обукабаси — Цукаминока — Одзука — Санкакудай — дорога Ханадзима.

Задание для 5-й вводной задачи

Приказ по 1-й танковой роте.

Разбор ответов по 5-му заданию и об'яснения

1. Ввиду того что в боевой обстановке старший начальник танков фактически теряет возможность отдания приказа во время боя, в данной обстановке необходимо, чтобы командир 1-й роты дал указания 2-й роте только относительно сбора и выступления в Уная.

2. Вопрос о том, до какого момента должно регулироваться настоящим приказом движение танков, нуждается в изучении. Я лично считаю, что танки 1-й роты в окрестностях Уная должны поступить под командование командира батальона и поэтому в приказе должны быть указаны их действия до этого момента.

Что касается вопросов снабжения, то они даже и во время боя попрежнему остаются в компетенции командира танковой роты; поэтому в приказе должны быть указаны пути, по которым идет снабжение даже и во время боя.

3. Некоторые в своих ответах давали приказ о действиях 2 взводов во время боя; мы же считаем, что этот вопрос относится к компетенции командира пехотного батальона.

4. Некоторые ответы предусматривали, что командир танковой роты поручает руководство ротой старшему командиру взвода, сам же отправляется в штаб батальона. Другие отвечавшие считали, что необходимо, чтобы командир роты сам лично руководил переброской танков в окрестности Уная.

Бывают случаи, когда ввиду трудности управления танками по условиям местности и вследствие каких-либо других причин бывает необходимость в личном управлении танками командиром роты; в данной же обстановке такой необходимости нет, поэтому мы считаем, что командир роты должен направиться в

Уная до отправки туда танков, для того чтобы произвести разведку сборного пункта танков в окрестностях Уная с одной стороны и помогать командиру пехотного батальона в использовании танков своими советами с другой стороны.

5. Ответы, считающие, что ротный резерв должен быть отправлен несколько позже, совершенно правильны, так как в них учитывается разница в скорости движения танков и грузовых автомобилей.

6. В ротном резерве содержится сравнительно небольшое количество автомобилей; поэтому казалось бы, что ротный резерв может без особых трудностей расположиться совместно с боевым взводом танков, однако, учитывая, что в данной обстановке в окрестностях Уная должна находиться часть артиллерии, более целесообразно будет поместить ротный резерв в окрестностях Оохидзан; для снабжения же временно выслать в окрестности Уная 1 автомобиль.

7. Отсутствие в некоторых приказах детальных указаний о сборном пункте в окрестностях Уная мы считаем ошибкой.

8. Способы связи с прочими частями указываются командиром батальона, однако то, что определенно известно о способах связи командира роты, должно быть указано в настоящем приказе.

Проект решения 5-й вводной задачи

Приказ по 1-й танковой роте:

«9 сентября 23 часа 00 мин. Казармы 18-го артполка.

1. Положение противника и своих частей (выпускается).

2. Рота совместно со 2-й ротой (без 1 взвода) придается 1-му пехполку и должна выступить в долину реки Унаякава сегодня ночью.

2-я рота отправляется из настоящего своего места расположения в 12 часов ночи и, следуя через Рокугорин —Цукамиска, прибывает в окрестности наблюдательной башни, где должна поступить под командование командира 2-го батальона 1-го пехполка.

1 взвод 2-й роты, составляя резерв правого фланга и следуя за боевым взводом 1-й роты, прибывает на юго-восточную окраину Уная.

Часть артиллерии до 1 часа 30 мин., меняя позиции, должна прибыть на западный берег р. Унаякава.

3. 1-му и 2-му взводам в 12 часов ночи в порядке их номеров выступить из места из расположения и, следуя по дороге Обукабаси — Оохидзан — Уная, прибыть к юго-восточной окраине Уная. Здесь они поступают под командование командира 1-го пехбатальона и производят подготовку к наступлению завтра на рассвете.

4. 3-й взвод составляет резерв полка. Следуя за 1-м и 2-м взводами, он должен прибыть в окрестность юго-восточной стороны Уная и готовиться здесь к завтрашнему наступлению.

5. Танк связи, следуя за 3-м взводом, прибывает в участок, примыкающий к юго-западной окраине Уная; к 2 часам он должен приготовиться к обслуживанию связи в окрестностях штаба 1-го пехполка. По вопросам связи танк связи получает распоряжения от начальника команды связи полка.

6. Танк командира роты вместе с танком связи должен прибыть на юго-западную окраину Уная.

7. На командира 1-го взвода возлагается руководство боевыми взводами роты, танком связи и взводом 2-й роты. Для связи в его распоряжение дается 2 мотоцикла.

8. Положение взводов в долине реки Унаякава указывается на месте.

9. Резерву роты выступить из места расположения в 1 час 30 мин. и направиться в котловину с западной стороны от Оохидзан. Одному автомобилю 2-го отделения прибыть на юго-восточную окраину Уная и после выдачи горючего направиться для получения нового запаса в резерв батальона.

Путь для доставки предметов снабжения во время боя: Тиедагаока — Обукабаси— Уная — дорога Ханадзима.

10. Когда будут разбиты позиции противника и противник оттеснен до участка к западу от Ханамикава, все взводы должны собраться в котловине к востоку от выс. 27,1 для приведения в порядок и пополнения.

11. Для связи с другими частями устанавливаются следующие сигналы.

Для связи с пехотой:

поднятый кверху красный флаг — «у танка произошла поломка»; «танк поврежден»;

махание вправо и влево красным флажком — «танк поврежден, помогите»;

махание вправо и влево красно-белым флагом — «отхожу назад для получения горючего или огнеприпасов».

Для связи с артиллерией:

поднятый кверху зеленый флаг обозначает местонахождение танка.

Для связи с авиацией:

самолеты отмечают расположение противотанковой артиллерии противника сбрасыванием дымовых бомб, выделяющих окрашенный дым.

12. Я сейчас отправляюсь в штаб 1-го пехполка и после этого следую вместе со штабом полка.

Командир 1-й танковой роты, капитан (подпись)».

Способы передачи приказа: собираются офицеры и унтерофицеры роты и им приказ передается устно; приказ может быть дополнен необходимыми сообщениями о предполагаемых действиях взводов в дальнейшем и необходимыми сведениями о действии и движении других частей.

Вопрос разведки местности в районе сбора танковых рот в окрестностях Уная, разведки района исходного положения 2-го взвода танков и разведки путей движения его разбираются на местности.

Для этого принимаются следующие обозначения:

красный флаг — расположение пехоты противника;

красно-белый флаг — тяжелый пулемет противника;

желтый флаг — пехотная и горная артиллерия противника;

синий флаг — местонахождение своих частей.

Ответы даны на прилагаемых схемах.

3. ВВОДНАЯ ЗАДАЧА № 6

1. 2 пехотные роты, составляющие первую линию 1-го пехбатальона, выходят из Гокен'я на линию леса к северо-западу от Уная-кантэки и здесь проводят ночь, сохраняя боевой порядок.

Штаб батальона помещается на перекрестке дорог в центре Уная.

2. Командир 1-го батальона в 22 часа 30 мин. получает приказ по 1-му пехполку, составленный на основании указанного выше распределения частей 1-го пехполка для наступления.

3. Положение противника, известное ему к этому времени, представлено на прилагаемой схеме 4.

Задание для 6-й вводной задачи

Дать на схеме план наступления 1-го пехбатальона.

Примечание: заболоченные поля Уная имеют глубину около 1 фута.

Разбор ответов по 6-му заданию

1. Некоторые при составлении плана наступления производили распределение частей, но не учитывая положения противника. Необходимо обязательно учитывать возможность фланкирующего огня противника из пунктов А и Е. Ввиду этого 1-й пехбатальон должен принять достаточные меры для подавления пункта А. Для этого должен быть использован не только огонь тяжелого оружия самого батальона, но необходимо также через командира полка обратиться с просьбой о подавлении этого пункта дивизионной артиллерией.

2. Хотя заболоченные поля перед пунктом Б и не служат препятствием для прохождения танков, однако наличие этих полей сильно замедлит движение танков через этот участок. Кроме того нетрудно себе представить, что применение танков в этом районе будет сопряжено с большими потерями, ввиду того что он расположен непосредственно перед пунктом А, фланкирующим эти поля. Поэтому были совершенно правы те слушатели, которые считали невозможным использование танков в этом направлении.

Однако к сожалению нужно отметить, что некоторые слушатели упустили замену танков сосредоточением большого количество огня для подавления этого пункта в целях облегчения его занятия, между тем командир пехотного батальона должен постоянно знать свойства всех видов оружия, имеющегося в его распоряжении, и в особенности танков и соответственно применять их.

3. Один ответ предлагает следующий план наступления. Во время наступления на позиции первой линии рота, находящаяся перед пунктом Б, ведет прикрывающий огонь, ожидая занятия пунктов В и Г. После занятия этих пунктов 1 рота, находящаяся в резерве,

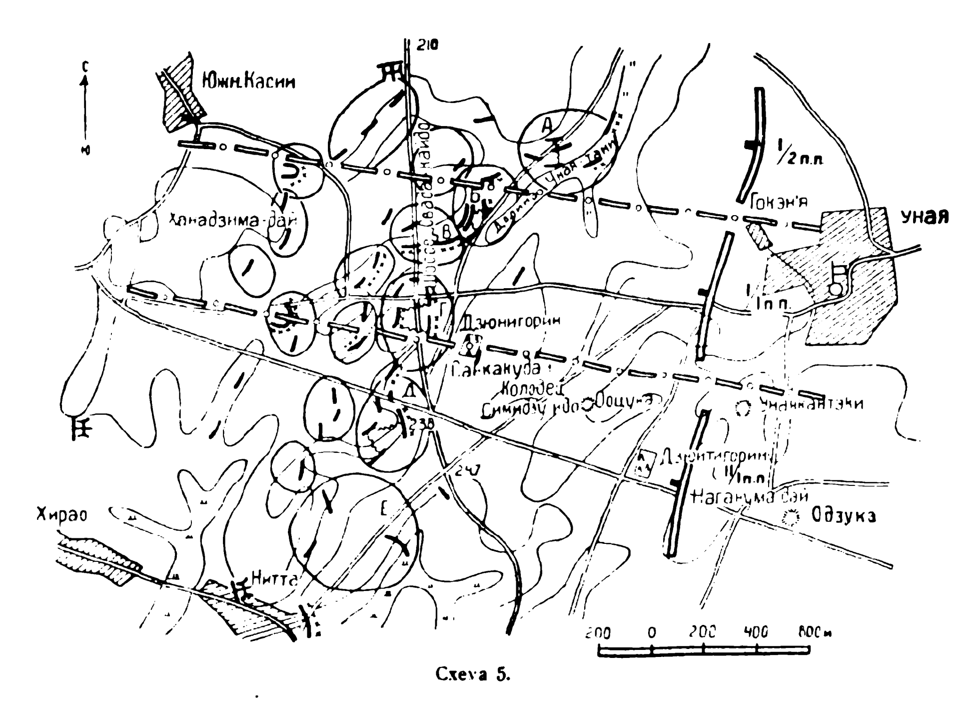

Схема 5.

начинает наступление с юго востока на пункт Б; рота же, прикрывающая своим огнем наступление на пункты Ж и Г, отводится в резерв.

Этот план имеет свои положительные стороны, однако, учитывая, что в данной обстановке батальон имеет достаточное количество танков и тяжелых огневых средств, представляется более целесообразным, чтобы батальон использовал возможно большее количество тяжелых огневых средств против тех участков, где невозможно прохождение танков, и вел бы наступление одновременно на все. пункты; такой план упростил бы управление частями.

4. В тех случаях, когда батальону придается 2 танковых взвода, возможно один из этих взводов оставлять сзади для действия с резервом или с частями, назначенными для окончательной очистки занятого района. Однако в данной обстановке фронт батальона позволяет одновременное параллельное действие 2 танковых взводов; учитывая же, что укрепления противника на первой линии особенно сильны, целесообразнее одновременное использование в первой линии наступающих частей обоих танковых взводов.

5. Некоторые ответы ограничивались только указанием участков действий танковых взводов. В данной обстановке мы считаем это недостаточным, ввиду того что обоим взводам могут быть совершенно ясно указаны отдельные об'екты для их наступления.

6. В некоторых ответах предусматривалось расположение с самого же начала пехотной артиллерии и пулеметов на Санкакудай. Однако помещение здесь артиллерии и тяжелых пулеметов очень трудно до тех пор, пока не подавлен пункт А. Поэтому целесообразнее поместить их сначала на высоте к северо-востоку от колодца Симидзу и уже после подавления пункта А постепенно выдвинуть их до Санкакудай.

Проект решения 6-й вводной задачи

См. прилагаемую схему 5.

И. ВВОДНАЯ ЗАДАЧА № 7

Взаимодействие с пехотными частями

1. 1-я танковая рота в 12 часов ночи выступает из казарм 18-го артполка;

к 2 часам 10 сентября заканчивается ее сосредоточение в районе Уная.

2. Командир 1-го танкового взвода в 0 час. 30 мин. получает приказ по батальону, из которого он узнает план наступления 1-го батальона 1-го пехполка, и по окончании сосредоточения в районе Уная приступает к согласованию вопросов взаимодействия с пехотными частями.

1-е задание для 7-й вводной задачи

Какие вопросы должны быть согласованы командиром 1-го танкового взвода с командирами пехотных войск?

Проект решения по 1-му заданию 7-й вводной задачи

Прибывая к командирам 2-й и 3-й рот, командир танкового взвода выясняет у них и согласовывает с ними следующие вопросы:

1. Запрашивает у командиров рот детальные сведения о положении противника и о местности:

а) каждый из укрепленных пунктов противника имеет второстепенные пункты, связанные с ним;

б) местность перед укрепленным противником в общем легко проходима для танков за исключением препятствий в долине Унаятаци, однако местность, начиная от линии развертывания и вплоть до позиции противника, находится под хорошим обзором с пункта А;

в) части рвов в стороне противника, видимые перед фронтом, не имеют большой ширины;

г) места расположения противотанковой артиллерии и тяжелых пехотных огневых средств противника неизвестны.

2. Согласовывает вопросы, касающиеся движения в атаку и действия после вторжения в расположение противника:

а) предполагаемое движение танкового взвода от исходного положения до линии, на которой танки выходят вперед пехотных частей;

б) время и место, в котором танковый взвод должен выйти вперед пехоты;

в) места, в которых взвод проложит проходы для пехоты;

г) цели наступления танков после вторжения в расположение противника;

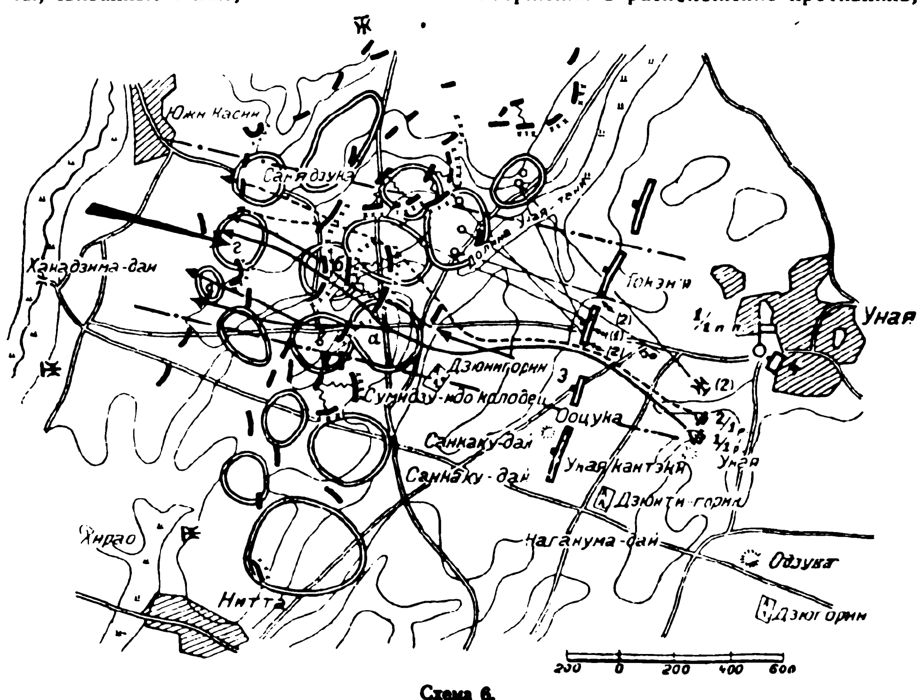

Схема 6.

д) после наступления 2-й пехроты на пункт В и 3-й роты на пункт Г 2-я рота ведет наступление на пункты З и О, а 3-я рота — на пункты И, П, Р;

е) когда пехота выйдет на линию реки Ханамикава, танковый взвод подходит в котловину к северо-западу от выс. 26,5 и готовится к дальнейшему движению вперед.

2-е задание для 7-й вводной задачи

С какими частями кроме 2-й и 3-й пехрот и по каким вопросам должен договориться командир 1-го танкового взвода?

Решение по 2-му заданию 7-й вводной задачи

Командир 1-го танкового взвода договаривается со следующими частями:

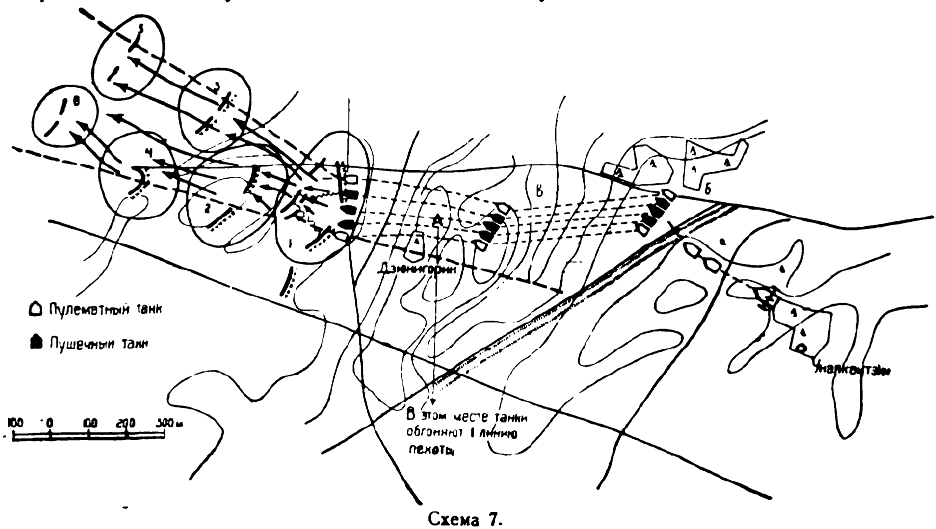

Схема 7.

1) сообщает пулеметным частям и командиру пехотной артиллерии предполагаемые действия танкового взвода и узнает у них о предполагаемых действиях этих частей;

2) точно также он выясняет предполагаемые действия горной артиллерии у командира взвода горной артиллерии и сообщает ему о предполагаемых действиях танкового взвода; кроме того он с командиром взвода горной артиллерии обсуждает вопрос, где можно ожидать появления противотанковой артиллерии противника, и требует у командира взвода горной артиллерии внимания к этим пунктам и подавления и разрушения их в надлежащее время;

3) договаривается с командиром 2-й танковой роты о способах наступления на укрепления противника, расположенные вдоль разгранлинии боевых участков пехотных батальонов.

К. ВВОДНАЯ ЗАДАЧА № 8

В 4 часа 2 сентября артиллерия выдвигается на линию лес к западу от Гокен'я — Оοцука.

Танковые части первой линии, как только началась артиллерийская стрельба, выходят из Уная и к 4 час. 30 мин. занимают исходное положение для атаки и приступают здесь к подготовке к вступлению в бой.

Задание для 8-й вводной задачи

План действий взвода, который должен быть об'яснен командиром танкового взвода 1-го пехбатальона, подчиненным ему командирам танков.

Проект решения 8-й вводной задачи

См. прилагаемую схему 6.

На этом разбор задачи кончается, так как дальнейшие детальные действия танкового взвода могут быть изучены только на местности.

VII. Библиография

Обзор книг и более крупных статей, рецензий

Маневр корпуса в составе армии

R. Mil. Fr. № 148, ноябрь 1933 г.

От редакции

Под этим заголовком Высшей военной школой во Франции выпущен сборник лекций, читанных на эту тему в школе в 1932—1933 гг., содержание которых передано в отделе библиографии журнала «Ревю Милитер Франсез» за ноябрь 1933 г. Цель лекций — расширить кругозор слушателей ознакомлением с маневренными действиями армейского корпуса под руководством армейского командования на стыке тактики с оперативным искусством во взаимной связи с другими крупными соединениями, не ограничиваясь обычными узкотехническими вопросами.

Весь сборник заключает 5 частей, или глав: 1) общий характер маневра, в особенности в первых боях будущей войны; 2) оборонительный маневр; 3) наступательный маневр: сосредоточение и подход к полю боя; 4) маневр фронтального прорыва; 5) фланговый маневр.

Вторая и пятая главы (в изложении ген. Луазо) уже помещены в «Военном зарубежнике» (№ 9 и 10). Ниже дается перевод остальных глав (не касаясь исторических примеров), как они изложены во французском журнале.

Общий характер маневра

В лекции излагаются соображения, оправдывающие предположение о том, что будущая война покажет возвращение к идеям маневра, утраченным в позиционной войне, с указанием новых условий, создаваемых современными военными средствами и организацией вооруженных сил. Лектор с особенным вниманием останавливается над вопросом: какова будет форма первых боев?

«Можно с уверенностью считать, — говорит он, — что в начале войны наличные силы и соответствующее количество материальной части не позволят ни одной из сторон немедленно создать плотный и непрерывный фронт на главных театрах войны. Не может быть речи о попытке создать эту непрерывность фронта кордонным развертыванием, и если хотят выйти победителем из первых столкновений, то надо вернуться к несомкнутым армиям, действующим на широких фронтах и ищущим боя на ограниченных участках этих фронтов. Другими словами — вернуться к маневру»[1].

«Это возвращение к маневру имеет важные последствия. Во-первых подход к полю боя составит трудный период действий, в котором инициатива крупных тактических соединений, ограниченная в своем проявлении, будет всегда подчинена намерениям командующего армией, ибо этот период является только вступлением в бой, в котором командующий армией оставляет за собой не только замысел и подготовку, но и управление.

Во-вторых фланги армии будут более или менее открыты по воле командующего или в силу условий, создаваемых местностью и противником; то же будет и внутри армии. Поэтому в этот период, в условиях, когда мощность современного оружия наряду с ограниченностью наличных средств сделает столь трудным широкий прорыв, маневр против флангов получит особенное значение, и одной из важнейших задач командования на всех ступенях будет с одной стороны стремление быть сильным на флангах противника, где он слаб, с другой — охранять свои собственные фланги против всяких действий противника.

В-третьих при всех маневрах на фронте и на флангах будут применять не только пехоту и конницу, подвижность которых ограничена. В будущей войне будут двигать моторизованные соединения, маневрировать механизированными орудиями, мощность и быстрота которых облегчат наступление и вынудят противника значительно расширить район стратегического (оперативного) и тактического обеспечения».

В таких условиях навыки в применении «мощных средств и медленных движений», унаследованные в последней войне, рискуют оказаться непригодными.

В ведение подвижной войны надо внести «наступательный дух», но освобожденный от крайностей борьбы «с открытой грудью», который учитывал бы наиболее положительное из поучений, вынесенных из опыта войны, о преобладающей мощности огня[1].

[1] В кавычках — дословный перевод извлечений из лекций, как они даются во французском журнале. — Ред.

[1] В этом отношении новая французская доктрина крепко держится своих прежних взглядов. — Ред.

«В этот оздоровленный наступательный дух, — продолжает лектор, — надо внести еще два существенных замечания».

«Во-первых наличные средства не позволят наступать всюду одновременно. И только разумное сочетание двух способов действий — наступательного и оборонительного — позволит во всех эшелонах сосредоточить в полосах активных действий средства, отвечающие задаче на фронте, пропорциональном огневым возможностям. Усовершенствование материальной части и прогресс вооружения еще более будут благоприятствовать этому методу действий, позволяя обороне удерживать пассивные фронты с наиболее строгой экономией в средствах (пользуясь автоматическим оружием, ОВ и пр.), а наступлению — развертывать всю свою мощь, весь размах и всю быстроту своих средств (применяя авиацию, механизированные орудия, моторизованные части...).

Во-вторых современная военная организация также требует рассудительного проявления наступательного духа.

Нельзя в самом деле смешивать первоначального положения, когда приходится действовать с недостаточными материальными средствами и с войсками ограниченной численности, составленными большей частью из необученных резервов, не имеющими во всяком случае физической и моральной тренировки, с тем положением, которое должно наступить через несколько месяцев, когда войска будут в руках и будут обучены, втянуты и в изобилии снаряжены материальной частью [1].

В первых столкновениях наступательный дух будет проявляться не в том, чтобы быстро бросать в атаку крупные соединения, но в том, чтобы давать им уравновешенное положение на местности, как только вступление в бой сделается вероятным: приостанавливать головные части, выдвигать всю артиллерию, сжимать главные силы, прикрывать фланги, одним словом не опасаться преждевременного развертывания, и тогда, и только тогда, можно двигаться.

Оборонительный маневр

Эта глава дается в несколько сокращенном переводе в настоящем выпуске «Военного зарубежника». Следует подчеркнуть, что в ней оборона рассматривается преимущественно с точки зрения экономии средств для наступательного маневра и подчеркивается применение маневра в обороне, чтобы восполнить ограниченность средств подвижностью.

Наступательный маневр. Сосредоточение сил и подход к полю боя

Понятие о сосредоточении сил, которое требуется, чтобы «все элементы армии могли принять участие в одном и том же общем действии», ныне весьма расширилось: мощность современного оружия, допускающая большую сопротивляемость прикрытия, и быстрота современных средств транспорта, как железнодорожного, так и автомобильного, обращающая крупные соединения в настоящие подвижные резервы еще до момента их высадки, допускают в сосредоточении сил более значительное **эшелонирование** их как в пространстве, так и во времени».

Задача прикрытия предполагает сперва оборонительный образ действий, который постепенно переходит в наступательную форму по мере прибытия новых крупных соединений, включаемых в общий порядок маневра.

Подготовка марша к полю боя. Требуется установить марш всех элементов армии в направлении, определенном задачей, «учитывая главные свойства местности, чтобы обеспечить за собой по возможности выбор поля боя». Армейское командование передает свою идею маневра, давая **общую задачу,** сперва без указания порядка движения, определяя лишь цель, которую нужно достигнуть посредством конечного об'екта, и направление, ведущее к этому об'екту. Но при указании об'екта надо учесть, что, вообще говоря, нельзя с точностью предусмотреть место столкновения с противником, а потому марш будет исполняться последовательными **скачками,** назначаемыми заранее и обозначающими поля боя, которые важно за собою обеспечить раньше, чем это сделает противник. Армейское командование указывает таким образом **последовательные об'екты,** отвечающие «сильным пунктам» [1] на местности.

В то же время **«общее направление,** на котором будет находиться центр **тяжести сил,** будет отвечать тому направлению, которое будет дано командованием группы армий, но оно может от него отличаться, если свойства местности и встречаемые препятствия вынудят искать вне этого направления свободной местности, благоприятной для маневра: важно, чтобы оси **последовательных усилий,** подобным образом установленные, имели тенденцию совмещать центр тяжести сил с направлением, указанным высшим командованием».

Когда об'екты и направление даны, армия устанавливает **общий порядок** [2], в котором распределение войск определяется направлением главных усилий и должно представлять собой: **в ширину** — некоторое количество дивизий первой линии, необходимое для того, чтобы обеспечить для армии фронт прочного развертывания, как только будет достигнуто соприкосновение с противником, **а в глубину** — те крупные соединения, которые будут предназначены обеспечивать движение и давать возможность перемещения центра тяжести сил в зависимости от требований маневра.

Когда эти рамки установлены, то остается указать каждому корпусу, в зависимости от общего порядка, его **частную задачу,** т. е. в особенности:

— его общее направление марша;

— его последовательные об'екты, т. е. сильные пункты на местности, к которым корпус

---

[1] Следует иметь в виду, что буржуазные военные теоретики различают организацию оперативной или ударной армии, укомплектованной профессионалами и снабженной в изобилии всеми средствами новейшей техники, а потому готовой к немедленному действию, от организации остальной массы вооруженных сил, пополняемой резервистами. В данном случае речь идет повидимому об этой главной массе. — **Ред.**

[1] Points forts.

[2] Dispositif général.

может последовательно прилагать огневые средства своей пехоты и артиллерии, если бы противник оказал сопротивление его продвижению, чтобы вступить в бои на фронте, пропорциональном возможностям корпуса;

— его роль в общем маневре в сочетании с другими корпусами; с этого момента командир корпуса может принять свое решение; полученная частная задача определит общий остов его маневра: изучение местности, возможных действий противника и своих сил, которыми он располагает, определит различный характер исполнений.

В чем выражается **идея маневра** корпуса? Это прежде всего выбор оси главных усилий, т. е. оси, совпадающей в главных чертах с указанным армией общим направлением, но которую местные препятствия могут заставить разложить на последовательные **оси усилий** в различных направлениях. Важно лишь, как это было уже видно на примере армии, чтобы «результат этих последовательных усилий приводил центр тяжести сил корпуса к направлению, указанному высшим командованием» на об'ект действий армии.

Затем идея маневра корпуса находит себе выражение в разделении полосы движения в глубину, в пределах скачка армии, на **скачки маневра,** отвечающие необходимости обеспечить за собой сильные пункты местности, на которых в случае противодействия противника можно было бы согласовать действия дивизий и обеспечить сосредоточение огня.

Но спрашивается, не окажется ли такой способ — разделения движения на скачки — несовместимым с быстротой движения?

Ведь дивизии также постараются подразделить маневренный скачок корпуса, чтобы найти в нем соответствующее поле боя, но тогда это уже перестанет быть движением. Очевидно надо оговориться: указание скачков для корпуса не означает, что на них надо останавливаться, если противник еще далеко. Но как только можно с ним столкнуться, надо действовать осмотрительно и собрать свои средства прежде, чем атаковывать противника. Скачок имеет целью внушить дивизиям «не перебрасывать своих главных сил через гребень на пути движения, пока вся артиллерия не будет подтянута к этому гребню. Но в остальном дивизии продолжают движение».

Боевой порядок[1] достигается нарезкой по ширине полосы движения с распределением ее по дивизиям, учитывая вместе с тем необходимость создать глубину, требуемую для развертывания маневра.

Что касается до **частных задач** дивизий, то они определят прежде всего **оси усилий** дивизий, выбранные в зависимости от общей задачи и свойств местности, сочетание которых будет иметь тенденцию совместить центр тяжести сил с осью корпуса».

Назначая каждой дивизии ее ось усилий, командир корпуса имеет в виду ее **последующее вступление** в бой: этим указанием он возлагает на нее ответственность».

Но надо еще уточнить для каждой дивизии характер усилий указанием **последовательных об'ектов** для достижения и **образа действий,** которого держаться в зависимости от поведения противника. В этом заключается для командира корпуса средство координировать (сочетать) в потребных случаях действия дивизий и обеспечить в нужный момент необходимый фронт для развертывания корпуса.

С этого момента дело будет уже не в том, чтобы держаться общего указания о скачках как ориентировочных направлениях, определенных общей задачей, но в том, чтобы уточнить те сильные пункты местности, которые надо захватить на оси усилий для создания фронта, на котором намечено развертывание.

В этот период бывает сильна тенденция подчиняться гипнозу представления **о фронте,** которое хотя и становится крайне нужным в действиях дивизий, чтобы дать им возможность быстро создавать системы огня, необходимые для их последующего продвижения, но должно быть тем не менее подчинено понятиям **о глубине и направлении.**

«Только понятие о направлении может обеспечить корпусу маневр. Оно выражается в организации боя в глубину, а в особенности в организации огня; оно должно господствовать над понятием о фронте, которое является лишь известным способом или условием, хотя и необходимым».

Эти указания дополняются распределением между дивизиями **полосы действий** и средств, которыми располагает корпус и которые определяются заботой с одной стороны создать наибольшую плотность средств в направлении, указанном командиру корпуса армейским командованием, а с другой — дать группировке сил эшелонирование в глубину, которого требует каждое возрастающее и продолжительное действие.

Таким путем командир корпуса получит возможность определить максимальное количество сил, которое дивизии могут ввести в бой, и одновременно установить и силу вмешательства, которую он считает необходимым сохранить за собой, чтобы осуществить свое последующее воздействие на ход боя.

Подход к полю боя. Будучи ориентированы в общей задаче, имея точную частную задачу и получив указания относительно направления, дивизии должны теперь только двигаться, не заботясь о равнении. Управление корпуса не занимается исполнением марша к полю боя. Сближение и установление соприкосновения — дело дивизии.

«Это период децентрализации».

Но «командир корпуса остается наготове взять в руки развитие действий при сближении, как скоро дивизии встретят сопротивление, которого они не смогут преодолеть своими средствами: в предвидении этого у него уже приняты меры и сохранены средства (пехота, танки); в эти моменты он централизует управление, чтобы опрокидывать сопротивления. Это будет уже **завязка боя.**

В завязке боя особенно важное значение имеют цель и идея маневра. **Цель заключается** в том, чтобы проверить на фронте корпуса прочность сопротивления противника. Для этого нужно приложить силу, т. е. атаковать со всеми огневыми средствами, которые определяют фронт атаки и таким образом ее глубину. Это дело корпуса. И эта цель определяет **форму**

[1] Le dispositif.

действий в завязке боя: чтобы проверить сопротивление противника, нет надобности атаковать повсюду, да к этому и не будет средств.

Идея маневра определяется об'ектом для достижения и направлением наступления.

«Завязка боя должна стремиться овладеть крепким пунктом на местности, потеря которого была бы чувствительна для противника и овладение которым благоприятствовало бы маневру армии... Поэтому **направление наступления** будет вообще избрано таким способом, чтобы развить усилия в направлении, предписанном корпусом, поскольку армия его определила, исходя из стратегических (оперативных) целей».

Но, вообще говоря, завязка боя, будучи изолирована во времени и пространстве по отношению к действиям соседних корпусов и предпринята без усиленных средств, т. е. со слабыми средствами, будет всегда **ограничена в ширину, а потому и в глубину.**

Группировка [1] логически вытекает из этой основной мысли:

— максимум артиллерии, поскольку артиллерия определяет фронт атаки;

— минимум пехоты.

Частная задача каждой дивизии предполагает указание осей усилий и об'ектов, часа наступления.

Завязка боя обозначает таким образом возвращение к централизованному управлению, которое может быть однако лишь временным, так как если предпринятая операция удастся, то нужно будет снова децентрализовать управление, чтобы обеспечить быстроту продвижения.

В итоге действия, характеризующие вступление в бой, могут быть резюмированы следующим образом.

«Армия, двигающаяся в бой против удаленного и свободного (не скованного) противника, разведанного авиацией и конницей, приступает к сближению, занимая весь свой фронт возможно меньшим числом дивизий, чтобы сохранить крупные соединения для своего маневра.

Дивизии устанавливают по всему фронту соприкосновение с противником, за которым следуют боевые столкновения в некоторых пунктах, на узких фронтах, различного характера — от прощупывания средствами дивизии до усиленных действий, организуемых корпусом для захвата пунктов, важных для маневра армии.

Фазы этой завязки боя развертываются методически, часто с осторожностью. Управление корпуса, сперва ослабив повода, снова берет в руки руководство, когда дело коснется мощного усилия.

Что же касается армейского командования, то, указав цель и стремясь сперва к быстроте действий, оно децентрализует управление и предоставляет действовать. Оно следит за развитием действий, имея в виду установить свою идею маневра. Когда наступает час подготовить наступление всеми силами в соответствии с конечной поставленной целью, оно направляет по оси усилий сохраненные крупные соединения, подкрепления и боевые припасы. Оно централизует управление. Это уже **сражение.**

В этой централизации и децентрализации действий, направленных к достижению одной цели, заключается весь маневр крупных соединений; то же повторяется во всех эшелонах».

Маневр фронтального прорыва

Рассмотрение производства маневра фронтального прорыва на исторических примерах, в особенности из последней войны, показывает, как с одной стороны возрастание средств могло некоторым образом создать в представлении командования эту форму маневра и как с другой стороны возрастание мощи огня в пользу обороны увеличило трудности его проведения.

«Опыт прошлого показал нам, что маневр фронтального прорыва как операция, ищущая решения, всегда будет сопряжен с трудностями и потребует больших жертв.

Поэтому представляется достоверным, что и в будущем этот маневр может быть оправдан только против неприятеля, уже материально и морально ослабленного, или такого, фронтальное расположение которого потерпело более или менее ясно выраженное расстройство как результат предшествующей борьбы.

Великая война действительно показала, что когда приходилось иметь дело с непрерывным фронтом, хорошо закрепленным на флангах, и с противником равной доблести, то прорыв становился невозможным».

Тем не менее в будущем, если даже и представятся случаи маневрировать в интервалах группировки противника или на одном из его флангов, это не избавит командование от необходимости вести фронтальные действия в некоторых пунктах.

Приняв во внимание приведенные выше оговорки, успех фронтального действия армии в большинстве случаев подчинен в замысле командующего армией приложению следующих принципов:

«**Атака только одна:**

а) в отношении **пространства** веденная в направлении, определенном задачей армии, притом:

спаянная, т. е. производимая частями без промежутков;

мощная, т. е. производимая на возможно большом фронте, пропорционально имеющимся средствам;

с примкнутыми флангами, т. е. поддержанная на флангах всем, что могут дать соседние корпуса, растягивая до крайних пределов свой фронт обороны;

б) в отношении **времени** — начатая в один и тот же час (одновременно).

Таким образом главная особенность маневра фронтального прорыва заключается с самого начала и прежде всего в «единстве и мощности».

Это требует от армии централизованного действия с указанием корпусам армии:

— направлений главного усилия;

— последовательных об'ектов;

— боевых фронтов;

— образа действий, которого держатся, в особенности же образа взаимных действий подчиненных частей;

— полос действий и распределенных между ними средств усиления.

[1] Dispositif.

Исполнение корпусом организованной таким способом атаки должно подчиняться тем же принципам.

«Дело заключается в том, чтобы связать силы как бы в одну связку (пучок)».

Но даже с этой гарантией мощности прорыв производимый армией, не приведет вообще сразу к решительному разрыву фронта противника, но создаст более или менее глубокий мешок в его расположении.

Поэтому маневр прорыва будет чаще всего заключать в себе второй акт — **использование успеха**, который надо предвидеть и для успеха которого необходимо мощность сочетать с **быстротой**.

Можно представить себе это использование успеха в трех различных формах:

в форме углубления в основании мешка;

в форме расширения захождением против внутренних флангов противника;

в форме боковых действий с внешней стороны.

Первый способ приложим только в том случае, когда противник, раз'единенный фронтальным действием, не имеет времени или средств, чтобы восстановить непрерывное огневое заграждение, так как в противоположном случае «атака пойдет на убыль, противник будет удерживать фланги и сосредоточивать огонь со всех сторон мешка, и положение скоро сделается тревожным».

Второй способ представляется трудным, поскольку он подвергает внутренние фланги захождения противодействию противника и требует сильного прикрытия.

А потому наиболее подходящим способом в рамках армии, действующей против потрясенного, но еще способного оказать сопротивление противника, представляется использование успеха расширением атаки по флангам.

При таком способе действий растягивание активной части фронта позволит достигнуть достаточной глубины на всем его протяжении, и можно будет отправляться с нового фронта как с исходной базы для достижения второго об'екта действий, выбирая снова выгодные направления для наступления на фронтах, отвечающих средствам, и с об'ектами на дистанциях, отвечающих этим фронтам.

С другой стороны «всегда будет представлять интерес, если только конфигурация фронта это допускает, расширение прорыва, не слишком запоздалое и не локтем к локтю с предшествующей атакой, но на некотором расстоянии, таким способом, чтобы использовать фланги и произвести сходящиеся атаки, которые легче приведут к потрясению фронта противника на более широком протяжении, и **только при этом результате, раз он достигнут,** можно думать о продолжении использования успеха.

Наконец последнее необходимое условие успеха маневра фронтального прорыва составляет **внезапность.** «...Внезапность, осуществленная тайной, отсутствием или краткостью артиллерийской подготовки, самой разнообразной маскировкой, быстрым сосредоточением сил в последовательных фазах прорыва и использования успеха».

В заключение надо отметить, что каково бы ни было сочетание общих факторов — быстроты и внезапности, — маневр фронтального прорыва всегда остается **медленным** во-первых потому, что **своевременное** занятие и организация местности обороняющимся дают ему благодаря мощности современного огня большую силу сопротивления, а во-вторых потому, что крупные соединения наступающего испытывают недостаток подвижности и относительный недостаток средств.

Не окажется ли в состоянии в будущем прогресс материальной части и вооружения сделать более надежными шансы успеха маневра фронтального прорыва?

«Конечно прогресс **моторизации** позволяет ныне считать нормальным с одной стороны усиленное использование автомобильного транспорта, обеспечивающего в кратчайший срок быстрое сосредоточение крупных соединений и приток боевых припасов, с другой стороны — применение моторизированных дивизий, обладающих наибольшей независимостью и гибкостью для своих действий. Эти успехи могут предоставить фактору быстроты такую роль, в усилении внимания к которой не может быть недостатка.

Что же касается успехов **механизации,** обеспечивающих более тесную связь между движением и огнем, то они, как можно полагать, должны придать атакам больше мощности посредством применения механизированных орудий, работающих совместно с другими родами войск, и больше быстроты посредством участия в атаках крупных механизированных соединений, раскрывающих шире брешь и способных быстрее продвигать использование успеха [1].

---

[1] Далее следует изложение главы «Фланговый маневр», уже напечатанной в № 9 «Военного зарубежника».

Энвальд Банзе. Оборонная наука не на месте. Введение в новую национальную науку

Enwald Banze. Wehrwissenschaft. Einführung in eine neue nationale Wissenschaft. 1933. Armanen Verlag Leipzig.

Эта минимонаучная книга рьяного германского фашиста не имеет разумеется никакой научной ценности, но представляет некоторый интерес уже потому, что, несмотря на старание автора дать наилучшее «научное» обоснование идеологии фашизма, что казалось бы не заслуживало ничего кроме поощрения со стороны национал-социалистического правительства, она была тотчас после выхода в свет конфискована: Банзе «перестарался» и разоблачил некоторые «идеи», ничего не имеющие общего с наукой, но зато хорошо рисующие замыслы германского фашизма. Книга предназначена как для высших школ и университетов, так и для просвещения всей вообще германской учащейся молодежи, поскольку новая «наука» включена в курс обязательного обучения.

В предисловии автор заявляет, что его книга представляет «первую попытку ввести учащихся в круг новой науки, которая являет собой результат сотрудничества многих наук на пользу нации, встречающей столь большие затруднения со стороны мировых держав для утверждения своей народной самостоятельности, своего культурного творчества и своей государственной свободы». Причем из того же предисловия видно, что весь этот «результат» должен служить целям самого откровенного и сплошного милитаризма. По заявлению автора «никто не должен сомневаться, что между германской нуждой и грядущим счастьем лежит война». А потому военные знания должны быть включены во все дисциплины, в том числе не только в отечествоведение и историю, но в физику, химию и биологию. Последняя из этих наук, как известно, пользуется особенным вниманием фашистских ученых, которые строят на ней как свою расовую теорию, так и теорию неустранимости войны на якобы биологических основах.

Книга состоит из двух частей, из которых первая служит как бы предисловием ко второй и заключает три раздела: 1) война как идея, 2) новое познание войны, 3) научная система науки обороны.

Первый раздел это — восхваление вообще войны, которая «разрушая, создает», а потому является «вечным восстановителем». О целях войны умалчивается, но таковые разумеется заключаются в восстановлении «Германской империи». Политика становится в подчиненное положение к войне, ибо по «новой науке» она «или руководит, или передает руководство войне в сознании своей неспособности». Это признание «неспособности» германских фашистов к политическому руководству звучит особенно характерно в устах идеолога фашизма. В поисках научного авторитета для подтверждения подчиненной роли политики притягивается Клаузевиц с его известным определением войны как продолжения политики насильственными средствами, но с раз'яснением Банзе, что война может также и «заменять» политику более целесообразными средствами. Второй раздел «Новое познание войны» содержит заботу не столько определить содержания этого познания, сколько убедить, что для войны вообще нужны не столько познания, сколько «психические» побуждения. «Проблема войны,— пишет Банзе, — имеет прежде всего и в полной мере психическую, моральную и духовную природу и лишь во вторую очередь распространяется на телесные силы и движения...» Другими словами надо «прежде всего и в полной мере» затуманить сознание и разжечь страсти, а остальное «приложится». В числе «обстоятельств», придавших войне совершенно новое выражение», разумеется замалчивается обострение классовых противоречий, но особенно напоминается обращение усилий врагов Германии «на истощение жизненных и индустриальных средств страны и на унижение ее достоинства в глазах нейтральных стран». Значение войны по определению Банзе вытекает из того, что «народность, государство, культура и война представляют лишь различные этажи одного и того же здания», в основе которого, как видно, лежит именно война. Это в особенности важно, пишет Банзе, для германского государства, структура которого должна быть построена в особенности на воле и борьбе. Поэтому новая «наука о защите» должна не только являться подготовкой к оборонительной и **наступательной обороне** (особая форма фашистской стратегии), но возвышаться до степени «философии национализма» и источника «национальной этики».

Третий раздел «Научная система обороны» стремится придать всей этой пропаганде разнузданного шовинизма приличный научный вид, а потому подразделяет новую науку на «общую оборонную науку», которая, «пользуясь данными других дисциплин, ищет закономерности в явлениях без отношения к их месту действия» и «частную оборонную науку», которая изучает «явления» с точки зрения их отношения к определенному месту, т. е. к территории данного государства.

Настоящая книга Банзе заключает основы лишь первой части, для ознакомления же со второй частью он отсылает к другой своей книге «Пространство и народ в мировой войне».

Вторая часть книги заключает именно основы «Общей науки о защите» и разделяется на отделы: пространство, человек, хозяйство, пути и средства сообщения, техника, военная история.

По форме вся эта часть книги представляет просто курс общей части военной географии, но приспособленный к пропаганде уже очерченных в первой части «идей».

В отделе «Пространство» подчеркиваются особенно невыгодные границы Германии. В отделе «Человек» проводится минимонаучная теория о расах, развивающая взгляды на этот предмет самого «вождя» Гитлера, изложенные в его книге «Моя борьба», и Розенберга, построенные на том принципе, что «население данной страны надо прежде всего рассматривать с точки зрения его кровной (расовой) и национальной пригодности для образования государства, ибо население каждого государства стремится быть народом с одним языком и с одной национальной волей». Вопрос о национальных меньшинствах таким образом до край-

ности упрощается, а о союзе народностей не может быть и речи. На расовой теории строится целая система **защитной психологии**, т. е. некоей психической установки, предопределяющей готовность к войне и защите, «создаваемых природной кровью и национальным воспитанием». «Мудрое государственное и военное руководство, — поучает Банзе, — должно создавать наилучшие условия для воинственных натур, проводя соответствующую **защитную евгенику**». В приложении к Германии это означает, что ввиду испорченной крови германского дворянства наилучшие условия защиты впредь создаваться вообще для наиболее воинственных рас германской народности, которых всего Банзе насчитывает шесть, но из них чистокровных германских только две: северная и фальская (ост и вестфальская). Эти расы и должны получать преимущества, а прочие «пропитываться их воинственным духом». Параллельно с этим на службу государству и армии должна быть поставлена научная психотехника, которая должна определить не только способности восприятия, но прежде всего «воинственную и невоинственную» психологию людей, подвергающихся испытанию. Особую научную область должна составить еще **«народная психология»**, как военное средство, «наполняющее свой народ военной волей и разлагающее волю противника», а в нейтральных странах «вызывающее сочувствие к своему народу и ненависть к противнику этого народа». Одним из аппаратов этой «психологии» должна быть густая сеть «заграничных вспомогательных пунктов», т. е. шпионских организаций, покрывающих неприятельские и нейтральные страны. Если учесть всю явную, международную опасность этих «научных систем», то сделается понятным, почему германскому национал-социалистическому правительству пришлось, хотя бы для вида и на время, об'явить книгу Банзе конфискованной.

Во всех этих отделах милитаризм выступает во всей своей наготе, но еще не совсем ясно, куда он нацеливается. Но вот отдел «Экономики» несколько приподнимает завесу над этим вопросом. По определению Банзе только две страны представляются вполне самостоятельными с военноэкономической точки зрения, а потому только две страны могут ныне вести войну — это Британская империя и США. «Россия» (СССР для Банзе вообще не существует) отнесена к числу сельскохозяйственных стран — «не самостоятельных», хотя и «полезных» — в одном разряде с Румынией (!!), Германия для ведения войны должна обеспечить себя соответствующими союзами. Лучше всего было бы иметь союзником соседнюю страну. «Иначе надо в самом начале войны завоевать экономические области». В заключение высказывается мысль, что «с военноэкономической точки зрения нельзя выдержать современную войну, не примыкая к одной из гигантских экономических стран: Британской империи, США или России». Вывод отсюда предоставляется сделать читателям, но надо иметь в виду заявление Банзе, сделанное в другом месте, что «население России вследствие ее смежности с Азией сильно испорчено монгольской кровью и представляется психически сильно расколотым, что делает ее подверженной несчастливым случаям». Если эти затуманенные мысли сопоставить с открытыми заявлениями Розенберга и лорда Ротермира о видах национал-социалистического германского правительства на территорию «Западной России» и с призывом Гитлера вернуться к путям тевтонского рыцарства (завоевавшего Эстонию и Латвию), то смысл изречений Банзе сделается достаточно ясным.

Отдел «Техника» представляет некоторый интерес, поскольку он рисует взгляды германского фашизма на будущую войну. Банзе определенно за небольшую армию из техников-профессионалов, но особенно стоит за широкое применение воздушного флота и химического оружия, подчеркивая также значение технической внезапности. Банзе считает, что в будущей войне будут играть видную роль отравление газами линий фронта и важных индустриальных центров при помощи авиации. «Биология пока сильно отстает, но можно предполагать, что под давлением необходимости она займет в будущей войне свое место». Банзе поучает, что это средство ни чем не хуже артиллерийского огня, химических средств и измора населения блокадой. «Несомненно одно, — пишет Банзе, — биологическая война — это оружие, ниспосланное разоруженному и беззащитному народу». На вопрос о том, будет ли будущая война войной на сокрушение или войной на истощение, Банзе отвечает, что «две приблизительно равные по своим силам стороны будут стремиться избежать позиционной войны, более слабый напротив будет стремиться к позиционной войне, ибо в ней машина может поквитаться с численным превосходством». Но для такой стратегии более слабого нужны некоторые предпосылки: 1) вспомогательные источники хотя бы в чужих руках, но из которых можно было бы беспрепятственно снабжаться, 2) нужна защита внутри страны от пацифистски-революционного расслабления (т. е. фашистский террор).

Эта часть программы, как известно, и приводится в исполнение, но можно полагать, что и другие пункты «научной программы» Банзе не выдуманы им, но извлечены из опыта фашистской политики. Его задача состояла лишь в том, чтобы подсунуть под все фашистское сооружение «научную базу» и сделать из него «предмет преподавания» для германской молодежи. Этот труд постигла как будто неудача только потому, что автор выполнил свою задачу больше чем на сто процентов и принял участие в азартной игре, не ознакомившись с ее некоторыми «правилами».

Ф. Огородников.

Капитан Вагнер «Должна ли Россия опасаться войны? Виды на победу в русско-японской войне»

Deut. Wehr. 1933, 25 октября № 42 и 21 ноября № 46.

В обеих статьях кап. Вагнер дает прогноз, неблагоприятный для японского империализма, если Япония будет развивать прежнюю политику, не замечая изменений в обстановке. В первой из статей Вагнер отмечает, что еще до перемен в политической ситуации, вызванных сближением Франции и Польши с СССР, положение Дальневосточной Красной армии бы-

ло далеко не таким неблагоприятным, как это изображала иностранная пресса, поскольку эта армия представляет отборную часть РККА, обильно снабженную новейшей техникой и поддержанную сибирским населением, «из которого колчаковские атаманы сделали убежденных большевиков». Эту армию связывает с важнейшими индустриальными источниками на Урале только одна линия, но она защищена «новейшими средствами, приспособленными к местным условиям». К тому же Дальневосточная армия уже имеет все необходимое в депо и мастерских в Восточной Сибири.

Во второй статье кап. Вагнер сравнивает силы сторон и приходит к заключению, что из 25—28 дивизий, которые Япония может выставить на континенте, ей придется не менее ⅓ выделять для охраны железных дорог в Манчжурии, находящихся под постоянной угрозой нападений со стороны китайских партизан, результаты борьбы с которыми до сих пор «не были блестящими». При том борьба с этими партизанами изнуряет войска и не дает практики в борьбе с более сильным противником. Что касается до качества войск, то, как пишет Вагнер, «отличительными чертами Дальневосточной армии являются строгая дисциплина, хорошее военное воспитание, одинаковый политический образ мыслей и отличное командование; на стороне японцев могут быть отмечены те же черты, но с тем различием, что здесь недостает одинакового политического образа мыслей и что «социалистические и даже коммунистические идеи уже нашли себе дорогу в армию». К тому же Дальневосточная армия отлично снабжена техническими средствами, на стороне же японской армии «напротив надо отметить, что она располагает лишь немногими специальными частями и только в последние годы перешла к созданию химических и танковых войск».

В области воздушного флота по оценке Вагнера «превосходство безусловно на русской стороне». Советская Россия, пишет он, уже имеет ныне на Дальнем Востоке несколько сот самолетов в полной боевой готовности, а дальнейшее пополнение этого числа до цифры, много превышающей японскую, может быть достигнуто в каждый час. К тому же «русские самолеты имеют в пределах своего радиуса действия такие выгодные цели, как Токио, Осака, Киото и вся Корея. Особенно чувствительно это должно сказаться на манчжурской и корейской жел.-дор. сети и на корейских портах». В заключение кап. Вагнер останавливается на двух, как он говорит, «специальных русских (советских) видах оружия» — на коммунистической пропаганде и на партизанстве, которые могут сыграть очень большую роль в будущем столкновении Советов с Японией не в пользу этой последней.

В итоге кап. Вагнер приходит к выводу, что положение Советской России как с политической, так и с военной точек зрения по сравнению с положением Японии по крайней мере «нельзя считать неблагоприятным», а также «нельзя отрицать превосходства Советской России». С своей стороны редакция журнала Дейтше Вер (фашистского по своему общему направлению) делает к обеим статьям кап. Вагнера вводное примечание, в котором обращает внимание своих читателей на «в высшей степени интересные исследования своего военного сотрудника» и признает, что она «до сих пор более скептически относилась к русским видам на победу», откуда надо вывести заключение, что она изменила свое мнение.

Адмирал Килли. «Британские интересы в Китае»

J. U. S. Inst., № 521, 1933 г., ноябрь.

Доклад бывшего главнокомандующего британскими военными силами в Китае за период с марта 1931 г. по март 1932 г. с кратким очерком интересов британского капитала и «беспорядков», мешающих его успехам. Несмотря на то, что из самого этого очерка с ясностью вытекает непосредственная связь почти всех упоминаемых им «беспорядков» с политикой японского империализма, Килли готов приписать их всецело демократическим течениям, возникшим с переходом от монархии к республиканскому строю, слабости благожелательно настроенного к представителям британского капитализма нанкинского правительства, бойкоту японской торговли и деятельности «студенческого класса», поддерживающего козни коммунизма. О действительном классовом расслоении в Китае он вовсе не упоминает. Рабочее движение оценивает как препятствие на путях к прогрессу; требования рабочих называет «смешными, если бы они не были так трагичны». Придает большое значение британскому финансовому капиталу и его учреждениям, а также иностранным концессиям, которые создают наиболее прочную защиту для собственности наиболее влиятельных китайских представителей власти. О китайской Красной армии упоминает вскользь, хотя вынужден отметить ее силу в районе Ханькоу и на юге среднего Китая, где она заставила войска нанкинского правительства (летом 1931 г.) приостановить наступление на Кантон. Килли видит выход из положения во-первых в федеративной организации республики с широкой автономией ее составных частей, а во-вторых в создании сильной жандармерии под руководством иностранных офицеров. Доклад был встречен аплодисментами аудитории Института об'единенных родов войск, в здании которого он происходил.

Моздорф. «Поход японцев в провинцию Жэхэ»

Allg. Schweiz. Mil. Zeitung, июль 1933 г

Обстоятельное описание похода, который был предпринят японцами под предлогом угрозы для независимости Манчжоу-Го со стороны Жэхэ, где якобы было сосредоточено до 478 000 китайских войск, как было указано в японской ноте в Лигу наций от 21 февраля 1933 г. Для борьбы с этими войсками в Манчжурии было сосредоточено японским командованием 2 дивизии (4 бригады), 1 кавбригада, моторизованный отряд, отделение танков, разведывательная и бомбардировочная эскадрильи и специальные части, всего до 30 000 человек.

Для обеспечения успеха операции после бомбардировки с воздуха был 3 января захвачен Шанхай-гуань, а затем и ближайший к нему проход в «Великой стене» у Шименкоу.

В действительности в распоряжении генерал-губернатора провинции Жэхэ было не более 30 000 войск разнообразной, но в общем незначительной боеспособности, подчиненных к тому же большей частью генералам, готовым при первом благоприятном случае перейти на сторону противника. Несмотря на достаточный запас времени (с начала января до начала марта), никакой мобилизации произведено не было. Нанкинское правительство в начале февраля ограничилось распоряжением об отсылке на север 3 000 войск. Горные проходы к северо-востоку и к востоку от Чен-дэ (главного города провинции) не были укреплены.

План действий японцев определялся в значительной мере начертанием железных дорог; линия Мукден — Дахушань — Шанхай-гуань охватывала Жэхэ с востока и юго-востока, а ветви этой линии от Дахушань на Кайлу и от Цзинь-чжоу на И-чжоу создавали такой же охват с северо-востока. Захват Шанхай-гуаня давал возможность японцам захватить все проходы на юг через «Великую стену» до Губейкоу и таким образом отрезать китайские войска, главные силы которых сосредоточивались восточнее меридиана Чен-дэ. Но японцы предпочли нанести главный удар с северо-востока через Кайлу и И-чжоу, оставив китайцам «золотой мост» для отхода через Губейкоу. Только часть сил была направлена через горные проходы (между Цзинь-Чжоу и Шанхай-гуанем). Наступление началось 21 февраля и закончилось в 10 дней: Чен-дэ был занят японцами. Вся тактика свелась к моральному потрясению противника воздушной бомбардировкой, к быстрому удару сосредоточенными силами и к еще более быстрому преследованию, в котором японские войска показали действительно большую подвижность. Большое впечатление произвели танки. Сопротивление было оказано незначительное. Китайские генералы переходили на сторону японцев с целыми крупными частями. Действительное сопротивление оказали только добровольцы («большие мечи») в районе Кайлу и некоторые добровольческие части на передовых позициях. Уже после потери Чен-дэ более упорные бои произошли в проходах через «Великую стену». Сами японские офицеры называли потом этот поход «прогулкой через Жэхэ».

Адмирал германского флота Гадов. «Современные морские проблемы» (с немецкого).

J. U. Serv. Ins. № 512, ноябрь 1933 г.

Автор рассматривает морские проблемы, возникающие в связи с франко-итальянскими, франко-английскими и американско-японскими противоречиями, имея в виду критический момент, который должен наступить в 1936 г., когда оканчивается срок международных договоров о морских вооружениях. Наиболее назревшими автор считает именно три указанных выше рода противоречий, признавая менее вероятным развитие англо-американского конфликта и вовсе не затрагивая возможных конфликтов той или иной из капиталистических стран с СССР. Параллельно с этим изложением автор проводит свой отрицательный взгляд на значение линейных кораблей. По поводу американско-японских противоречий автор отмечает, что последние большие маневры американского флота, темой которых служила внезапная атака противником Калифорнийского побережья, соединенная с захватом Гавайских островов и нападением на шлюзы Панамского канала, вовсе не доказали преимущества линейных кораблей (как должны были это сделать и якобы сделали по мнению американских военноморских кругов), но напротив подчеркнули лишь значение линейных крейсеров, которые японцы строят, а американцы переделывают на линейные корабли.

Кроме того автор считает, что упомянутые маневры были вообще недостаточно поучительны с точки зрения тихоокеанских проблем, которые надо рассматривать в гораздо более широком масштабе: атаки на побережье по его мнению могут иметь значение лишь в том случае, если они «истощают оборону и открывают путь для более широких операций». Но такая операция, поскольку она предполагает участие огромного и медленно двигающегося флота, пересекающего Великий океан, указывает на слабый пункт всей этой консепции (идеи). Каждая из воюющих сторон в подобной экспедиции должна считаться с серьезными потерями, с недостатком горючего и отсутствием обеспеченных баз для ремонта судов. Движение подобной армады через океан потребует приблизительно трех недель, а подводные лодки и воздушные силы ослабят ее действительность.

Отсюда автор делает вывод, что ни Япония, ни Америка не могут атаковать друг друга с действительными результатами и никакое количество линейных кораблей на той или на другой стороне не может изменить этого факта.

Стратегическое положение Японии вызывает и другое замечание автора. Япония зависит от внешней торговли не только для поддержания своей высокоразвитой промышленности (как Германия), но также и для продовольствия населения. До сих пор это продовольствие находилось в зависимости от доставки риса из французского Индо-Китая и с Зондских островов, принадлежащих Голландии. Захват Манчжурии и затем вероятно Чжилийской провинции и Шандуна не так важен для Японии с точки зрения иммиграции (в связи с избытком населения), как для обеспечения продовольствием населения. «Манчжурия теперь, — по выражению автора, — находится под сенью морской силы Японии с короткими коммуникационными линиями». Экономический торговый баланс Японии будет поддержан индустриальными рынками на захваченной территории. Зависимость Японии от внешней торговли значительно уменьшится. Ее стратегическая позиция сделается «неприступной» для Америки. По завершении этих задач на азиатском континенте автор считает «проблематичным» дальнейшее распространение Японии на острове Океании. В то же время он считает, что пользование некоторыми из них для операций со стороны Америки не может спасти ни Филиппинских островов, ни о-ва Гуам. Если бы даже, полагает он, Англия предоставила воспользоваться Америке своими базами в южной части Тихого океана, то это не изменит положения: японцы успеют захватить Сингапур и Гонконг прежде, чем армады американских и английских ли-

нейных кораблей успеют собраться и подойти. Отсюда адмирал Гадов делает вывод, что возможность войны в Тихом океане, несмотря на напряженное положение, должна представляться «отложенной». А в дальнейшем будущем, как полагает адмирал Гадов, «белые державы» (Англия и Америка) будут вообще не в состоянии помешать планам Японии (даже в Австралии и голландской Индии) ввиду относительного ослабления их морских сил (по договорам). Япония по его мнению без сомнения достигнет равенства морских сил с этими державами.

В этой статье германского адмирала редакция английского «Журнала об'единенных войск» делает ряд примечаний; из них важнейшие:

1. Статья написана автором до утверждения в США большой программы строительства морского флота.

2. Вылазки германского адмирала Шеер имели целью в августе 1916 г. атаковать отделившуюся часть британского флота, а в апреле 1918 г. — транспорт с конвоем у берегов Норвегии. Но в обоих случаях он избегал встречи с «Большим флотом».

3. Адмирал Гадов не усвоил, что «Большой флот» линейных кораблей в последнюю войну был стержнем всей стратегической позиции, которая воспрепятствовала германскому надводному флоту и ее торговому флоту пользоваться морями, и таким способом дал возможность союзникам выиграть войну.

4. Замечание Гадова о том, что «подводные лодки и воздушные силы должны обессилить американскую армаду (в случае ее попытки пересечь Тихий океан), как это уже испытал на себе британский флот в 1914 г.», представляется непонятным. Подводные лодки были угрозой для «Большого флота» в 1914 г. потому, что он не имел средств обороны против них. Но ни разу во всю войну подводные лодки, а тем более воздушные силы, не мешали предпринять наступление, когда к этому возникала возможность.

«Сарацин». «Воздушные силы и нападение».

J. V. Serv. Inst. № 512, ноябрь 1933 г.

Излагая вкратце идеи г. Армакго в его статье «Наступательная мощность завтрашнего орудия войны», которые сводятся якобы к тому, что главное назначение ВВС — это бомбардировка страны противника (в действительности Арманго не так безусловно решает этот вопрос), английский автор замечает, что успешность такого способа действий требует: а) наличия действительных способов для достижения господства в воздухе; б) наличия целей, разрушение которых может принудить противника к сдаче на волю победителя; в) недостаточной защиты этих целей со стороны подвергшегося нападению. Пункт «б» в некоторых индустриальных странах налицо, но в сельскохозяйственных странах дело обстоит иначе. Если «самостоятельная» атака не удается, то усилия будут затрачены напрасно; между тем совместные действия ВВС с армией принесут пользу даже и в том случае, если решительная победа не будет одержана. Решение применить ВВС для быстрого окончания войны вообще представляется английскому автору слишком смелым не только потому, что оно рискует вызвать противодействие нейтральных стран, но и потому, что исход воздушного боя менее зависит от числа самолетов, чем от их качества; атака данных целей встретит отпор со стороны ПВО, которая делает большие успехи. Тем не менее автор считает, что раз заявление о таких задачах ВВС делают авторитетные официальные лица, то это обязывает к дальнейшему развитию организации ПВО, чтобы обеспечить страну от нападения.

План моторизации армии США

A. a. N Journal № 2673, 16 декабря 1933 г.

По этому уже утвержденному плану должна быть значительно продвинута моторизация армии не в смысле увеличения числа танков и бронемашин, но в отношении моторизации штабов, полевой артиллерии и обозов. Всего на общую сумму в 10 млн. долларов в кратчайший срок должно быть изготовлено 2 776 автоповозок разного назначения, 2 177 приспособлений для увеличения вездеходности колесных машин на пневматических шинах, 612 приспособлений для быстрого следования за тракторами 75-мм пушек и ряд других приспособлений. Автоповозки включают автомобили, мотоциклы, легкие и средние грузовики, тракторы, прицепы и разные специальные повозки. Из общего числа этих повозок получат: пехота регулярной армии — 1 484, артиллерия — 1 811, конница — 438, береговая артиллерия — 731, корпус ВВС — 880, полевая артиллерия национальной гвардии — 1 551. Будут моторизованы штабы 1-й, 2-й и 3-й дивизий, штабы 1-й, 2-й, 3-й и 4-й бригад, штабы и полевые обозы всех пехотных полков, пулеметы и полевые гаубицы 1-й дивизии и 29-й, 30-й и 38-й пехотных полков, штабы и полевые обозы 2 бригад и 4 полков на о-ве Гавай и 1 бригады и 2 полков на Филиппинах, все танковые части. В артиллерии будут даны грузовики для тяги и приспособлены 75-мм пушки для быстрого движения для всей артиллерии на о-ве Гавай и Филиппинах, для половины 75-мм артиллерии 1-й, 2-й, 3-й и 4-й дивизий, для половины всей прочей дивизионной артиллерии, для всей артиллерии средних и больших калибров, для батальона 75-мм пушек механизированной кавбригады. В кавалерии будут моторизованы: штабы 1-й кавдивизии, 2 кавбригад и 1 полка, все полевые обозы; кроме того будут даны разведывательные автомобили во все кавполки.

Подполк. резерва офицеров ВОЙСЕЙ. «Фуллеризм»

N. N. a. A. Gazette. № 3859, 4 января 1934 г.

По поводу увольнения в отставку ген. Фуллера автор пишет, что его писания не остались все же «гласом вопиющего в пустыне».

«Фуллеру не удалось преобразовать вооруженные силы в соответствии с его образом мыслей, но его произведения не остались без влияния на молодежь, быть может особенно в территориальной армии, которая менее заражена обычаями и традициями». Но Фуллер метил слишком далеко. «Мы хотим, — пишет ав-

тор, — иметь больше танков, но мы не думаем, что пехота и конница уже кончили свой век как бойцы и стрелки. Даже самые усовершенствованные механизированные повозки не могут заменить коня в ближней разведке, кроме разве только на Салисберийской равнине, хотя мы согласны с преимуществами механизированных повозок в дальней разведке, в наступательных операциях и в производстве рейдов». Что касается значения ВВС, то «лишь очень немногие из военных людей и граждан не согласятся с Фуллером и только военный совет армии не склонен этого признать». Имея в виду современное развитие ВВС, «те из старших офицеров, которые помнят действие аэробомб, да и молодежь... не слишком хорошо себя чувствуют». Хотя Полевой устав и упоминает о действиях ВВС при атаке и отходе, но в общем проводится взгляд на ВВС как на средство разведки. В ст. 22 опасность, угрожающая войсковым колоннам на марше, ослабляется целым рядом оговорок. «Но, — пишет автор, — могут же быть и благоприятные условия для атаки с воздуха?! Часто пехотные бригады и даже более крупные соединения идут под защитой... пулеметов Льюиса и одной мнимой батареи (ПВО)... Мы должны быть приучены двигаться без дорог, днем и ночью, как бы то ни было трудно. Мы должны требовать многочисленных и быстрых самолетов—целые стаи самолетов, — чтобы поражать недостижимые для нее цели и держать в чистоте небо над нами. Если нужно, то мы готовы даже взамен этого отказаться от некоторой части земных войск. Если наличие достаточного числа самолетов для местного преобладания в воздухе представляется за пределами мечтаний самых от'явленных оптимистов, то мы могли бы иметь побольше противосамолетных батарей. В списках армий для 14 территориальных дивизий нет ни одной такой батареи. Все они существуют для Лондона и укрепленных портов. Но было бы бесспорно лучше не давать (территориальной армии) поддержки полевых пехотных бригад, чем лишать ее защиты от нападений с воздуха. Если бы только часть этих бригад превратить в средства ПВО, то можно было бы иметь приличную защиту от воздушного противника. Есть еще и другая воздушная проблема, о которой умалчивают уставы. Не только Лондон, но и другие большие города представляют заманчивую цель для нападений с воздуха. Как бы много ни было у нас самолетов, бомбардировщики всегда могут проникнуть. Если население не поймет этой опасности, а молодость своих обязанностей, то все в не слишком продолжительном времени понесут наказание».

Ген. Шаллеа. «Связь пехоты с артиллерией. Иллюзии и действительность»

R. d' Inf., 1 августа 1933 г.

Уточняя вопрос о поддержке пехоты артиллерией по ступеням организации пехоты, ген. Шеллеа полагает, что для боевых групп (отделений пехоты) эта поддержка удовлетворительно достигается винтовочными гранатами, но желательны дальность до 400—450 м и большая точность попаданий. Выгода снабжения стрелковых рот мортирками (бомбометами) весом до 12 кг, равно как противотанковым орудием, хотя бы с небольшой дальностью действия, представляется ему сомнительной, поскольку это должно по его мнению повлечь уменьшение количества автоматического оружия и вызвать затруднения в доставке снарядов. Но можно было бы по его мнению (основываясь на известных опытах Герлиха) сконструировать винтовку калибра 7 мм, весом 4 кг, способную пробивать броню в 7—8 мм с дистанции в 500 м, и 16-мм броню при стрельбе в упор. Увеличивая вес винтовки до 5—6 кг, можно было бы достигнуть еще большей пробиваемости брони. В составе батальона усовершенствованная мортира Брандта (вес 54 кг с разборкой на три части, вес мины — 3 кг, достаточная кучность боя до 2 000 м) удовлетворяет требованиям для орудия сопровождения пехоты, но снабжение батальона противотанковым орудием представляет слишком трудную задачу: надо сконструировать не слишком тяжелое орудие (не более 40 кг), которое пробивало бы броню в 20 мм по крайней мере с дистанции в 500—600 м (с целью обеспечить от атаки батальонные мортиры). Полк уже может получить настоящую артиллерию сопровождения, но эту роль лишь в виде исключения могут выполнить 75-мм полковые пушки. Наиболее подходящим как орудие сопровождения было бы орудие весом не более 400—500 кг (в положении для боя), стреляющее снарядами 4—5 кг но по крайней мере с двумя различными зарядами (с максимальной дистанцией в 6—7 и минимальной 3—3,5 км), с быстротой стрельбы до 20 выстрелов в минуту и с увеличением диаметра колес лафета до 0,70—0,90 м (в видах увеличения подвижности); горизонтальный угол обстрела должен быть до 45—70°, вертикальный — до 45°. Ген. Шаллеа обращает внимание на то, что дальний пулеметный огонь противника может быть еще весьма действителен в зоне применения этих орудий сопровождения (см. по этому поводу статью командира Маффр в мартовском выпуске за 1933 г. «Ревю д'Инфантери»), а потому рекомендует снабжать эти орудия щитами достаточных размеров. Для обращения указанного орудия в противотанковое можно было заменять 75-мм ствол другим отдельно возимым стволом 37—47 мм для огня с такого же лафета. Сложность такого устройства по мнению ген. Шаллеа только кажущаяся: немедленный переход от стрельбы из одного калибра к стрельбе из другого калибра не составляет слишком важного условия, поскольку с этим неизбежно будет связана перемена огневой позиции (для стрельбы прямой наводкой из 37—47-мм калибра). Что касается огня по снижающимся самолетам, который может быть действителен только из автоматического оружия, то по мнению ген. Шаллеа полки должны обходиться своими пулеметами; снабжение же их для этой цели специальной автоматической пушкой было бы нерационально, поскольку вес ее при калибре в 37 мм приближается к весу дивизионной пушки, между тем в районе полка ей пришлось бы действовать лишь в короткие моменты появления самолетов. Рациональнее включить эту пушку в состав артиллерии дивизии.

Переходя к обзору существующих на практике тенденций по всем затронутым выше вопросам, ген. Шаллеа отмечает, что во Франции

они совпадают с высказанными им взглядами: а) в отделениях пехоты намечено лишь увеличить дальность винтовочной гранаты до 450 м; б) целесообразность мортирок в ротах представляется сомнительной; в) в батальонах не надо ничего лучшего, как мортира Брандта; г) полковое орудие сопровождения иметь описанного выше типа; д) для борьбы с танками дать в различные части пехоты наиболее современные образцы оружия ПТО. Ген. Шаллеа полагает, что на проведение этих взглядов оказали в особенности воздействие статья анонимного автора в «Ревю д'Инфантери» от 1 апреля 1933 г. и статьи подполк. Дельмас «Очерки пехоты» в том же журнале от 1 марта 1933 г., хотя ген. Шаллеа и не вполне согласен с предложениями второго автора. В других иностранных армиях (кроме французской) вопрос об орудиях сопровождения решается по мнению ген. Шаллеа без достаточного учета, для какого подразделения пехоты это орудие предназначается. Нельзя думать, что придача пехоте оружия ПВО и ПТО освободит от необходимости иметь еще и орудие сопровождения, ибо никогда нельзя терять из виду предел веса орудия. В итоге 75-мм орудия имеют весьма различные свойства (начальная скорость — 300—400 м, дальность — 6—9 км, вес в положении для боя — 400—300 кг, стрельба — 2—4 зарядами, угол возвышения — до 40° и даже 70°, горизонтальный угол обстрела — весьма различный). В области противотанкового оружия Шаллеа напоминает об опытах Герлиха и дает благоприятный отзыв о пушке Эрликон (калибра 20 мм, вес — 33 кг, начальная скорость — 555 м/сек., разрывной снаряд — 142—128 г), считая, что ее способность пробивать броню 15 мм из хорошей стали на 500 м представляется вполне осуществимой.

В общем ген. Шаллеа полагает, что вопрос связи пехоты с артиллерией с технической стороны ныне более или менее разрешается.

Полковник Берни. Очерк разведки на войне.

R. Mil. Fr., июнь—октябрь 1933 г.

По мнению автора при организации разведки на войне может быть применен один из двух методов: **«метод намерений»** (methode des intentions) или **«метод возможностей»** (methode des possibilités).

Первый состоит в отгадывании намерений противника, иными словами того, что он предполагает сделать; второй сводится к определению возможностей противника или того, что он при данной обстановке в состоянии выполнить.

Первый метод — будто бы германский; его применял Мольтке во время мировой войны. Второй метод — «чисто французский»; им всегда пользовался Наполеон. В начале мировой войны французское командование пробовало подражать немцам, но затем под влиянием неудачного опыта оно вернулось к своей исторической традиции. Берни находит, что «метод намерений» вреден, так как он ведет к неожиданностям; наоборот «метод возможностей» гарантирует от случайностей и дает «уверенность».

Для доказательства этой мысли он разбирает Мецскую операцию 1870 г. и несколько примеров из мировой войны, причем однако прибегает к некоторым натяжкам. В частности ряд кризисов, возникших для немцев при совершении ими обходного марша-маневра под Мецом, об'ясняется в действительности не «методом намерений», а неудовлетворительным использованием кавалерии и трудностью самой стратегической операции для больших масс. Этот вопрос выяснен в сочинении Хенига «24 часа стратегии Мольтке» (на немецком языке) и труде Е. И. Мартынова «Стратегия в эпоху Наполеона I и в наше время».

Вообще резкое разграничение двух названных методов является искусственным. В действительности как Наполеон, так и Мольтке пользовались одновременно обоими методами, которые естественно дополняют друг друга.

Далее в статьях Берни подробно разобрана деятельность различных разведывательных органов французской армии на театре войны. Это и составляет главное содержание его работы, дающей полезный материал, но к сожалению автор местами впадает в доктринерство и слишком многословно излагает самые простые вещи. Сокращенный перевод труда Берни будет издан Военгизом.

«Циклоп» — «ПВО Великобритании по опыту воздушных маневров 1933 г.»

J. U. Serv. Lust. № 512, ноябрь 1933 г.»

Дано описание этих маневров, производившихся с 17 по 20 июля 1933 г., причем оперативными часами (в течение которых разрешалось производить полеты) было время с 6 часов вечера одного дня до 5 часов утра другого. Война предполагалась между Северной страной в пределах юго-восточной части Великобритании (к юго-востоку от линии Ланкайстер—Бирмингам-Пуль вплоть до побережья) и Южной (воображаемой) страной, лежащей к югу от побережья. В силу такого предположения аэродромы Южной стороны (всего 6) были условно расположены в пределах Северной стороны, по ее восточной и южной границе, сравнительно близко от аэродромов Северной стороны. Хотя эти аэродромы были «неприкосновенны» для Северной стороны, но все же их положение создавало затруднения для внезапности атаки против Южной стороны и облегчало оборону Северной стороны. На Северной стороне действовали 12 эскадрилий истребителей и 2 легких бомбардировщиков, предназначенных для воздушной разведки; на Южной — 9 эскадрилий дневных и 7 эскадрилий ночных бомбардировщиков, распределенных также между 6 аэродромами. Для нападений Южной стороны было назначено на территории Северной стороны 8 определенных целей — городов экономического значения. Сеть наблюдательных постов Северной стороны покрывала далеко не всю ее территорию, а потому нападающие эскадрильи были обязаны достаточно часто сообщать в штаб руководства по радио о своем положении. Прожекторные средства на Северной стороне были также ограниченные (1-й прожекторный батальон). Поэтому нападающие ночные бомбардировщики обязывались летать с огнем на той части

территории Северной стороны, где не было прожекторов. Несмотря на все эти ограничения, 29 налетов дневных бомбардировщиков Южной стороны из общего числа 47 налетов все же достигли целей (большей частью это были самолеты Гарт); из 79 ночных полетов достигли цели 45. «Потери» в самолетах не обозначались. Часть самолетов была перехвачена при возвращении. Совсем не было перехвачено 16 дневных и 23 ночных налета. Автор не делает выводов, но едва ли их можно было признать благоприятными для обороны.

Ген. Коллинс. Обучение армии (английской) в 1933 г.

J. U. Serv. Inst. № 512, ноябрь 1933 г., стр. 746—754.

Воздушные маневры в мае имели целью дать практику в совместных действиях с частями армии бомбардировочной и истребительной авиации, а также практику в управлении штабом корпуса одним «крылом» войсковой авиации. При этом подвергались проверке требования нового «Наставления для применения воздушных сил в армии в поле», составленные генеральным штабом и давшие вполне удовлетворительные результаты.

Общие замечания по этим маневрам сводятся к следующему:

а) Командиры дивизий и бригад имеют мало практики в командовании своими соединениями даже в уменьшенном составе мирного времени. Штабы недостаточно подготовлены к оперативной работе и к составлению разведывательных сводок, в особенности при современном потоке донесений под действием новых средств разведки (самолеты, бронемашины) и средств передачи донесений.

б) Наиболее трудной задачей представляется повидимому фронтальная атака заранее организованной позиции. «Слабость атаки и возрастающие силы обороны становятся все очевиднее к концу ежегодных маневров». В 1933 г. атака бригады, поддержанная одной конной и пятью полевыми артиллерийскими бригадами и двумя бригадами артиллерии среднего калибра на два батальона пехоты, должна была бы в действительности потерпеть неудачу под фланговым огнем пулеметов, не обнаруженных и не уничтоженных артиллерией.

в) «Можно побиться об заклад, что лишь немногие командиры остались удовлетворенными результатами танковых атак, если вообще таковые командиры оказались». Потери средних танков были редко менее 25% и могли быть вероятно удвоены. Внезапность все реже удается. Следует по крайней мере давать для танковых атак действительно важные цели и так их рассчитывать, чтобы пехота или конница могли своевременно закрепить успех. Но всего важнее давать танкам необходимую огневую поддержку.

Подполк. Гедсон. Задачи армии (британской).

J. U. Serv. Inst. № 512, ноябрь 1933 г.

Признавая правильными указания анонимного автора статьи под тем же заглавием, появившейся на страницах «Таймс», о необходимости реорганизации британской армии, подполк. Гедсон не согласен с предлагаемой в «Таймс» мерой для устранения недостатков, которые сводятся к облегчению стрелковых батальонов от чрезмерной нагрузки тяжелым оружием пехоты и к сосредоточению этого оружия в особых мото-механизированных батальонах, что должно одновременно облегчить проблему высылки в колонии пехотных подкреплений и образование сильных мото-механизированных частей для потребностей европейской войны. Подполк. Гедсон находит эту меру недостаточной и предлагает формировать пехотные дивизии для Индии и других заморских владений из 3 пехотных бригад с артиллерией с придачей одного-двух мото-механизированных пулеметных батальонов на дивизию и танковые дивизии для европейских театров войны в составе каждая двух танковых бригад из смешанных танковых батальонов с придачей механизированной пехотной бригады (из 3 стрелковых батальонов и одного тяжелого пулеметного) и трех артиллерийских бригад. Автор предлагает иметь всего одну танковую и одну пехотную дивизии указанного состава и несколько пехотных бригад, считая, что при таких условиях не будет нарушена система Кардуэла (требующая равенства числа батальонов в метрополии и за морем для смены) и в то же время явится возможность выбросить на европейский континент достаточную мото-механизированную силу, которая окажет кому нужно более действительную помощь, чем пехотные дивизии обычного состава.

Новый английский пехотный устав

R. d'Inf № 83, октябрь 1933 г., стр. 636.

Вновь изданный 1-й выпуск этого устава 1932 г. в отличие от прежнего, ныне отмененного, издания того же выпуска 1926 г., разделен не на две, а на три части: 1) общие принципы, обучение новобранцев, годичное обучение; 2) обучение звена, движения без оружия и с оружием и пр.; 3) устав военных парадов и церемоний. Таким образом первая часть прежнего издания разделена на две. Из этих частей 2-я и 3-я остались без перемены, выпущено лишь «боевое обучение» (боевые перестроения). Но 1-я часть (общие принципы и план занятий) подверглась полной переработке в сторону главным образом достижения боевой подготовки, которая должна составить единственную цель обучения, и достижения в ней наибольшей подвижности. Устав настаивает на необходимости и возможности быстрого движения пехоты даже перед лицом противника, поскольку именно от этого зависит успех. Большое значение придается применению к местности и технической подготовке, которая занимает большую часть 18-месячного (вместо прежнего 20-месячного) срока обучения. В «годичном» обучении, производимом в батальонах, куда новобранцы поступают по окончании обучения в рекрутских депо, главное внимание сосредоточивается на тактической подготовке (служба дозора, разведка, ночные действия). Повышены требования тактической подготовки инструкторского состава. Вообще вся подготовка рационализирована с точки зрения

тактических боевых требований, что по замечанию французского рецензента нового устава составляет «заметный шаг вперед для тех, кто знал прежнюю английскую армию», т. е. периода империалистической войны. Состав батальона облегчен в интересах той же подвижности и заключает вместо прежних 4 стрелковых рот и одной «специального назначения» 3 стрелковых роты, 1 пулеметную и 1 специального назначения.

Обучение стрельбе по самолетам в английской пехоте

R d'Inf. № 83, октябрь 1933 г., стр. 639.

Этот отдел занимает видное место в «Наставлении для действий ручным орудием», изд. 1933 г., выпуск 2-й[1].

Устав вменяет в обязанность всем частям пехоты бороться с самолетами огнем пулеметов Льюиса и винтовок при полете на высоте 600 м, а с применением треноги — 900 м. Установлена особая практика в этой стрельбе для офицеров и унтерофицеров. В каждом батальоне, в каждой роте имеется несколько усовершенствованных приборов для прицеливания, а также приборов для обучения.

Ген. Эдмондс (командир пехотной бригады). **Сражение на Марне.**

J. U. Serv. Inst. № 512, ноябрь 1933 г.

Краткое критическое изложение хода этого сражения с целью оправдать слабое участие в нем британских экспедиционных сил, которые, как известно, отошли безостановочно после пограничных боев за Марну под прикрытием Парижского укрепленного лагеря, а затем, хотя и исполнили директиву Жоффра о переходе в наступление 6/IX, но слишком медленно продвигались в прорыв, образовавшийся между 1-й и 2-й германскими армиями (Клука и Бюлова), ограничив свое участие в сражении лишь столкновением с частями конницы противника, прикрывавшими прорыв. Автор об'ясняет такой способ действий прежде всего ошибочными распоряжениями Фоша (командовавшего 9-й армией), который вместо обороны на южной окраине Сен-Гонских болот (как приказывал Жоффр) с целью обеспечить правый фланг 5-й армии Франше д'Эспере (располагавшейся левее) и британских экспедиционных сил (еще левее между 5-й армией и Парижем) повел кровопролитные атаки через болота и настолько растратил резервы и истощил войска, что 9-я армия не выдержала атак 2-й и части 3-й германских армий на своем правом фланге (в обход Сен-Гонских болот) и вынуждена была сама просить помощи 5-й французской армии. В результате 5-я армия вместо движения в прорыв на север была повернута на восток, а один из корпусов был передан 9-й армии, чтобы дать возможность вывести в резерв и перебросить на правый фланг 42-ю дивизию. Как 5-я армия Франше д'Эспере, так и 6-я Монури (наступавшие из Парижа в охват правого фланга 1-й германской армии Клука) просили помощи англичан, что способствовало их прорыву. Тем не менее по мнению Эдмондса британская армия выполнила свою задачу, поскольку именно сведения о движении ее колонн вынудили командующего 2-й германской армией Бюлова начать наступление, что повлекло за собой и отступление 1-й армии Клука. Но для доказательства этого положения ему приходится голословно опровергать германскую версию, по которой Бюлов растерялся и движение британских колонн на север послужило лишь формальным оправданием его решения, а Клук отступил только по причине отступления Бюлова и после приказания, переданного ему подполковником Хенч от имени начальника штаба ген. Мольтке... Между прочим Эдмондс, ссылаясь на официальное французское описание войны, развенчивает как Жоффра, который собирался двинуть армию Монури по южному берегу Сены, так в особенности Фоша, которого считает главным виновником неполной удачи союзников в сражении на Марне. Легенда о переходе в наступление армии Фоша и его победе на Марне должна считаться окончательно отвергнутой.

[1] Small Arme Treining.

Краткий обзор периодической печати, аннотации Июль—сентябрь 1933 г.

(Из материалов Военного сектора Всесоюзной публичной библиотеки имени В. И. Ленина)

ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Вице-адм. МЕЙРЕР. Мировое положение Японии и роль флота в ее новейшей истории

Mar. Rund. № 8, август, 1933, стр. 337—347.

По мнению автора Япония благодаря своему отличному флоту сделалась неприступной. В Вашингтоне понимают, что серьезные протесты против ее предприятий на Дальнем Востоке, а тем более война с ней (через весь Тихий океан) имеют мало шансов на успех.

Прайер. США и их морской флот.

J. U. Serv. Jnst., ноябрь 1933 г.

Статья фельетонного характера по поводу новой программы усиления морского флота США на 32 корабля с ассигнованием в 361 млн. долл. для доведения до паритета с Англией и с предположением дальнейшего строительства до полуторной силы по сравнению с Англией. Автор напоминает, что нынешний президент США Франклин Рузвельт в бытность его пом. морского министра в 1916 г. требовал постройки 400 кораблей, в том числе 14 линейных кораблей, 288 истребителей и 120 подводных лодок, всего на сумму в 966 млн. долл.

В статье делаются намеки на недостаточность одних денежных средств и даже развитой промышленности для того, чтобы получить в короткий срок действительно могущественный флот.

Морская политика США.

U. S. nav. Inst. proc № 365, июль, 1933, vol. 59, стр. 975—987.

Вскрывая общие тенденции пришедшего ныне к власти «демократического» правительства (по сравнению с республиканским правитель-

ством Гувера, опиравшегося на промышленные и финансовые круги) с его сокращением всех расходов, с его усиленным вниманием к вопросам внутренней политики и с его колеблющейся, близорукой внешней политикой, автор стремится на историческом опыте показать, что такая политика все же сменится новой экспансией и неизбежно приведет к новой войне. «Более кажущееся, чем действительное ослабление морской политики» лишь ускорит начало войны, к которой и надо готовиться».

Леснер. Шансы польско-германской войны.

Deut. Wehr. № 27, июль, 1933, стр. 417—418.

Автор приводит мнение бывшего польского военного министра Сикорского о том, что если Германии удастся отрезать Польшу от Балтийского моря, то последняя будет лишена возможности вести какую-либо активную политику. Однако, начав войну против поляков, немцам не удастся ее локализировать и она неминуемо разгорится в мировой пожар.

Подп. С. Принципы управления войсками и ведения боя в Польше.

Milit. Wbl. № 10, сентябрь 1933, стр. 316—317

Наиболее характерным и популярным является мнение одного из инспекторов польской армии недавно умершего ген. Ромера: «Все говорит за то, что наше общее стратегическое положение будет всего благоприятнее в начале войны; ввиду этого мы должны вести ее самым активным образом, быстрейшими темпами. Наше спасение в маневренной войне».

Кохенгаузен. Понимание политики государственной обороны.

Wiss. u. Wehr. № 9, 1933.

Доклад, сделанный в Берлине при открытии «Германского общества политики государственной обороны и науки о защите страны». (Deutsche Gesellschaft für Wehrpolitik und Wehrwissenschaften).

Кохенгаузен указывает на то, что с уходом Бисмарка понимание политики государственной обороны исчезло из германских правящих кругов. Тяжелые последствия этого сказались в мировую войну; затем протекли 14 лет полного духовного сумбура. Теперь очнувшаяся Германия вступила в эпоху своего национального возрождения. Очагами его должны сделаться высшие школы. Каждому студенту независимо от его специальности должны быть привиты идеи и внушены знания, обозначаемые общим названием «науки о защите страны» (Wehrwissen schaften). Открываемое общество ставит себе целью — помочь высшим школам в разрешении этой «великой патриотической задачи», а также вообще распространить военные знания среди гражданских деятелей во всех областях государственной деятельности.

Линнебах. Научный метод в сочинениях Клаузевица «О войне»

Wiss. u. Wehr. № 9, 1933.

Автор разбирает примененные Клаузевицем: а) метод исследования и б) метод изложения. Клаузевиц находил, что теория войны в виде **«положительного учения»** невозможна; он ограничивался **«аналитическим исследованием»** и **«рассмотрением»**. В его теории нельзя найти твердых вечных принципов, а лишь условные обобщения; в ней нет статики (неподвижности), а наоборот все динамично (изменчиво). **«Весь материальный и духовный мир поддерживается в равновесии противоречиями»**. Отсюда применяемый Клаузевицем диалектический метод. Для нас это не ново, но для представителя буржуазной мысли это повидимому целое откровение.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Цветные армии Франции.

Milit. Wbl. № 9, сентябрь, 1933, стр. 286—287.

Мирная численность черной французской армии составляет 200 тыс. чел. из них 55 тыс. расположены в самой Франции. Военная численность должна составить 1½ млн., но французы хотят ее довести до 3 млн. Таким образом французы обучают миллионы цветных военному ремеслу, чем последние могут воспользоваться, обратив свое оружие против белой расы.

Реорганизация французской армии

Army, n. a, a. force gaz. № 3835, июль 1933, vol. 74, стр. 601.

Сущность законопроекта, представленного в палату депутатов и переданного в военную комиссию, о реорганизации армии в связи с уменьшением в 1936—1937 гг. контингента новобранцев на 50%. Число округов предположено сократить с 20 на 18, и создать особые укр. секторы на границе, в которых войска будут содержаться в полном составе. Имеется тенденция увеличить срок службы до 15 месяцев и призывать всех военнообязанных не в два приема, как ныне, а в один прием.

Будущая германская армия. Рецензия на новую книгу анонимного автора «Будущая германская милиция» (Die deutsche Miliz der Zukunft), **изд. Миттлер и сын, в Берлине.**

Army, n. a. a. force gaz. № 3838, август, 1933 vol. 74, стр. 648.

Автор ссылается на заявление правительственных кругов, что новая организация государственной обороны должна быть основана на общеобязательной воинской повинности и иметь милиционный характер, но в действительности речь идет о восстановлении прежней системы. Швейцарская милиция не удовлетворяет автора. В германской «милиции» срок службы под знаменами должен быть 6 месяцев, последующие ежегодные сборы по 10 дней. При этом автор особенно старается об'яснить необходимость достаточно сильных кадров командного и инструкторского состава. А потому рейхсвер остается, как он есть, образуя вместе с тем ядро ударной армии. Успешность обучения «в милиции» облегчается отбором рекрутов (из 300 000, достигающих призывного возраста, зачисляются на службу лишь 100 000) и «физической» подготовкой юношества.

Подполк. Кельц. Германская армия. Тактические темы для офицеров-кандидатов генерального штаба

R. d'Inf., № 492, сентябрь, 1933, стр. 401—461.

Германские тактические темы для офицеров, подвергающихся испытанию для зачисления на службу по генеральному штабу, хотя он и упразднен по Версальскому договору. Большая статья с приложением образцов приказов и кроки.

ВОЙНА И ЭКОНОМИКА

Мобилизация итальянской промышленности во время войны

Рец: Rivista aeronaut. № 7, июль, 1933, стр. 17 :—179.

(Разбор сочинения того же названия проф. В. Франкини).

В весьма обширном вступлении проф. Франкини дает описание мероприятий по мобилизации промышленности, произведенных различными державами, принявшими участие в мировой войне, причем приведены соображения о лучшем использовании рабочей силы, о мобилизации промышленной, торговой и финансовой, о приготовлениях экономического и культурного характера, об активной и пассивной защите населенных пунктов; вступление заканчивается афоризмом: «армия мобилизовала страну, а не страна мобилизовала армию».

В основной части труда излагаются условия, в которых накануне войны находилась итальянская промышленность и экономика; обоснования организации Института мобилизации промышленности, организация предприятий как военных, так и милитаризованных, действия органов, регулирующих и координирующих громадную работу промышленности и результаты, достигнутые организацией труда в отраслях промышленности металлургической, машиностроительной, химической, текстильной, а также в остальных видах промышленности и в области транспорта.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1918—1921 гг.

Ген. Луазо. Германская стратегия в 1918 г.

R. Mil Fr. № 148, октябрь 1933.

Эволюция стратегии Людендорфа на западном фронте 1918 г. Автор критикует перенесение Людендорфом на этот фронт приемов ускоренной атаки (лишь на одном участке фронта без истощения или отвлечения резервов противника), вынесенных из опыта войны на восточном фронте без должной оценки иных условий обстановки на западном фронте и притом с недостаточными силами. Параллельно приводятся иные взгляды принца баварского Рупрехта (вернее его начальника штаба ген. Куля) и сотрудника штаба Людендорфа подполк. Ветцеля, которые не остались без влияния на ход операций. Статья не окончена.

Подполк. Майер. Полковник Груар (1843—1929)

R. Mil Fr. № 147, 1933, сентябрь, стр. 378—401.

Престарелый автор этой статьи (окончивший в 1875 г. Прикладную школу), известный своим выступлением против доктрины «наступления во что бы то ни стало», проповедываемой французским ген. штабом перед войной 1914—1918 гг., напоминает в кратком очерке о трудах по истории военного искусства другого противника той же доктрины и вообще предвзятых взглядов на ведение операций — полк. Груар, которого между прочим вспоминает ген. Куль в своей известной книге «Германский генеральный штаб». Майер ставит в заслугу полк. Груар, что он своими трудами направил французскую военную мысль из области тактики (Леваль) в область стратегии (точнее — оперативного искусства). Хотя Груар, придерживаясь слишком тесно об'ективно-исторического метода, не смог предвидеть многих важных изменений в ведении операций под влиянием процесса военной техники и изменений в политико-экономических условиях, тем не менее некоторые из его взглядов были вернее, чем взгляды его современников. Так между прочим он вполне определенно предусматривал германское вторжение через Бельгию. Французское высшее командование дважды (в 1882 и 1897 гг.) привлекало его к составлению плана стратегического развертывания, но перед войной 1914—1918 гг. все же остановилось к своему несчастию на том плане, против которого возражал Груар.

Хофмейстер. Поворот судьбы.

Wiss. u. Wehr. № 8 и 9, 1933.

В первой части статьи описано положение на всех фронтах к началу 1916 г. Во второй — разобрано наступление на Верден в 1916 г., произведенное по мысли Фалькенгайна «с ограниченными целями». По мнению автора именно это неудачное наступление, так называемая «Верденская мельница», перемоловшая цвет германской армии, и является поворотом в ходе мировой войны.

Трувэ. Моральные силы германской армии в мирное время и во время большой войны 1914—1918 гг.

Rev. Inf. сентябрь, 1933, стр. 462—482.

Рецензии на книгу под тем же заглавием майора В. Альтрихтер (на немецком языке), заключающую достаточно об'ективный очерк действительных причин неудач германской армии в конце войны.

Адам. Потери на войне и пополнение.

Wiss. u. Wehr. № 6, июль, 1933, стр. 313—318.

Исследование на основании опубликованных британских сведений. Приведены таблицы потерь от неприятельского оружия и болезней (на 1 000 ч. состава) в британской и германской армиях на западном фронте, во Фландрии за 1914, 15, 16, 17 и 18 годы.

21 год летной службы (британских ВВС)

Aeropl № 19, 10 мая 1933 (специальный номер, посвященный ВВС).

Рост британских вооруженных сил — 781 стр.
Годы перед войной. Бридгэм — 801 стр.
Годы войны 1914—1918 гг. Бридгэм — 808 стр.
Годы после войны (участие в интервенции) Мак Элери — 823 стр.
Типы службы военного времени — 846 стр.

Головин. Галицийская кампания 1933 г.

R Mil. Fr. № 145, июль, 1933, стр. 95—109; № 146, август, стр. 221—240.

Критический очерк Брусиловского прорыва. Автор стремится показать ошибочность стратегического решения ген. Алексеева развить главный удар на западном фронте, в направлении на Вильно, не считаясь с тактическими трудностями, и правильность тактического решения ген. Брусилова, не сумевшего однако по мнению автора извлечь из успеха всех стратегических выгод. Попутно указывается, что успех был куплен слишком дорогой ценой, с громадными потерями.

Бирчем. Киль в 1918

(Краткий исторический очерк восстания матросов на германских судах в 1918 г.).

U. S. nav. inst. proc. № 365, июль, 1933, vol. 5 стр. 999—1008.

С критикой всей судостроительной программы и способов применения флота, что в связи с общей политикой «железа и крови» и привело по мнению автора к революционному движению во флоте и к его гибели. Других, более глубоких причин германской революции автор не касается.

Штокман. Английская атака на большевистский флот в гавани Кронштадта 17 августа 1919 г.

Mar. Rund. № 8, август, 1933, стр. 361—363.

Пахер. Первая танковая атака на море

Mar. Rund. № 7, июль, 1933, стр. 306—312.

Желая произвести внезапное нападение на порт Полу, где была расположена большая часть австро-венгерского флота, итальянцы снарядили танк «Грилло» из деревянной моторной лодки, вооружив его двумя торпедами. В ночь с 13 на 14 мая 1918 г. «Грилло» переполз через два заграждения из балок и через железные поплавки предохранительной сети, но в последний момент затонул под огнем, не успев выпустить свои торпеды.

ВВС

Риттер. Должна ли воздушная война быть самостоятельной?

Rev. forces aér. № 49, август, 1933, стр. 861—880.

Перевод с немецкого. Исследование действительности бомбардировки различных видов бомбардировочной и штурмовой авиации по различным об'ектам при различных способах нападения с выводом, что крупные воздушные силы (200—300 гигантских самолетов) могут оказать влияние на течение войны, если только они будут действовать по об'ектам жизненного значения.

Контр.-адм. Гадов. О воздушной войне на море.

Luftschutz. № 1, 1933, стр. 14—17.

Автор разбирает основания воздушной войны на море и особенно ее отличия от воздушной войны на суше. Он приходит к заключению, что с удалением от берегов воздушное господство на море зависит от флота, то-есть от степени достигнутого последним морского господства.

Барно. Зарождение и тенденции корабельной авиации

R. Maritime 164, август, 1933, стр. 172—203.

Исторический очерк развития этой авиации до войны 1914—18 гг. и во время войны. Трудности проблемы посадки самолетов. Развитие после войны; различные типы катапульт. Стремление к развитию легкой корабельной авиации. Ее будущее — быть не только вспомогательной, но и решающей силой.

Робертсон. Значение воздушных сил для защиты морской торговли

Journ. R. U. S. Inst., 1933, vol. 78, № 511, август, стр. 463—482.

Суждения автора сводятся к тому, что воздушные силы могут и должны оказать в этом направлении содействие, но по недостатку опыта было бы рискованно давать в этом отношении слишком догматические указания. В некоторых случаях желательно воздушное конвоирование, но вообще надо бороться с разбрасыванием воздушных сил. Пассивная оборона малодействительна. С другой стороны воздушное пространство не имеет подразделений. Угроза над морем может быть ослаблена активностью над землей. В дискуссиях было выражено указание на необходимость возложить на воздушные силы защиту морской торговли по крайней мере в пределах действия авиации противника, базирующейся на его берега.

Д'Аржи. Исследование действий армейской авиации в начале военных действий

R. Mil Fr. , 1933, № 147, сентябрь, стр. 402—418.

Автор задается целью показать на опыте войны 1914—18 гг. с учетом также и современных условий, какие задачи должны быть поставлены авиации сухопутных армий в начале войны и как должна быть организована ее работа, давая ряд ценных выводов. Перевод статьи будет напечатан в № 11 «Военного зарубежника».

Состязание флота с воздушными силами

Aeropl № 13, сентябрь, 1933, стр. 537—556.

Красочное описание больших британских военновоздушных и военноморских сил у берегов Шотландии в сентябре 1933. Тема маневров: «Красный морской флот в составе 2 авианосцев атакует о. Мэй в устье р. Ферс-ов-Форс и г. Или (условную укрепленную базу). Синяя сторона (сухопутные и береговые ВВС) обороняет побережье, имея основной базой Лейчерс». Результат, судя по статье, оказался неопределенным. Воздушники заявляют, что они в среднем дважды потопили каждый из кораблей противника, корабельные же летчики и истребители утверждают, что каждый самолет противника был ими сбит в среднем 4 раза. Статья богато иллюстрирована фотоснимками и проводит агитацию за новую программу усиления британских ВВС и за союз с германским фашизмом против СССР; попутно делаются выпады против Франции.

«Сириус». «Подавление неукротимых. Старые методы и новые»

J. U. Serv. Inst. № 512, ноябрь 1933.

Краткий перечень трудностей борьбы с туземными восстаниями в прежнее время и облегчения, внесенные в это дело воздушным флотом. Цель автора: доказать нецелесообразность упразднения военной бомбардировочной авиации.

Проблема Ирака.

Aeropl – 1933, № 11, сентябрь, стр. 445—448.
Передовая статья, из которой можно извлечь указание на британские ВВС как на орудие империалистического освоения Ирака и подготовки его как опорной базы на пути в Индию и плацдарма для наступления в Турцию и Советское Закавказье. Много обще-политического материала об Ираке. В частности значительное внимание уделяется британскому агенту-разведчику Лоуренсу.

Одноместный самолет с пушкой.

Revista Aeron, 1933, № 8, август, стр. 325—329.

Идея такого самолета близка к осуществлению во Франции, где разработан уже образец пушки для такого самолета, предназначенного для ПВО Парижа. На одноместном истребителе «Анрио-110» установлена мелкокалиберная пушка. Идет дискуссия о возможности применения таких самолетов в ночном бою. В журнале Лэ з'Эйль в статьях Шарля Берод проводится параллель между одноместным самолетом с пушкой и многоместным боевым самолетом, а также рассматривается воздействие самолета с пушкой на тактику бомбометания и разведки. Автор видит значительные преимущества на стороне одноместного самолета с пушкой в его быстроте, маневренности и малой заметности; к тому же такой самолет стоит всего 500 тыс. франков, а многоместный боевой самолет десятки млн. франков.

Дэмэ. Атака на бреющем полете

Bul. Belg. Sciences Mil 1933, т. 2, № 3, сентябрь, стр. 275—284.

Краткое перечисление примуществ атаки на таком полете, с историческими примерами, с указанием условий успешности и как вывод — необходимость соответствующего применения ее в бельгийской авиации.

Перевозка войск на самолетах.

Luftwacht, 1933, № 6, июнь, стр. 189—192.

Нелсон. Быть или не быть воздушным кораблям

U. S. nav. Inst. proc, 1933, vol. 59, № 367, сентябрь, стр. 1327—1328.

По поводу гибели Аркона краткая заметка, указывающая на желательность продолжения строительства этих кораблей.

Будущее дирижаблей

Aero-Dig 1933, № 1, июль, стр. 22.

Редакция подчеркивает, что сенатское расследование катастрофы с американским дирижаблем Аркон не привело к решению покончить с постройкой дирижаблей, но наметило лишь новые пути.

Стюарт Брюс. «Парашют»

J. U. Serv. Inst. № 512, ноябрь 1933.

Подчеркивая важное значение парашютов для спасения жизни летного состава и пассажиров, автор дает некоторые практические указания для их применения и приводит описание ряда выдающихся случаев, когда парашюты оказали незаменимую помощь.

Фрери П. Прыжки с парашютом с самолетов, летящих с большой скоростью

Riv. aer., 1933, № 8, август. стр. 261—299.

Автор замечает, что при прыжках с парашютом с самолетов, летящих горизонтально с громаднейшей скоростью (свыше 300 км в час), человеческий организм подвергается непереносимому возбуждению. Автор однако на основании опытных данных и теоретических вычислений рассматривает меры, которые должны быть приняты для избежания таких неудобств.
В заключение при перечислении различных мер он советует применять прыжки с сильным замедлением открытия парашюта. Действительно после продолжительного падения с закрытым парашютом достигается быстрота падения, значительно меньшая горизонтальной быстроты полета самолета и потому получается возможность раскрытия парашюта без тяжелых потрясений организма.

ПВО

Маршал Петэн. Воздушная оборона

Journ. R. U. S. Inst. 1933, vol. 78, № 511, август, стр. 539—542.

Перевод предисловия к переводу на франц. яз. книги ген. Ашмор «Противовоздушная оборона», в котором маршал Петэн, не отрицая больших достоинств книги, излагающей опыт «прямой» обороны Лондона, напоминает все же, что наиболее действительной является «косвенная оборона» в виде непосредственной угрозы «базам» воздушных сил противника. В ряде средств «прямой» обороны маршал Петэн придает особенное значение истребительной авиации и средствам связи. Он отмечает недостаток внимания Ашмора к мерам пассивной ПВО.

Бюлов. Воздушная стратегия и противовоздушная оборона

Luftschutz—Nbl. 1933, № 1, стр. 10—14.

Петри. Значение железобетонного строительства для противовоздушной обороны

Gassch. u. Luftsch 1933, № 7, июль, стр. 169—172.

Упражнения в противовоздушной обороне в Силезии 19—24 июня 1933 г. Критический разбор и использование результатов

Gassch. u. Luftsch. 1933, № 8, август, стр. 189—209.

Скерль и Прис. Выселение из больших городов и противовоздушная оборона

Luftschutz-Nbl. 1933, № 9, сентябрь, стр. 207—208.

Постройка метрополитена и противовоздушная оборона

Luftschutz—Nbl. 1933, № 8, август, стр. 186—187.

Статья разбирает вопрос ПВО в связи с проектом соединения подземной железной дорогой Потсдамского, Ангальдтского и Штетинского вокзалов в Берлине.

Баум. Картина современного большого города по французским планам.

Gass h. u. Luftsch. 1933, № 7, июль, стр 165—168.

В ожидании будущей войны повсюду подготовляются меры для защиты больших городов от атак неприятельской авиации и особенно от химического нападения. В разбираемой статье изложен вкратце грандиозный проект перестройки Парижа, составленный известным архитектором Ле-Корбюзье и обработанный в военном отношении подполковником Вотье. Все население предполагается разместить в колоссальных 12-этажных домах, а правительственные, общественные и торговые учреждения в небоскребах в 60 этажей. Остовом каждого здания, имеющего в плане крестообразную форму, должны служить сталебетонные столбы, к которым прикрепляются полы и стены всех этажей. При этом пол первого этажа находится на высоте 4 м от горизонта, вследствие чего под домами остается свободное пространство для движения газового облака, образующегося на поверхности земли. Сверху дом покрыт толстой железобетонной крышей, обеспечивающей его от бомб. Площадь, занимаемая всеми новыми зданиями, составит всего от 5 до 15% прежней застроенной площади, что даст возможность расширения улиц и насаждения обширных садов и парков. Этот грандиозный план намечается осуществить по этапам в продолжение 100 лет.

Люка. Зенитная стрельба. Эволюция методов стрельбы

Rev. art. 1933, t. 112, № 3, сентябрь, стр. 215—235.

Эволюция методов стрельбы артиллерии показана с 1915 по 1918 год.

Леветцов. Простота или точность

Luftschutz—Nbl. 1933, № 8, август, стр. 165—170

Дискуссия о современном состоянии зенитной артиллерии.

Проблема управления огнем противосамолетных орудий

Takt. u. Techn. 1933, № 14, июль, стр. 55. Приложение к Demire Bep.

Ген. Ван-де-Пютт, командующий ПВО в Бельгии. **Несколько соображений об активной обороне против снижающихся самолетов**

Bul. Belge d. Siences. Mil., август, 1933, стр. 183—193.

Не касаясь вопросов ПВО в целом (не упоминая в том числе о противосамолетных сетях и других средствах пассивной обороны), автор останавливается лишь на применении разного вида оружия: тяжелых пулеметов с удлиненным стволом и усовершенствованными прицельными приспособлениями, двух-четырех спаренных пулеметов обычного типа на одном моторизованном лафете, специальных пулеметов 11—20-мм и пушек 20—40-мм и 37—40-мм. В общем проводится взгляд, что все эти виды оружия не исключают, но дополняют друг друга.

Майор Хиббс. Полевая артиллерия и штурмовой самолет (ПВО против низколетящих самолетов)

Liftschutz—Nbl. 1933, № 9, Septembr, стр. 197—201.

Выдержка из статьи американского автора относительно ПВО войск от низколетящих самолетов. В ней высказаны такие же мнения, как и в аннотированной ниже статье итальянского подполк. Гарроне.

Борьба с низколетящими самолетами. Подписc. Бр.

Takt. u. Techn. 1933, № 17, August, S. 65—67. Beilage zur Deutschen Wehr.

Полет на высоте 20—30 м над землей дает крупные преимущества для нападающего. Ввиду этого все государства заняты тем, чтобы сконструировать для отражения таких атак специальное оружие, которое обладало бы начальной скоростью 800—900 м и могло бы делать 100—200 выстрелов в минуту. Пока еще эта задача нигде не разрешена.

Оборона против «прыгунов через заборы» (низколетящих самолетов).

Army ordn. 1933, vol. 14, № 79, July—August, стр. 19—26.

Как должна быть встречена атака низколетящих самолетов наземными войсками. Сводка мнений двух кавалерийских и одного артиллерийского начальников с рядом фотоснимков.

Подп. Гарроне. Стрельба из винтовок по низколетящим самолетам (с итальянского)

Luftschutz—Nbl. 1933, № 8, август, стр. 170—175; 9 September, S. 189—197.

Автор приводит результаты такой стрельбы за время мировой войны. Затем он подробно разбирает указания по этому вопросу итальянского устава, вкратце говорит об уставах других государств и приводит сравнение результатов, достигнутых пулеметами и винтовками.

Лустано Лако. Стрельба из винтовок по снижающимся самолетам

Rev. Inf. 1933, август, стр. 303—311.

Подробная рецензия на обстоятельную статью подполк. Гарроне в Ревиста Милитера; сравнительный очерк взглядов и испытаний в различных армиях.

ПХО

Химическая оборона на борту в итальянском освещении

Z. Sch. u. Spr. 1933, № 9, сентябрь, стр. 300—301.

Сокращенное изложение статьи итальянского военного врача Рива «Химическая» оборона на борту военных судов, помещенной в журнале „Rivista marittima" за июль-август 1933 г.

Рива. ПХО боевых судов

Riv. marit. 1933. № 7 - 8, июль-август, стр. 13—18.

Способы защиты судна от газов зависят от его типа и назначения, единого способа защиты всех судов нет. Противогазовая оборона состоит в защите персонала, обязанного находиться на внешних частях судна, персонала внутри судна, и наконец в санитарной помощи. Защита палубы и корпуса судна посредством механического закрытия всех обыкновенно открытых отверстий. Изолирование внутренней части судна. Защита внутренней части судна: децентрализация персонала, охрана припасов и воды (баки с фильтрами), не меньше трех санитарных пунктов, не смежных между собой, циркуляция свежего воздуха через фильтры, противогазы с фоническими диафрагмами для телефонистов, со специальными линзами для наблюдателей (наводчиков, определяющих расстояние и т. п.), убежища. По способу противогазовой защиты суда разделяются на крупные, меньшего размера и мелкие или миноносцы. Последние благодаря своей скорости нуждаются главным образом в защите персонала. На каждом судне должен быть начальник противогазовой обороны.

Противохимическая оборона гражданского населения в итальянском освещении

Gassch. u. Luftsch. 1933, № 8, август, стр. 209—212.

Из статьи итальянского капитана Аттилио Иццо (автора известной книги о химической войне) с несколькими рисунками.

Подполк. Мельтцер. Обучение гражданского населения Франции противохимической обороне

Milit. Wbl. 1933, № 5, август, стр. 158—159.

По распоряжению военного министерства установлено двоякое обучение: а) для массы населения и б) для инструкторов. Последние должны получать основательную подготовку под руководством начальников военнохимической службы в округах.

Эмпсон и Манскопф. Опыт изменения воздуха в газоубежищах без его возобновления

Lufschutz - Nbl. 1933, № 8, август, стр. 176—178

Производство газа и тумана на поле сражения

Milit Wbl. 1933, Tg. 118, № 11, сентябрь, стр. 351—354.

Автор разбирает существующие источники получения газа и тумана, разделяя их на местные и подвижные.

Козубовский. Применение дымовой завесы в пехоте

Prz. piech. 1933, № 6, июль, стр. 733—744.

Сабрие. Несколько трудов по защите от аэрохимической угрозы

Rev. inf. 1933, август. стр. 321—331.

Рецензия на новые книги: 1) проф. Р. Мерсье «Гражданское население под аэрохимической угрозой» (две лекции в Туре, одна — с гипотетическим примером на том же городе); 2) Кап. Каментрон «Аэрохимическая опасность»», 3) Жибрен и Симон «Национальный альбом Антигаз» (сборник фотографий с краткими об'яснениями).

МОТО-МЕХАНИЗИРОВАННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ. ТАНКИ.

Рудницкий и Ивановский. Самостоятельная мото-мехчасть в наступательных действиях на фланге оперативной группы корпуса

Prz. wojsk wy—techn. 1933, № 2, август, стр. 361—384.

Конкретный пример на фоне мнимого наступления армии с северо-востока на юго-запад на Львов для овладения фронтом Сокаль — Влад. Волынский.

Цельсс. Механизированная бригада против пехотной дивизии. Из английских маневров.

Milit. Wbl. 1933, № 48

В продолжение 2 часов механизированная бригада уничтожила пехотную дивизию, имевшую в каждом батальоне по 4 противотанковых орудия.

Моторизация армий. Скорость автоколонны. Марш в колонне и марш индивидуальный

Bul. Belged Sciences Mil., стр. 143—157.

Отчет о теоретическом и практическом испытании, сделанном в бельгийской армии, показал, что условная скорость автоколонны в 10—12 км может быть значительно повышена и приравнена половине максимальной скорости наихудшей машины. Марш колонн по скорости мало чем уступает маршу индивидуальному и выгоднее во всех других отношениях.

Защита моторизованных войсковых частей от нападений с воздуха

Milit. Wbl. 1933, № 10, сентябрь, стр. 317—319.

В статье приведено мнение ген. Ниесселя, который считается специалистом в этой области. Для того чтобы нанести существенный вред двигающейся по дороге моторизованной колонке (сбрасыванием бомб, или пулеметным огнем), неприятельские самолеты должны будут снижаться до 100—150 мт. Для отражения их нападений следует снабдить моторизованную колонку тяжелыми пулеметами, могущими стрелять с повозок во время движения.

Защита автомобильных колонн от воздушных нападений

Takt. u. Techn. 1933, № 14, 54—55. Beilage zu июль, стр. 54—55. Прилож. к Дейче Вер.

Бюшалэ. Поддержка атаки пехоты с танками

Rev. art. 1933, t. 112, № 3, сентябрь, стр. 209—214.

В раз'яснение французских уставов автор рисует схему взаимодействия пехоты, танков и артиллерии в наступлении на обороняющегося противника.

Кап. Пиккерт. Снабжение моторизованных войсковых частей.

Takt. u. Techn. 1933, № 17, август, стр. 68, приложение к Дейче Верб

Танк в горной войне

Kraftzug T. W. u. H. 1933, № 7, июль, стр. 126—128.

Автор находит, что танки, действуя в горах и вообще на пересеченной местности, имеют больше шансов на успех, чем при наступлении на открытой местности. Он об'ясняет это тем, что хотя в первом случае подвижность танков и ограничена, но зато они могут использовать выходы внезапности, и кроме того горная, поросшая лесом, местность чрезвычайно затрудняет и даже делает невозможным применение противотанковых орудий. Редакция названного журнала находит такой общий вывод увлечением.

Митчель Ф. Танковая война. История танков в мировой войне

Хереус. Тяжелая артиллерия и отражение танковых атак

Wehr u. Waffen. 1933, № 9, сентябрь, стр. 390—395.

Появление тяжелых танков прорыва вызвало необходимость употреблять для отражения их главным образом тяжелую артиллерию. Остальные же роды оружия играют лишь второстепенную роль.

Борьба с танками при помощи мин

Milit.—Wbl. 1933, № 8, август, стр. 250—251.

До сих пор считали, что для действительного заграждения одного метра по фронту нужна мина весом в 6 кг. В статье предлагается новая мина в 15 кг, достаточная для заграждения 6 метров по фронту, то-есть на каждый метр приходится всего 2½ кг веса мины.

Возникновение и развитие германских автомобильных войск до конца 1915 г.

Kraftzug in W. u. H. 1933, № 7, июль, стр. 124—126.

Статья написана на основании IX т. сочинения германского государственного архива «Мировая война 1914—1918 гг.». За первый же год войны количество автомашин в германской армии увеличилось в 5 раз, причем к 22 августа 1915 г. состояло: 8600 легковых автомобилей, 10 400 грузовиков и 17 000 мотоциклов.

Использование германских танковых частей при активной обороне на западном фронте в октябре 1918 г. 2-я статья (продолжение следует).

Kraftzug in W. u. H. 1933, № 9, сентябрь, стр. 170—175.

Фуллер. Танки в бою при Бюллекур

R. tank c. journ. 1933, № 171, июль, стр. 63—67.

Описание неудачного боя 4-й австралийской дивизии с участием танков.

Унтерофицер Гейсс. С пулеметами против танков в августе 1918 г.

Deut. Wehr. 1933, № 30, август, стр. 470—472.

Лайман. «Вчерашняя и завтрашняя военная техника».

D. Wehr. Taktik u. Technik, ноябрь 1933, № 23.

Танки и их отражение: на Узунском фронте 20 февраля 1933 г. японцы ввели в дело два больших танковых отряда. Китайские орудия были так хорошо замаскированы, что японские летчики не могли их обнаружить. Сохранив хладнокровие, китайцы открыли огонь лишь с 400—300 м. Спустя самое короткое время перед китайскими линиями лежали 7 расстрелянных, неспособных двигаться танков, остальные повернули назад. В тот же день два японские танка наскочили на мины. В другом случае японцы были победителями. Однако с прибытием новых противотанковых орудий китайцам опять-таки удалось вывести из строя 2 танка, уже на дистанции в 1 000 м.

Майор Пирнер. Железнодорожные бронепоезда.

Kraftzug i. W. u. H. 1933, № 8, август, стр. 147—149.

Статья содержит: 1) возникновение их — исторические сведения, 2) свойства и использование бронепоездов, 3) вооружение, 4) организация связи как внутри поезда, так и с другими войсками и штабами, 5) технические правила движения. (Продолжение следует).

РАДИОСВЯЗЬ

Докт. Иццо, Аттилио. Невидимые лучи и их главное применение в военном деле.

Riv. milit. it. 1933, № 8, август, стр. 1190—1207.

Научная статья по мало исследованному вопросу о невидимых лучах в плоскости использования их в военной области. Автор рассматривает невидимые излучения ультрафиолетовых и инфракрасных (ультракрасных), т. е. именно тех, которые применимы в военном деле, лучей. Он указывает источники ультрафиолетовых излучений и разбирает детально две формы их применения — при телеграфно-телефонных сообщениях и при ночном фотографировании. Невидимые лучи используются также в телевидении и звуковом кино. Инфракрасные лучи начали изучаться во Франции во время мировой войны в целях использования при телеграфно-телефонных сношениях. В статье описываются специальные аппараты и метод использования. Фотографирование на основе инфракрасных лучей, дающих улучшенные снимки, производится на панхроматических пластинках.

Волны наибольшей частоты и их военное значение

Riv. art. gen. 1933, № 3—4, март-апрель, стр. 435—463.

Гатта. Фототелеграфия и телевидение

Forze arm. 1933, № 734, май, стр. 2.

Раваццони У. Передача изображений на расстояние и ее военное значение

Riv. art. gen. 1933, № 8–9, август-сентябрь, стр. 1219—1237.

ИНЖЕНЕРНОЕ ДЕЛО. ТРАНСПОРТ. ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА

Сооружение и устранение заграждений на дорогах. (Продолжение следует)

Milit. Wbl. 1933, Ig. 118, № 6, август, стр. 178—180.

В этой части статьи рассматриваются разные виды препятствий: разрушенные мосты, засеки, поперечные рвы, воронки от взрывов.

Большие постройки железных дорог после войны и их военное и экономическое значение

Wehr u. Waff. 1933, № 9, сентябрь, стр. 424—428.

Майор Лайман. Значение железной дороги через Сахару

Deut. Wehr. 1933, № 34, август, стр. 535—536.

Население Франции и ее колоний состоит из 41 млн. белых и 61 млн. цветных. Названная дорога дает возможность французам в случае войны в короткое время перевезти свои цветные войска с Сенегала, Нигеры и из экваториальной Африки к портам Средиземного моря, откуда они могут быть быстро доставлены на судах во Францию, не говоря уже о проектированном Гибралтарском тоннеле. До сих пор приходилось везти эти цветные войска по Атлантическому океану, причем на таком далеком пути они могли попасть под удары неприятеля.

Технические войска американской армии

Deut. Wehr. 1933, № 33, август, стр. 510.

Употребление технических войск в Соединенных штатах совершенно иное, чем в европейских государствах. Большинство офицеров, унтерофицеров и рядовых находится в мирное время вне армии, на государственной гражданской службе, выполняя наиболее ответственные работы, особенно по сооружению портов и крупных мостов. Это поддерживает их на высокой степени технического совершенства. Мирная численность технических войск в регулярной армии — 401 офицер и 4 465 унтерофицеров и рядовых; в национальной гвардии 438 офицеров и 7 924 унтерофицеров и рядовых.

ПРОБЛЕМЫ МОРСКИХ СИЛ

Гилл. Реальность морских сил

U. S. nav. inst. proc. 1933, vol. 59, № 367, сентябрь, стр. 1260—1268.

Автор возражает сторонникам тех еретических идей, которые считают, что большие бронированные суда отжили свой век и что Америка по своему якобы «островному положению между двумя океанами» вообще нуждается во флоте лишь для непосредственной защиты берегов. Основываясь на опыте империалистической войны, автор доказывает неосновательность всех подобных рассуждений и предлагает пересмотреть морскую политику США.

Противовоздушная оборона морских транспортов

Luftschutz–Nbl. 1933, № 7, июль, стр. 155—157.

На основании прошлогодних маневров итальянского и французского флотов в Средиземном море анонимный автор высказывает свой взгляд на общее стратегическое положение Франции и разбирает влияние, которое воздушный флот может оказать на перевозку французских войск из Алжира и Туниса в Европу.

Морской флот и нация

Army, navy a. a. force gaz 1933, vol. 74, № 3837 август, стр. 622.

Популярная статья, агитирующая за усиление морского флота по поводу «недели морского флота» с напоминанием, что воздушный флот не может заменить морской флот по части транспорта грузов (для доставки груза пшеницы, который помещается на одном океанском пароходе под 2 000 самолетов) и его защиты.

Морской флот «дома». 1914—1933. Отсталость в постройке крейсеров

Army, navy a. a. force gaz. 1933, vol. 74, № 3837 август, стр. 619.

С 5/VIII в главнейших портах открывается неделя морского флота с агитационными целями, совпадающая с годовщиной начала империалистической войны (4/VIII 1914). Сравнение флотов 1914—1918. Отсталость в строительстве.

Адмирал Прат. «Для памяти!» (Статья на премию 1933)

U. S. nav. inst. proc. 1933, vol. 59, № 362, p. 481—499.

Рассуждение на тему о необходимости, не теряя ни одного дня, продолжать судостроительную программу.

Локайер. Некоторые практические вопросы имперской обороны. J. U. S. I. № 512, ноябрь 1933.

Автор стремится доказать, что как с точки зрения экономики, так и в интересах усиления и облегчения имперской обороны было бы выгоднее держать на постоянных стоянках в отдаленных пунктах вместо крейсеров малые суда, а крейсера собрать в эскадры для периодического посещения этих пунктов.

О японском флоте

Deut. Wehr. 1933, № 27, июль, стр. 420—421.

Ни один флот в мире не располагает такой современной материальной частью, как японский, из которого решительно исключаются все устаревшие суда. От разоружения японцы уклоняются. Если состоится проектированная морская конференция 1935 г., то Япония сбросит с себя последние путы и станет рядом с Великобританией и США на равных правах. Никто ей в этом помешать не в состоянии.

Морские силы и воспитание

Army, navy a. a. force gaz. 1933, vol. 74, № 3838, август, стр. 644.

Министр-президент указал, что Англия не может больше продолжать политики «одностороннего» разоружения на море. Ее морской флот ежегодно обходится в 50 млн., но это лишь 2½% от стоимости торгового в 2000 млн.

Ууд. Ход оперативной разведки (в морском флоте)

U. S. nav. inst. proc. 1933, vol. 59, № 367, сентябрь, стр. 129 —1304

Исторический опыт времен Трафальгара и в империалистическую войну. Значение и применение радиоразведки.

Барьо. Борьба с базами в морской войне

Rev. forces aér. 1933, № 48 июль, стр. 723—7.8.

Роль морских баз для современного флота, выявление роли и необходимости участия воздушных сил при борьбе с флотом противника на его базах при небольших морских театрах действий.

Нокс Д. Какие корабли входят в расчет («Базы делают корабли кораблями»)

U. S. nav. inst. proc. 1933, vol. 59, № 365, июль стр. 959-968.

Автор приводит мысль, что при сравнении военноморского могущества различных стран надо учитывать, имеют ли их корабли обеспеченные морские базы. Развивая это положение, автор указывает на сильные стороны британской политики, которая особенно заботится об обеспечении флота морскими базами, и близорукость или беспечность политики США, которая не сумела захватить и удержать хотя бы Маркизанских островов. Такой «альтруизм» в свое время можно было еще об'яснить надеждой, что будут заплачены военные долги. Но раз они остаются неоплаченными — следовало бы потребовать компенсацию в виде морских баз.

Мысли о сущности блокады

Mar. Rund. 1933, № 9, сентябрь, стр. 414—418.

В статье изложены взгляды бывшего начальника американского морского генерального штаба адм. Прат на прошлое и будущее блокады. В прежнее время блокада была лишь военной мерой, теперь она является главным образом экономическим и политическим оружием, которое при индустриальном характере современных государств приобрело необычайную силу. Если в будущем какая-нибудь нация подвергнется тесной блокаде, то судьба ее уже запечатлена; для нее остается один выход — военной силой прорвать блокаду». Это и должен был сделать в мировую войну отличный германский флот, который по мнению адм. Прата имел значительные шансы на успех.

Де Унрд. Блокады как решающее оружие морской силы

U. S nav. inst. proc. 1933, vol. 59, № 366, август стр. 1141—1149.

Автор стремится подтвердить это положение данными (цифрами, диаграммами) из опыта блокады Германии в империалистическую войну с общим заключением, что война была решена безнадежностью созданного блокадой положения, в котором оказалась Германия.

Феа Л. Легкие крейсера 1933 г.

Forze arm. 1933, № 738, май, стр. 1.

Гадов. Будущее линейного корабля

Mar. Rund. 1933, № 6, июль, стр. 241—251.

Моторные быстроходные лодки — новый род оружия

Deut. Wehr. 1933, № 29, июль стр. 456—457.

Новейшее французское судно этого типа имеет водоизмещение в 22 т, максимальную скорость — 96 км в час; вооружение состоит из одного минного аппарата. Радиус действия лодки 90—125 морских миль; по мнению специалистов она представляет идеальное минное судно для береговой обороны.

Сдано в набор 13/II—27/II 1934 г. Подписано к печати 0/IV 1934 г. Техн. редактор Г. Константинов.

Уполномоч. Главлита В-81829. ОГИЗ № 43. Зак. тип. № 1219. Тир. 10.000.

Центр. тип. НКВМ им. Клима Ворошилова. Москва, ул. М а, д. 17.

2 руб. 75 коп.